«СМЕРТЬ ШПИОНАМ!»

СМЕРШ

Гвардия Сталина

Владимир Макаров
Андрей Тюрин

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

СМЕРШ

Владимир Макаров, Андрей Тюрин

СМЕРШ
Гвардия Сталина

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2009

УДК 351.865
ББК 63.3(0)62
М 15

Оформление серии *К. Волкова*

Макаров В. Г.
М 15 СМЕРШ. Гвардия Сталина / Владимир Макаров, Андрей Тюрин. — М. : Яуза : Эксмо, 2009. — 288 с. — (Великая Отечественная. СМЕРШ).

ISBN 978-5-699-38742-7

В отличие от подавляющего большинства современных книг о СМЕРШе, представляющих собой компиляцию одних и тех же источников и без конца пересказывающих давно известные факты, данное исследование основано на лишь недавно рассекреченных документах Центрального архива ФСБ, многие из которых публикуются впервые.

Это подлинная история противоборства советской военной контрразведки с могущественными спецслужбами Гитлера. Это — правда о тайной войне СМЕРШа против Третьего Рейха, в которой сталинские «волкодавы» одолели самых матерых диверсантов Абвера и РСХА. Это – неизвестные подробности лучших спецопераций Главного управления контрразведки НКО СССР «Смерть шпионам!».

УДК 351.865
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-699-38742-7

© Макаров В.Г., Тюрин А.В., 2009
© ООО «Издательство «Яуза», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

«РАДИОИГРЫ» КАК ВИД КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В книгах известного американского психоаналитика Эрика Берна, посвященных проблемам человеческих взаимоотношений, проанализировано отличие игры от других типов социальных действий. По мнению Берна, игры отличаются двумя основными характеристиками: во-первых, скрытыми мотивами и, во-вторых, наличием выигрыша.

С этим бесспорно можно согласиться, так же, как и с его утверждением, что игры «могут быть нечестными и нередко характеризуются драматичным, а не просто захватывающим исходом»[1]. В полной мере вышесказанное относится к предмету разговора, о котором речь пойдет ниже. Из поля зрения американского ученого, однако, ускользнул любопытный вид человеческих игр — «игр», в которые играли контрразведки противоборствующих сторон в дни мира и в дни войны.

---

[1] *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. — СПб., 1992. С. 37.

* * *

Во все времена человеческой истории новейшие открытия в области науки и техники прежде всего находили свое применение на полях сражений. Не стало исключением и открытие радиосвязи. Уже в годы Первой мировой войны радио стали использовать не только для передачи сигналов боевого управления и прочих военных сведений, но и в разведывательных и контрразведывательных целях.

Об этом же подробно написал в своей книге и австрийский разведчик Макс Ронге: «Мы ожидали большого натиска со стороны наступавших русских (в сентябре 1914 г. — *Прим. авт.*), но в действительности темп их наступления был значительно медленнее, чем мы ожидали, и после занятия Перемышля русские армии задержались на Вислоке. Это было нашему командованию непонятно, и у нас начали предполагать, что в России началась революция, но путем радиоподслушивания мы узнали о стягивании новых сибирских полков и 1-го туркестанского корпуса. Когда наши отступавшие части достигли места, где они смогли привести себя в надлежащее состояние, нам удалось подслушать радиотелеграмму, посланную известным нам уже командующим 9-й армией генералом Лечицким, который приказывал 16-му корпусу покинуть Вислок и вернуться в Кр. Сан. По сведениям, полученным от агентов, русские войска в количестве 1-й пехотной бригады и 7 кавалерийских дивизий расположились в районе между Нидой и Вислой. Это заставило думать, что русские предполагали передвинуться на северный берег Вислы, быть может, после того, как им стало известно о сосредоточении полков германской 9-й армии. По радио мы вскоре узнали, что сведения наших агентов базировались на ложных слухах, распространявшихся русскими с целью дезин-

формации; в действительности там было сосредоточено всего $5^1/_2$ кавалерийских дивизий...»[1].

Будущий глава германской военной разведки, а в годы Первой мировой войны офицер крейсера «Дрезден», Вильгельм Канарис[2] использовал передачи в эфир ложных сообщений о месторасположении своего корабля для того, чтобы спастить от британского флота в южноамериканских водах: «...Канарис начал маскировать передвижения «Дрездена» своеобразной радиоигрой. Так, радиостанция в Сан-Хуане (Пуэрто-Рико) вскоре приняла сообщение о том, что «Дрезден» якобы возвращается домой через Азорские острова. В то же время другое — шифрованное — известие полетело на бразильскую базу. В нем говорилось, что крейсер будет фигурировать в последующих переговорах под вымышленным именем «Сьерра-Сальвада» и что сперва он попытается добраться до острова Рокас (Северная Бразилия), чтобы пополнить запасы угля»[3].

Дезинформация противника путем сообщения ему ложных сведений военного и экономического характера является одним из старых и испытанных средств ведения войны. Этим средством пользовались в разные времена и эпохи руководители государств и полководцы. Своевременная и умело пущенная в действие дезинформация помогала им одерживать победы на дипломатическом фронте и на полях сражений.

Для того чтобы дезинформация возымела свое действие, ее следовало подавать противнику в таком виде и

---

[1] *Ронге М.* Разведка и контрразведка. — М., 1936. С. 58—59.

[2] О В. Канарисе см. также: *Абсхаген К.Х.* Канарис. Руководитель военной разведки вермахта. 1935—1945 гг. — М., 2006; *Бассет Р.* Главный шпион Гитлера: Тайна Вильгельма Канариса. — М., — 2006; *Мельников Д., Черная Л.* Двуликий адмирал (главарь фашистской разведки Канарис и его хозяева). — М., 1965; *Волков А., Славин С.* Адмирал Канарис — «Железный» адмирал. — М.: Смоленск, 1998; *Колвин Я.* Канарис. — Ростов н/Д, 1999.

[3] *Волков А., Славин С.* С. 33—36.

таким путем, чтобы он принял ее за действительность и при попытке проверить полученные сведения не смог бы отличить обман от истины. При этом большое значение играет степень доверия противника к источнику информации.

С началом Второй мировой войны радиоэфир в полной мере стал новой сферой противоборства. Наряду с традиционными боевыми действиями на суше, на море и в воздухе разгорелась настоящая битва в «четвертом измерении». На огромных пространствах от туманного Альбиона до морозной России широкое применение получили особые контрразведывательные мероприятия — «радиоигры».

Их сущность как нельзя лучше раскрывает древняя китайская стратагема: «Когда нет ничего, а показываешь, что как будто обладаешь чем-то, — это и есть обман. Однако же всякий обман не держится долго и легко распознается. Поэтому несущее не может все время быть не сущим. Если же из ничего сотворить что-то, тогда обман станет действительностью, пустое станет содержательным. Посредством несущего нельзя победить врага. Сотвори из ничего сущее — и враг будет повержен»[1].

Радиоигры открывали широкие возможности для передачи противнику необходимой дезинформации. Этому способствовали следующие положительные моменты. Во-первых, необходимая дезинформация оперативно доводилась до сведения противника. Во-вторых, в ходе радиоигр возникали возможности для создания разнообразных «легенд» о действиях перевербованной агентуры противника по сбору развединформации, при этом немедленно проверить правильность донесений не представлялось возможным. При составлении докладов руководству разведка противника была вынуждена

---

[1] Тридцать шесть стратагем. // Китайская наука стратегии. — М., 1999. С. 261.

учитывать сведения, поступавшие от своей агентуры. В-третьих, в целях «закрепления» переданной дезинформации можно было проводить различные «комбинации», а также осуществлять мероприятия по подтверждению переданных противнику сведений через другие источники. В-четвертых, по ответным шифровкам противника можно было немедленно узнать реакцию на полученную им дезинформацию. В-пятых, по заданиям, полученным от противника, появлялась возможность частично раскрывать планы врага.

В период Великой Отечественной войны Главное командование Красной Армии также с успехом использовало дезинформацию как одно из средств борьбы с противником. Радиоигры, проводимые органами советской военной контрразведки, стали одним из эффективных способов передачи дезинформации Верховному командованию германской армии (вермахта).

РАДИОИГРЫ АБВЕРА И СД

В нацистской Германии радиоиграми с противником параллельно занимались две спецслужбы — военная разведка (Абвер) и Главное управление имперской безопасности (РСХА). В Абвере радиоигры с противником непосредственно вел реферат III F контрразведывательного отдела (Абвер III). В ведомстве Г. Гиммлера радиоиграми занимался 2-й реферат отдела «А» (IV A2) IV Управления (гестапо) Главного управления имперской безопасности (РСХА). Некоторые эпизоды этого тайного противостояния в эфире германских контрразведывательных служб в годы Второй мировой войны имеются в мемуарах самих немецких разведчиков и зарубежных историков.

Итак, немецкая контрразведка одной из первых приняла на «вооружение» новую, перспективную форму

борьбы с противником с началом Второй мировой войны. Уже в ходе подготовки «Битвы за Англию» с территории стран Западной Европы, оккупированных германской армией, начались радиоигры с британской разведкой.

В руках Абвера и СД радиоигры стали мощным средством противодействия разведывательно-диверсионным операциям британской разведки и силам Сопротивления во Франции, Бельгии и Голландии. История этого противостояния спецслужб Германии и Великобритании рассказана в книге бывшего британского разведчика и журналиста Эдварда Кукриджа[1].

Самой известной радиоигрой, проведенной Абвером и СД на Западе, и одновременно самым крупным поражением британской военной разведки в годы Второй мировой войны стала операция «Северный полюс» (*нем.* «Nord Pole»). Об этой радиоигре живо и интересно рассказал в своей книге ее руководитель, начальник контрразведывательного отдела (III F) Абвера в Голландии майор Герман Гискес.

Описывая сущность радиоигр, Гискес отмечал: «Радиоигра состоит в том, чтобы продолжать работать на этом (захваченном у противника. — *Прим. сост.*) передатчике в интересах нашей контрразведки, скрыв факт захвата передатчика от врага, и поддерживать у того уверенность, что его агент по-прежнему спокойно работает. Такая игра была фундаментальным принципом немецкой военной контрразведки, и все прочие соображения и мотивы должны были отступить, когда появлялась возможность наладить с врагом радиосвязь, которую тот бы считал абсолютно подлинной. Послания вражеской разведки, отправленные на попавший к нам приемник, могли бы дать ценные сведения о намерениях врага. Каждое задание, порученное агентам, каждый передан-

---

[1] Подробнее см.: *Кукридж Э.* Европа в огне. Диверсии и шпионаж британских спецслужб на оккупированных территориях. 1940—1945. — М., 2003.

ный им вопрос и каждый обмен посланиями становился бы километровым столбом на дороге, ведущий к цели контрразведки — проникновению в сердце вражеской разведки»[1].

За 20 месяцев, с 6 марта 1942 года (захват первого английского радиста Х. Лауверса) по октябрь 1943 года (последний сброс англичанами грузов для своих агентов), немцы захватили 54 агента британской и голландской спецслужб (из них 47 человек были казнены гестапо). Кроме того, в ходе операции «Северный полюс» Люфтваффе перехватили и уничтожили в воздухе при выполнении разведывательных заданий 12 четырехмоторных бомбардировщиков. Сотни тонн оружия, боеприпасов, взрывчатки и специального оборудования попали в руки германской контрразведки, в том числе новейшая аппаратура для наведения на цель в ночных условиях.

В упомянутой выше книге Э. Кукридж высоко оценил операцию «Северный полюс» Абвера и «Английскую линию» СД: «...в течение следующих двух лет (1942—1943 годов. — *Прим. авт.*) Гискес и Шрайдер совместными усилиями свели на нет все попытки голландского отделения SOE и собственной лондонской секретной службы голландцев наладить работу в стране»[2].

В воспоминаниях Вальтера Шелленберга, бывшего начальника VI Управления Главного управления Имперской безопасности (РСХА)[3], имеется эпизод, посвященный спецоперации «Английская игра», проведенной гестапо против сил Сопротивления в Голландии: «...Англичане использовали силы движения Сопротивления для укрепления своей организации даже в самой Германии путем вербовки агентов в среде многочисленных рабочих-иностранцев, насильственно привезенных для

---

[1] *Гискес Г.* Операция «Северный полюс». Тайная война Абвера в странах Северной Европы. — М., 2004. С. 39—40.

[2] *Кукридж Э.* С. 327.

[3] Об РСХА будет подробнее рассказано в главе 1.4.

работы в Германию. Однако подпольные организации движения сопротивления на оккупированных территориях не только выслеживались нами, но и использовались путем засылки в него наших тайных агентов. Были даже случаи, когда мы совместно с англичанами «руководили» группами Сопротивления. Иногда нам удавалось с помощью радио затребовать из Англии необходимую радиоаппаратуру, а также деньги и взрывчатые вещества (качество их было значительно лучше наших), которые сбрасывались нам с парашютом. Порой наши требования выполнялись менее чем в десятидневный срок, и мы получали необходимые материалы, которые сбрасывались нам с парашютом на оккупированную нами территорию. Английская секретная служба, таким образом, стала нашим постоянным источником финансирования. Количество денег, полученных таким путем, составило несколько миллионов»[1].

Шелленберг не преминул поведать об успехах германских спецслужб в проведении радиоигр и с советской контрразведкой: «В области радиоразведки Германия достигла исключительных успехов. Мы могли перехватывать переговоры по радио, которые велись между частями на фронте, и часто получали важные сведения о передвижении войск и готовящихся операциях. Была разработана техника использования нелегальных передатчиков противника. Заключалась она в следующем: после обнаружения и захвата этих передатчиков мы продолжали работать на них от лица противника и сами подбирали материал для передачи, причем часть данных была правильной, а часть — вымышленной. Так мы очень часто вводили противника в заблуждение по вопросам, имевшим особоважное значение. Иногда мы так успешно вели игру, что просили о высылке новых агентов, ко-

---

[1] *Шелленберг В.* Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. — М., 1991. С. 353—354.

дов, оружия, денег или взрывчатых веществ. Противнику же казалось, что он расширяет сеть своих агентов, в то время как на самом деле он напрасно тратил огромные средства и ценные кадры. Особенно успешную игру мы вели с московским радиоцентром. Было время, когда мы имели около шестидесяти четырех захваченных у противника радиостанций, работавших на Москву»[1]. Не в меру расхвастывавшийся шеф эсэсовской спецслужбы и не подозревал, что, в свою очередь, его ведомство, на пару с Абвером, почти всю войну «финансировало» Лубянку. Но об этом подробнее будет рассказано в нашей книге.

Радиоиграм с противником уделил внимание в своих мемуарах и «шеф» всех диверсантов рейха Отто Скорцени. В его воспоминаниях отдельная глава, посвященная радиоиграм немецкой контрразведки, получила название «Функешпиль»[2]. После своего назначения командиром спецподразделения «Фриденталь» Скорцени вплотную приблизился к наглухо скрытому от глаз непосвященных «тайному миру» разведки и контрразведки: «Для меня стало настоящим откровением очень многое из того, что я узнал о контрразведывательной деятельности наших спецслужб во время поездки в Голландию («шпионами» РСХА занималось III Управление и Зипо). Я был поражен тем, какую бешеную активность развили в этой области англичане. Едва ли не каждую ночь самолеты сбрасывали над нашей территорией парашютистов-диверсантов, шпионов и саботажников или снабжали уже внедренную агентуру рациями, взрывчаткой, оружием и тому подобным... Нашим голландским коллегам удалось провести

---

[1] *Шелленберг В.* С. 349—351.

[2] *Das Funkespiel* (*нем.*) — радиоигра, прием контрразведывательной деятельности, заключающийся в перевербовке радиста противника или в подмене его собственным радистом в целях получения информации и распространения дезинформации. (Deutsch-Russisches Abwehrwoerterbuch. Tintenfassverlag, Wittenberg, 1942).

английскую разведку и организовать «радиоигру». Наши службы захватили 10 радиостанций с полным набором «ключей» и кодов. Взятые в плен британские радисты под контролем немецких контрразведчиков отправили по каналам связи тщательно и достоверно составленную дезинформацию. В ходе «игры» мы смогли разоблачить действовавшую на территории Голландии организацию, состоявшую из нескольких сотен человек. «Подполье» было тщательно «законсервировано» и малоактивно. Было принято решение оставить их до поры до времени на свободе, чтобы не сорвать успешную «радиоигру»[1].

Немецкий историк Андреас Зегер в своей книге о руководителе IV Управления РСХА (гестапо) Генрихе Мюллере небольшую главу посвятил радиограмм: «Под радиоиграми в РСХА в ответственном за это ведомстве IV А 26 (коммунистический шпионаж[2]; руководитель — криминальный советник Амплетцер) понимали вербовку рассекреченных агентов, направленных странами антигитлеровской коалиции в Германию или на оккупированные ею территории. Сначала речь шла о советских разведчиках, которых забрасывали за линию фронта. После ареста и изъятия у него рации проводилась зашифровка сообщений, передаваемых для дезинформации.

...Согласно высказыванию ответственного за радиоигры Хорста Копкова, Мюллер долгое время не проявлял к этой работе никакого интереса. Ему бы больше понравилось, если бы шпионы предстали перед судами вермахта или военно-воздушных сил. Скорее всего, Мюллер опасался, что привлеченные к совместной работе агенты позднее не будут привлечены к ответственности. Только во второй половине 1942 г. Мюллер смог

---

[1] *Скорцени О.* Секретные задания. — Ростов н/Д., 1999. С. 44, 46.

[2] В 1940—1944 гг. отдел А II (борьба с саботажем, контрразведка, дезинформация) в IV Управлении РСХА (*нем.* RSHA Amt IV) возглавлял оберфюрер СС Фридрих Панцингер. — *Прим. авт.*

оценить пользу, получаемую от взятых в плен советских агентов и сформированных из них агентурных групп. До конца войны службой бывшего гауптштурмфюрера СС Копкова в Советском Союзе было проведено около 110 блоков радиоигр[1], об успехах которых Мюллеру докладывали в каждом случае.

Показания Копкова кажутся достоверными. 17 декабря 1942 г. Мюллер послал срочную телеграмму в полевой штаб, чтобы сообщить Гитлеру о ликвидации группы парашютистов. Русские агенты были арестованы в Житомире при помощи человека из Зипо. Только одному русскому удалось сбежать. Уже с весны 1942 г. агенты сообщали в Москву об аэропортах, охране железнодорожных вокзалов и др. Был запеленгован передатчик и сохранена связь с Москвой через отдел Зипо в Житомире. В декабре 1942 г. Гиммлер отослал Мюллеру письмо следующего содержания: «Фюрер дал согласие передавать в Москву, используя радиоигру, необходимую, согласованную с министерством иностранных дел и ОКВ, информацию, если даже она объективно соответствует действительности».

Радиоигры проводились с большим успехом. Во всяком случае, Советы до последнего не замечали, что получают дезинформацию. После войны они даже в собственной стране искали предателей, поскольку не могли поверить, что их агенты были выслежены благодаря шпионской технике противника, например оборудованию для пеленга»[2].

---

[1] В подстраничном примечании А. Зегер приводит цитату из книги Вальтера Хагена (псевдоним немецкого разведчика Вильгельма Хёттля), который писал, что только в 1944 г. было проведено около 300 сеансов радиоигр. См.: Hagen, Walter (Wilhelm Hättl): Die geheime Front. Organisation, Personen und Aktionen des Deutschen Geheimedienstes, Linz und Wien. 1950. S. 74.

[2] *Зегер А.* «Гестапо-Мюллер». Карьера кабинетного преступника. — Ростов/на Д., 1997. С. 269—272.

О масштабной радиоигре, проведенной гестапо с английской разведкой, поведали читателям немецкие историки М. Уль и Х. Эберле, опубликовавшие рукопись «Гитлер», которая долгие годы хранилась в одном из российских архивов. Этот документ составлен личным камердинером Гитлера Гейнцом Линге и адъютантом фюрера Отто Гюнше в советском плену. Из примечания к фрагменту «мемуаров» о неудавшемся покушении Эльзера на Гитлера 8 ноября 1939 года в пивной «Бюргербройкеллер» следует, что «функешпиль» с резидентом британской секретной службы Ми-6, проведенной СД, начался в Голландии в октябре того же года.

Цель радиоигры первоначально состояла в том, чтобы выяснить, не происходит ли несанкционированная утечка информации о германских наступательных планах на Западном фронте. В ходе «функешпиля» германской спецслужбе удалось убедить англичан в том, что с ними якобы поддерживает контакты оппозиционная группа офицеров вермахта[1].

Расследование покушения на фюрера привело к массовым арестам и побудило германскую спецслужбу провести «радиоигру»: «СД считала, что покушение на Гитлера было организовано английской разведкой. В связи с этим сотрудники СД затеяли соответствующую радиоигру с английским разведывательным пунктом в Голландии, выдавая себя за антифашистскую группу Сопротивления в Германии. В ходе радиоигры германской Службе безопасности удалось заманить английских разведчиков капитана Беста и Стевенса на голландско-германскую границу, откуда сотрудники СД, застрелив

---

[1] *Вермахт* (от *нем.*: die Wehrmacht) — вооруженные силы. Это наименование стало употребляться в данном конкретном смысле слова после произведенной А. Гитлером в феврале 1938 г. реорганизации (под предлогом спровоцированной отставки Бломберга и Фрича) высших командных органов вооруженных сил, в результате которой он стал единоличным Верховным Главнокомандующим также и де-факто.

ничего не подозревавших голландских пограничников, затащили Беста на территорию Германии. На допросах Беста участие английской разведки в покушении на Гитлера не было установлено. Бест исчез в одном из концлагерей, а Эльзер был использован для строительства адских машин в диверсионном отделе СД»[1].

Этот эпизод с похищением английских разведчиков Беста и Стивенса вошел в историческую литературу как «инцидент в Венло». Кстати, именно Вальтер Шелленберг, в то время офицер гестапо, был одним из главных участников этой операции.

Обратим внимание читателя еще на один эпизод в истории Второй мировой войны, связанный с «войной в эфире». Радиоигры с противником с 1944 г. были сосредоточены в IV Управлении РСХА, которое возглавлял группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Г. Мюллер. Поэтому некоторые авторы выдвинули версию, что в последние дни сражения за Берлин он перешел на советскую сторону.

В частности, об этом написал в своей книге бывший оберштурмбаннфюрер СС Вальтер Хёттль, исполнявший в годы войны должность начальника отдела разведки в Центральной и Юго-Восточной Европе VI Управления РСХА (внешняя разведка): «Некоторые коллеги Мюллера выражают мнение, что он еще в 1944 году установил контакт с русскими и переметнулся к ним после краха Германии. Думаю, что идея эта не слишком уж и фантастична. В гестапо имелся специальный отдел, в задачу которого входило поддержание радиосвязи захваченных советских агентов с их Центром, словно они еще находились на свободе. Таким путем советское Верховное Главнокомандование получало дезинформацию, на основе которой зачастую принимало неверные реше-

---

[1] Неизвестный Гитлер / О. Гюнше, Г. Линге; Авт.-сост. М. Уль, Х. Эберле. — М., 2005. С. 84—85.

ния, имевшие нежелательные для русских последствия. Подразделение это носило название «отдел радиоигры» и насчитывало в 1944 году около 300 сотрудников. Ничего невозможного нет в том, что Мюллер использовал одну из целого ряда линий этой радиосвязи для вхождения в контакт с русскими — для передачи верной информации — непосредственно перед самым крахом. ...Человек, который в течение ряда лет являлся главой немецкой секретной государственной полиции и поддерживал своими полицейскими силами порядок по всей оккупированной немцами территории, мог продать русским свои знания и опыт. ...Исходя из этого вполне можно предположить, что Мюллер сейчас спокойно работает на русских, хотя никаких доказательств этого нет. Известно лишь, что после смерти Гитлера он исчез из имперской канцелярии вместе с надежным другом Шольцем. С тех пор ни об одном из них никто ничего не слышал. А ведь именно Шольц возглавлял «отдел радиоигры»[1].

Как известно, эта версия оказалась ложной. Остается только гадать, почему офицер германской политической разведки заподозрил «главу немецкой секретной государственной полиции» в измене?

* * *

После Победы советская контрразведка от захваченных в плен немецких разведчиков и трофейных документов получила, как говорится «из первых рук», сведения о радиоиграх Абвера и СД. Наиболее обстоятельный рассказ о спецоперациях германской военной разведки в эфире содержался в собственноручных показаниях от 25 марта 1946 года бывшего начальника Абвер I (военная разведка) генерал-лейтенанта Франца фон Бентивеньи:

---

[1] *Хёттель В.* Секретный фронт. Воспоминания сотрудника политической разведки Третьего рейха. 1938—1945. — М., 2003. С. 72—73.

«Во время войны, как на Востоке, так и на Западе, противник производил усиленную заброску агентов-радистов в тыл немецких войск. После задержания радистов германской разведки представлялась возможность с помощью захваченной рации установить связь с радиостанцией противника и при ее посредстве дезинформировать противника, вводить в заблуждение о якобы продолжающейся работе выброшенных агентов с тем, чтобы он счел целесообразным выброску других агентов в данный район.

Быть в курсе разведывательных заданий противника, которые позволяют делать выводы о его тактических операциях или контрразведывательных планах.

Контролировать обеспечение агентов, захватывать выброшенную с самолетов всевозможную технику (запасные части для раций, материалы для диверсий, оружие, боеприпасы) и воспрепятствовать использованию этих технических средств агентуры.

Успешно вести розыск диверсионных групп, которым агент в данном случае должен был передать сброшенный материал.

Затребовать у противника выброску других агентов и в случае их выброски использовать последних для дезинформации противника, чтобы иметь возможность использовать захваченные рации.

Германская разведка должна была иметь все необходимые шифры и знать в деталях получаемые агентами задания. При этом следовало решить, вести ли дальнейшую работу на рации через перевербованного агента или через немецкого радиста, в равной мере умеющего работать на рации, или через другого проверенного, перевербованного ранее агента. Если задержанный агент оказывался благонадежным для работы на рации, то целесообразно было использовать его, поскольку работающая с ним станция противника могла знать почерк его передачи. Во всяком случае, было необходимо учиты-

вать то обстоятельство, что агент незаметным образом мог передать противнику условный знак, означающий провал.

Часто через немецкого радиста с помощью особого аппарата производилась перепроверка передач по рации перевербованного агента. Германские органы Абвера пользовались обоими указанными путями. Правда, при тщательной подготовке и деловом руководстве радиограмм оба способа давали хорошие результаты. Так, в течение 1942 года «Абверштелле-Краков» перевербовывала задержанных советских радистов и заставляла их поддерживать связь с советскими радиостанциями. Насколько я припоминаю, такая радиостанция находилась в Москве. Агент должен был сообщать главным образом о транспортах войск, идущих через Краков.

Начальник «Абверштелле» Фридерици был в то время лично у меня в Берлине и спрашивал, может ли он передавать по радио о действительно проходящих через Краков транспортах с войсками, так как другие агенты, нам неизвестные, могут также передавать о движении войск, и для него важно, чтобы передаваемые по радио донесения были достоверными (между прочим, органы Абвера желали по возможности не прибегать к дезинформации, чтобы уберечь агента от провала).

Я направил его к начальнику группы «III-Д» и сказал ему, что органы Абвера не имеют право действовать самостоятельно, что как раз при донесениях о движении войск данные должен давать Генеральный штаб и что группа «III-Д» доложит там о его желании. Наряду с многочисленными донесениями за большой период времени, как сообщала «Абверштелле-Краков», некоторые сведения о транспортах, согласно разрешению, были радированы.

В конце 1942-го или начале 1943 года «Абверштелле-Краков» сообщила, что связь с советской радиостанцией налажена хорошо и что в ответ на просьбу

выслать запасные части для рации советская разведка обещала выслать их с новым радистом, который будет выброшен на самолете. В связи с этим специально выделенная команда «Абверштелле» будет в обусловленное время в указанном месте ожидать советский самолет. Но эта операция не удалась, потому что самолет не появился.

После этого «Абверштелле» договорилась о новом сроке выброски. Вторая попытка удалась. В соответствии с обусловленностью при приближении самолета к месту выброски «Абверштелле» сигнализировала цветными ракетами. С самолета были сброшены запасные радиочасти и один радист с рацией. Выброшенный радист был перевербован, но для работы на его рации был поставлен немецкий радист. В дальнейшем «Абверштелле» подтвердила, что связь со вторым передатчиком установлена и что с разрешения службы «III–Д» передана информация. Как долго оба передатчика поддерживали связь с советскими радиостанциями, мне неизвестно.

В результате радиоигры, проводившихся «Абверштелле–Голландия», английской разведкой были выброшены в Голландии с самолетов несколько агентов с рациями (руководил описанными «радиоиграми» майор Гискес из службы «III–Ф»). Удалось друг за другом задержать и перевербовать нескольких агентов. «Абверштелле» сообщила, что удалось установить связь с английскими радиостанциями вблизи Лондона и что в установленное английской разведкой время для передач передает только позывные. Агенты были озадачены передачей по радио сведений о дислокации войск. Благодаря характеру следовавших затем разведывательных данных, английская разведка была уверена, что связь с ней поддерживают выброшенные ею агенты. «Абверштелле» просила затем в течение следующих месяцев прислать новых радистов, которые имели якобы очень хорошие возможности для разведки. После этого английская раз-

ведка в течение некоторого времени выбрасывала на самолетах новых радистов, продовольствие, материал для диверсии, оружие и боеприпасы.

Агенты имели задание установить связь по радио с руководителями голландского движения Сопротивления. Данные для радиоигр с голландским движением Сопротивления давал руководящий орган гестапо в Голландии — «Штаполяйтштелле-Голландия». В течение некоторого времени удалось одновременно провести до 10 радиоигр. В результате радиоигр было захвачено большое количество материала для диверсии (несколько тонн взрывчатого вещества, несколько тысяч пистолетов, автоматов и большое количество боеприпасов). Этой серии радиоигр «Абверштелле-Голландия» дала наименование «Норд поль» («Северный полюс»)]»[1].

Во время допроса 25—26 октября 1948 года бывший начальник «Абверкоманды 305» подполковник Юлиус Христианзен существенно дополнил рассказ своего старшего по чину коллеги конкретными подробностями о противостоянии в эфире советской и немецкой контрразведок:

«[...] *Вопрос*: Находясь на руководящих должностях в органах германской военной контрразведки, вы руководили следствием по делам задержанных советских разведчиков?

Ответ: Задержание и следствие по делам советских агентов, перебрасываемых в тыл германской армии, вела в прифронтовой полосе тайная полевая «ГФП» и в тылу — органы СД—Гестапо.

Вопрос: После предварительного следствия по делам задержанных советских разведчиков органы ГФП и СД—Гестапо передавали их в военную контрразведку — Абвер III?

---

[1] Подробнее об операции «Норд поль» см.: *Гискес Г.* Операция «Северный полюс». Тайная война Абвера в странах Северной Европы. — М., 2004.

Ответ: В некоторых случаях задержания советские разведчики после предварительного допроса в ГФП и СД передавались в подразделения Абвер III.

Вопрос: С какой целью?

Ответ: В наших подразделениях Абвер III задержанные советские агенты подвергались специальным, контрразведывательным допросам для выяснения структуры и методов деятельности советской разведки и контрразведки.

Вопрос: А перевербовкой агентуры органы Абвер III не занимались?

Ответ: Занимались. Насколько мне известно, перевербовке подвергались главным образом советские разведчики-радисты с целью организации агентурных комбинаций, называемых в немецкой разведке «радиоиграми».

Вопрос: Какую цель преследовали эти радиоигры?

Ответ: Они преследовали цель дезинформации разведки противника и организации приема новых агентурных групп, которые или уничтожались, или перевербовывались.

Вопрос: Какие радиоигры, организованные немецкой разведкой на базе перевербовки советских разведчиков-радистов, вам известны?

Ответ: Наиболее значительной по своему характеру, длительности ведения и результатам была радиоигра «Адмирал».

Вопрос: Что вам известно о личности перевербованного советского резидента, который использовался по делу «Адмирал»?

Ответ: О личности этого резидента мне ничего не известно.

Вопрос: Известны ли вам технические условия радиосвязи перевербованного резидента с разведцентром в гор. Москве?

Ответ: Нет. Об этом я ничего не знал.

Вопрос: Какие дезинформационные сведения вы получали в отделе «I–Ц» армейской группировки «Центр» для радиоигры «Адмирал»?

Ответ: Я получил в отделе «I–Ц» у полковника Стефанус[1] и передал в гестапо гор. Кракова майору Кораб и в гестапо гор. Брно Германну и Рауш для радио–игры под кличкой «Адмирал» большое количество дезинформационных материалов. Из них я припоминаю следующие: в августе или сентябре 1944 года сообщение о переброске по железной дороге через Краков в направлении на Ржув одной танковой дивизии. В феврале или марте 1945 года был передан дезинформационный материал об усиленной переброске нескольких полков немецких войск в район Брно. Так как у нас в тот период положение с горючим было очень напряженное, то по предложению полковника Стефанус было передано в советский разведцентр, что переброска производится на газогенераторных машинах новой конструкции и по железной дороге.

Вопрос: Какие еще радиоигры немецкой разведки с использованием перевербованных советских разведчиков вам известны?

Ответ: Мне известны еще следующие радиоигры немецкой разведки:

1. «Капитан» — эта радиоигра была организована на базе дела «Адмирал». Вызванный по радио советский разведчик–радист был пойман в 1943 году и перевербован майором Кораб. Эта радиоигра продолжалась до конца апреля 1945 года, в последнее время ею руководил отдел гестапо в гор. Иглау (Чехословакия).

2. Радиоигра, название которой я не помню, была начата в октябре 1944 года, когда вблизи Прешова (Чехословакия) были захвачены гестапо советский резидент и

---

[1] Речь идет о сотруднике германской военной разведки полковнике *Конраде Стефанусе*, который с 25 января 1945 г. являлся начальником отдела I–Ц при штабе группы армий «Центр».

радистка, переброшенные на самолете. Они имели задание от разведцентра 1-го или 4-го Украинского фронта, который дислоцировался тогда в гор. Киеве, произвести разведку в Восточной Словакии и дожидаться там прихода советских войск. Допрос этих разведчиков вел зондерфюрер Шмидт из отряда Абвера № 302[1]. На допросе они рассказали о задании и раскрыли радиошифр. После этого они были Шмидтом перевербованы и переданы в гестапо гор. Брешов, а затем в гор. Брно. Они сообщали в свой разведцентр дезинформационные сведения о передвижении и численности немецких войск, а также о взрывах, якобы совершенных ими на железной дороге.

Должен отметить, что, по сообщению радиопеленгационной станции Верховного командования из Стандорфа у Берлина, бюллетени которого мы регулярно получали, ряд советских агентов радировал осенью и зимой 1944 года о произведенных взрывах железнодорожных линий, мостов и шоссе в Словакии, чего в действительности не было. Эти агенты, сообщения которых перехватывала и расшифровывала специальная служба Верховного командования, имели связь с разведотделом 1-го или 4-го Украинского фронта.

3. [...] — эта радиоигра началась в июле 1944 года в районе Мукачево. Она велась с помощью перевербованного советского агента-парашютиста, который в советской разведке имел кличку [...]. Этот агент получил задание от разведцентра в гор. Киеве собрать сведения о венгерской военной промышленности. В соответствии с

---

[1] Так в документе, речь идет об «Абверкоманде 302». *«Абверкоманда 302»* (до июля 1942 г. — Абверкоманда 3А) — контрразведывательное подразделение Абвера. Действовала при армейской группировке «Юг», затем — «Юг Б». Проводила активную контрразведывательную работу по месту дислокации и через подчиненные ей абвергруппы №№ 304—306 и 323. Летом 1943 г. направлена в штаб «Валли» на переформирование. *Начальник*: майор *Альфред фон Фельдман* (январь 1942 г. — март 1943 г.).

полученным заданием он, после перевербовки, был переброшен в венгерский промышленный город Сольнок, а затем в Будапешт. Этого агента передали для использования отделу гестапо в гор. Будапеште.

4. Радиоигра, название которой не помню, начата в октябре 1944 года в гор. Кракове. Была поймана и перевербована советская радистка, посланная разведотделом 1-го или 4-го Украинского фронта. Она была перевербована фельдфебелем Гартман из отряда Абвера особого назначения, подчиненного мне. Эта радистка, блондинка, маленького роста, в возрасте 23—25 лет, в течение двух месяцев работала по нашему заданию, передавала дезинформацию в свой разведцентр, а затем бежала от нас.

5. «Красная шапочка» — эта радиоигра мне известна, поскольку я передавал для ее ведения дезинформационный материал в июле 1944 года в гестапо в гор. Кракове. Руководил этой «игрой» майор Кораб, перевербованным агентом была радистка, фамилии и примет которой я не знаю.

6. «Лев» — об этой радиоигре я узнал летом 1944 года в гор. Кракове, поскольку мне приходилось передавать в гестапо для ее ведения, дезинформационный материал. Руководил тогда этой радиоигрой майор Кораб. Позднее радиоигры «Лев» и «Красная шапочка» вел отдел гестапо в гор. Брно.

Вопрос: Что еще вам известно о перевербовке германской разведкой советских радистов, переброшенных в немецкий тыл с разведывательными заданиями?

Ответ: Мне известно, что в начале 1945 года и до капитуляции отдел гестапо в гор. Брно вел больше 10 радиоигр с использованием советских радистов, но подробностей о всех их я не знаю, т. к. моя функция заключалась лишь в обеспечении дезинформационным материалом, который я получал из отдела I-Ц армейской группировки «Центр» в соответствующий отдел гестапо.

Вопрос: Почему передача дезинформационного материала шла через вас, а не непосредственно из отдела «I–Ц» армейской группировки «Центра» в соответствующий отдел гестапо?

Ответ: Штаб армейской группировки «Центр» дислоцировался в дер. Юзефштадт в 300 км от гор. Брно. Я со своей командой находился в деревне Ратбош у гор. Коллин и ежедневно посылал курьера в штаб армейской группировки. Поэтому начальник отдела I–Ц полковник Стефанус поручил мне осуществлять связь с отделом гестапо в гор. Брно».

Кроме руководителей германской военной разведки, в 1947 году в советском плену оказался и бывший начальник V Управления РСХА оберфюрер СС Фридрих Панцингер, который рассказал о радиоиграх СД. В начале войны с Советским Союзом Панцигер являлся заместителем отдела «А» IV управления РСХА, второй реферат которого отвечал за проведение контрразведывательных мероприятий, в том числе и проводил радиоигры с разведками союзников. Панцингер являлся автором широко известного термина «Красная капелла» и принимал непосредственное участие в борьбе с резидентурой советской разведки в Западной Европе.

На допросе 12 февраля 1947 года Ф. Панцингер рассказал некоторые подробности контрразведывательных мероприятий СД: «*Вопрос*: О германской агентуре в Болгарии вы еще будете допрошены, а сейчас расскажите о своей работе по выявлению агентов советской разведки.

Ответ: Под моим руководством на территории Болгарии проводилась активная контрреволюционная деятельность против советской разведки. Я организовывал розыск и поимку советских разведчиков — парашютистов, которых за 1940—1941 гг. было арестовано около 50 человек.

Под моим непосредственным руководством велось следствие по их делам, производилась вербовка некоторых из них и организовывались радиоигры. Я затрудняюсь сейчас назвать фамилии арестованных советских разведчиков, а также конкретно показать об их использовании против советской разведки, однако должен признать, что по моим указаниям все они были в какой-то мере использованы, а впоследствии расстреляны. Другой деятельности против Советского Союза за время моего пребывания в Болгарии я не вел.

Второе отделение отдела «А» вело борьбу с саботажем и производило расследование по диверсионным и террористическим актам, а также осуществляло руководство контрразведывательной деятельностью против английской и советской разведок. Одновременно второе отделение вело работу с немецкой агентурой, действовавшей на секретных военных предприятиях Германии. Начальником этого отделения являлся штурмбаннфюрер Копков. В его отделении концентрировались также все материалы по розыску и аресту разведчиков как на территории самой Германии, так и в странах, находившихся под контролем Германии. Многих арестованных нами разведчиков мы перевербовывали и при их участии проводили радиоигры и другие контрразведывательные мероприятия. Причем основное внимание обращалось на борьбу против разведки Советского Союза.

Вопрос: Покажите, что конкретно вами было сделано в этом отношении?

Ответ: В конце 1941 года германская радиослужба начала перехватывать работу советских радиостанций, но отсутствие шифра не давало возможности полностью читать радиограммы и, таким образом, вскрыть деятельность советской разведки. К началу 1942 года путем математического вычисления доктором Фаук частично был раскрыт шифр советской разведки, и это дало возможность расшифровать уже имевшееся к тому времени в распоряжении гестапо большое количество перехва-

ченных радиограмм. В результате нами были получены очень ценные сведения по работе советской разведки за границей и адреса некоторых разведчиков.

Активными мерами розыска к августу 1942 года отделом «А» было арестовано большое количество советских разведчиков и резидентов, находившихся в разных странах Европы и занимавшихся разведывательной деятельностью против Германии. Из числа наиболее крупных резидентов советской разведки, арестованных отделом «А», я помню Гранд-шефа, его заместителя Кента, Коэннен и четвертого — фамилию и кличку забыл, в возрасте 32 лет, носил очки, который являлся опытным и ценным разведчиком советской разведки и был заброшен в Берлин по нашему вызову в процессе удачно проведенной комбинации в радиоигре. Большая часть этих разведчиков нами была перевербована и привлечена для организации новых радиоигр с советской разведкой, в результате которых гестапо удалось выявить дополнительные связи и провести аресты новых разведчиков.

Вопрос: При каких обстоятельствах были арестованы названные вами резиденты?

Ответ: В одной из расшифрованных нами радиограмм был указан берлинский адрес советского разведчика — обер-лейтенанта германской армии Шульце-Бойзена, являвшегося сотрудником немецкого штаба военно-воздушных сил. Этот разведчик нами был взят в активную разработку, в результате чего были выявлены его связи, а впоследствии произведены аресты. На допросах Шульце-Бойзен подробно рассказал о своей разведывательной деятельности против Германии в качестве резидента советской разведки, выдал всех лиц, связанных с ним по разведывательной работе. В результате нам удалось арестовать еще двух резидентов советской разведки: старшего правительственного советника Гарнака и Шумахера, а впоследствии в ходе реализации их показаний было арестовано еще около 50 агентов.

На допросе Шульце-Бойзен сообщил нам, что он поддерживал связь с советским разведчиком, работавшим в Брюсселе в фирме «Симмеско». Активная разработка сотрудников фирмы и наблюдение за лицами, посещавшими это предприятие, дали возможность установить, что под прикрытием этой фирмы действовала советская разведка в Брюсселе и имела свои филиалы во Франции. В результате в 1942 году нами были проведены массовые аресты как в Брюсселе, так и в Париже, в числе которых летом того же года в Брюсселе был арестован крупный советский разведчик Кент. Кент был нами завербован в качестве агента гестапо и включен в радиоигру с советской разведкой. При непосредственном участии Кента был выявлен ряд адресов советских разведчиков в Париже и произведены новые аресты.

К тому же периоду времени относится и арест советского резидента Гранд-шефа, который также, дав согласие на сотрудничество с гестапо, выдал известных ему советских разведчиков, еще находившихся в то время на свободе, и активно действовал по нашим заданиям против советской разведки. В 1943 году Гранд-шеф из-под стражи бежал и принятыми мерами розыска найден нами не был. Разведчик Коэннен был вызван нами в тыл германских войск в процессе радиоигры и арестован. Я сам допрашивал Коэннена. Хорошо помню, что его отец являлся в прошлом видным деятелем компартии Германии, членом Рейхстага, а впоследствии выехал в Советский Союз.

Что же касается обстоятельств ареста других советских разведчиков, то по этому вопросу показать затрудняюсь. Во всяком случае, все они были нами арестованы в результате реализации показаний разведчиков, уже находившихся к тому времени под стражей в гестапо, или же путем их выявления в процессе радиоигр с советской разведкой.

В начале 1943 года в Восточной Пруссии нами было арестовано еще 10 советских разведчиков, большин-

ство из которых были привлечены к радиоиграм. В тот же период времени в результате радиоигр был вызван еще один советский разведчик в Прагу и там арестован, фамилию его не помню.

Вопрос: Контрразведывательная деятельность, как вы показали, вами осуществлялась и на территории других государств?

Ответ: Совершенно правильно, отделом «А» проводились аресты советских разведчиков и в других странах.

В 1942 году германской радиоразведывательной службе удалось запеленговать находившуюся в Швейцарии близ французской границы действовавшую радиостанцию. По перехваченной и расшифрованной радиограмме было установлено, что эта радиостанция поддерживала связь с Москвой. Однако вскоре после этого советская разведка шифр заменила, что в дальнейшем исключало возможность контролировать работу советской резидентуры в Швейцарии.

По содержанию нескольких перехваченных нами радиограмм было установлено, что названная радиостанция передавала в Москву сведения о дислокации, количестве и состоянии германских войск на территории Франции. Больше того, в этих радиограммах сообщались особо секретные сведения, исходившие из ставки Верховного командования германской армии и германского министерства иностранных дел. Принятые меры к выявлению агентов, находившихся в Генштабе и министерстве иностранных дел, положительных результатов не дали, так как сводки подписывались женскими псевдонимами, что создавало большую трудность определить источник.

Поскольку эти сводки содержали в себе особо важные сведения, что давало основание считать, что в Генштабе и министерстве иностранных дел находились агенты из числа руководящего состава, мы получили указание во что бы то ни стало выявить эту агентуру. В этих целях начальник IV Управления Мюллер вызвал в Берлин сотруд-

ника швейцарской полиции Маурера, поставил его в известность о том, что на их территории близ французской границы действует радиостанция советской разведки, и предложил принять меры к ее ликвидации. Однако швейцарская полиция по каким-то причинам никаких мер в этом отношении не приняла, и радиостанция продолжала действовать.

К этому времени в г. Штутгарт по доносу местных жителей была арестована одна подозрительная женщина, и на допросе она призналась, что является советской разведчицей, переброшенной с территории Советского Союза для разведывательной деятельности в Германии. В ходе дальнейших допросов выяснилось, что эта разведчица должна была установить связь с другим советским агентом, имевшим непосредственное отношение к радиостанции в Швейцарии, и использовать ее для передачи сведений в Москву. Показаниями этой разведчицы воспользовался действовавший в Швейцарии германский разведывательный орган. В результате проведенной комбинации путем внедрения своей агентуры была установлена через эту задержанную связь с радиостанцией. Впоследствии эта радиостанция была использована германской разведкой для дезинформации советского командования. Показать подробно, как проводились все эти мероприятия и кто из агентов германской разведки был внедрен в швейцарскую резидентуру, не могу, так как детали мне не известны.

В отношении вскрытой нами швейцарской резидентуры принимался еще целый ряд мероприятий, в частности гестапо особо усиленно добивалось получить шифр, которым пользовалась советская разведка и Швейцария для связей с Москвой. В этих целях по линии гестапо длительное время проводился розыск книги, по которой шифровались радиограммы. Однако какие конкретно были достигнуты результаты в процессе работы гестапо над швейцарской резидентурой, мне неизвестно. Знаю

лишь, что путем внедрения немецкой агентуры в швейцарскую резидентуру и перевербовок агентов советской разведки гестапо удалось организовать радиоигру с Москвой.

Вопрос: Что преследовало гестапо этими радиоиграми?

Ответ: В основном радиоигры раскрывали для гестапо направление деятельности советской разведки, что ясно было видно по тем запросам, которые поступали из Москвы в адрес советских разведчиков за границей. В зависимости от этого гестапо и строило свою контрразведывательную работу, прикрывая все те участки, из которых могли поступать интересующие советскую разведку сведения.

Кроме того, путем радиоигр выявлялись еще не известные германской разведке советские разведчики, действовавшие в тылу немецких войск. В этих целях в ходе радиоигр проводились всякого рода комбинации и советскую разведку провоцировали на сообщение новых адресов, фамилий и связей разведчиков с тем, чтобы принять соответствующие меры к пресечению их деятельности.

Радиоиграми проводилась также дезинформация советского командования по вопросам военного и политического характера. В данном случае отделом «А» на основании материалов, полученных из германских штабов, составлялись ложные сведения, и в ходе радиоигр они направлялись советскому командованию.

Все эти мероприятия нами проводились также и против английской разведки. Причем контрразведывательная деятельность против английской разведки началась с 1941 года, после того как на территории Голландии было арестовано несколько английских разведчиков-парашютистов. Эти английские агенты были завербованы гестапо, и при их участии началась первая радиоигра с англичанами. Но основные контрразведывательные

мероприятия против деятельности английской разведки стали осуществляться в ходе работы по борьбе с движением Сопротивления во Франции, которое активно поддерживалось английским правительством. Английская разведка снабжала группы движения Сопротивления во Франции боеприпасами, продовольствием.

В ходе организованных радиоигр гестапо дезинформировало английскую разведку о местах дислокации групп движения Сопротивления, указывало места для сброски оружия и боеприпасов, заранее подготовленные немцами. Таким образом, гестапо этими радиоиграми тормозило развитие и активизацию движения Сопротивления во Франции.

В результате этих мероприятий гестапо удалось захватить также большое количество оружия, снаряжения и боеприпасов и в то же время ликвидировать очаги сосредоточения французских патриотов. В ходе тех же радиоигр гестапо дезинформировало английскую разведку по вопросам военного характера.

Особенно англичане интересовались количеством германских войск на территории Франции. Гестапо направляло в английскую разведку завышенные сведения о количестве германских войск, находившихся во Франции, ставя своей целью создать у английского командования ложное впечатление о значительно больших, чем это было в действительности, немецких вооруженных силах во Франции. Вот все, что я могу показать о деятельности первого и второго отделений отдела «А» гестапо».

Информацию о проведенных германской военной контрразведкой радиоиграх на Восточном фронте советские спецслужбы также получали из захваченных трофейных документов. Так, в отчете начальника 304-й абверкоманды[1] от 8 мая 1944 года о результатах контр-

[1] *304-я абверкоманда* действовала при группе армий «Север».

разведывательной деятельности за апрель 1944 г. специальный раздел был посвящен радиоиграм: «Радиоигры «Секретная связь». В настоящее время абверкомандами проводятся 4 радиоигры «Секретная связь», 2 из которых («Аня» и «Вапс») возобновлены в отчетном месяце. Радиоигра «Аня» началась 15 апреля 1944 г. в Абверкоманде-301. Схваченный вражеский радист принадлежал к группе разведотдела 2-го Прибалтийского фронта численностью 10 человек. Группа была заброшена 26 марта 1944 г. с заданием проводить разведку противника и осуществлять диверсии.

Радиоигра «Вапс» началась 22 апреля 1944 г. в Абверкоманде-326[1], а также VAO-326 в Ревеле. Игра ведется с эстонским НКВД, который 7 апреля 1944 г. через Центральный штаб эстонских партизан забросил группу в составе 2 человек с заданиями проводить разведку и подрывную работу в районе Феллин-Тарту. Проводившаяся в VAO-326 радиоигра «Морская чайка» была в отчетном месяце прервана, так как с середины января 1944 г. она велась безрезультатно»[2].

Из приведенных выше рассказов явствует, что радиоигры разведывательные службы нацистской Германии обладали рядом особенностей. Во-первых, руководство радиоиграми с противником носило децентрализованный характер[3]. Другими словами, военная разведка ОКВ (Абвера) и СД вели их независимо друг от друга,

---

[1] *326-я абвергруппа* действовала при 207-й охранной дивизии группы армий «Север». Начальник группы капитан Гельмут Дамюрау. На территорию Эстонии абвергруппа прибыла в марте—апреле 1943 г. и находилась там до ноября 1944 г. В своей деятельности контактировала с «АНСТ Таллин».

[2] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том пятый. Кн. 1. Вперед на Запад. 1 января—30 июня 1944 года. — М., 2007. С. 644—645.

[3] До 14 февраля 1944 г., пока Абвер не вошел в качестве Управления военной контрразведки — Militärisches Amt в состав РСХА; после 20 июля 1944 г. последнее было фактически поглощено IV и VI Управлениями РСХА.

лишь изредка информируя о результатах. Во-вторых, на советско-германском фронте радиоигры немецких спецслужб преследовали в основном тактические цели и, как правило, велись против разведуправлений штабов армий или фронтов Красной Армии, а не НКВД—НКГБ и «Смерша».

Стоит подчеркнуть, что радиоигры, проведенные германской военной контрразведкой и РСХА, до настоящего времени остаются мало изученными эпизодами Второй мировой войны. В архивных документах советских органов безопасности хранятся лишь некоторые фрагменты из протоколов допросов и показаний немецких контрразведчиков, оказавшихся в советском плену.

В опубликованных воспоминаниях сотрудников Абвера и РСХА радиоигры описаны очень скупо. Поэтому тема противостояния в эфире между контрразведкой Германии и контрразведками союзников по антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны еще ждет своего исследователя.

* * *

С не меньшим размахом и, надо сказать, не без успеха, радиогры применялись советской контрразведкой. Об этом далее будет подробно рассказано в нашей книге. Для того чтобы ввести современного читателя в курс дела, расскажем о разведывательном «сообществе» Германии накануне вторжения на территорию Советского Союза и их тайных операциях на Восточном фронте.

Глава 1

Противник: Абвер И СД[1]

АБВЕР — «МОЗГ» ПОДРЫВНЫХ ОПЕРАЦИЙ ВЕРМАХТА

С приходом к власти в Германии Гитлера и установлением нацистской диктатуры существенно изменилась система и роль карательных и разведывательных органов государства. Разведка стала одним из важнейших инструментов осуществления агрессивной внешней политики. Для достижения своих целей Германия выдвинула спецслужбы на первый план среди других звеньев государственного механизма.

Руководители «Великогерманского рейха»[2] создали сложную организацию, приспособленную к ведению то-

---

[1] О разведывательном «сообществе» Германии в годы Второй мировой войны см. также: Смерш: Исторические очерки и архивные документы. Изд. 2-е, испр. и доп. / В.С. Христофоров, В.К. Виноградов, О.К. Матвеев и др. — М.: Издательство Главархива Москвы; ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2005. С. 111—144.

[2] В отечественной литературе для обозначения политического режима в Германии 1933—1945 гг. чаще употребляется понятие «Третий рейх». Этот термин был введен немецким политиком Артуром Меллером ван ден Бруком (1876—1925) в одноименной книге, опубликованной в 1923 г. После прихода национал-социалистов к власти в Германии 11 сентября 1933 г. А. Гитлер официально объявил, что его государство является Третьим рейхом, который будет стоять тысячу лет. Однако с 1935 г. в Германии развернулась регулярная и все более

тальной разведывательно-подрывной работы против других стран, и прежде всего против Советского Союза. Подобного рода деятельность должна была обеспечить, с одной стороны, добывание политической, экономической, военной и военно-технической информации о потенциальных противниках Германии, а с другой — их непосредственный подрыв изнутри. До 1941 года правом ведения разведки на территории других стран обладали военная разведка — Абвер и VI Управление РСХА. Но в середине 1941 года к ним присоединился и МИД Германии. Важное место среди специальных служб нацистского рейха занимало и «Исследовательское управление» Имперского министерства авиации.

Для создания у читателя полноты «картины» германских спецслужб накануне и в годы Второй мировой войны вкратце расскажем и о разведывательных функциях, которые выполняли «Исследовательское управление» Г. Геринга и разведка Риббентропа.

Важное место в разведывательном сообществе выполняло так называемое «Исследовательское управление» (*нем.* Forschunsgamt, FA). Оно было создано при Имперском министерстве авиации в 1933 году Г. Герингом. Это ведомство в 1933—1945 годах активно занималось прослушиванием телефонных разговоров, радиоперехватом и дешифровкой дипломатических кодов.

«Форшунгсамт» последовательно возглавляли: корветтен-капитан Карл Шимпер (1933—1935); министериаль-директор, генерал-лейтенант фон Хессен (1935—1942) и министериаль-директор, генерал-лейтенант Готвальд Шаппер (1942—1945).

Организационно состояло из шести главных отделов (№№ I—VI; гауптабтейлунг), в свою очередь подразде-

---

агрессивная критика Меллера в нацистской печати. 10 июля 1939 г. Й. Геббельс дал указание в прессе впредь избегать упоминания этого понятия и использовать вместо него другое — «Великогерманский рейх». См. подробнее: *Алленов С.Г.* Предисловие к публикации «Третий рейх» Артура Меллера ван ден Брука // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. Ч. III. — Воронеж, 2004. С. 183—188.

лявшихся на 15 отделов (обозначавшихся арабскими цифрами; абтейлунг) и группы специального назначения. Отделы в своем составе имели отделения — рефераты. В штате Центрального управления состояло свыше 3500 чел. руководящего и технического персонала; периферийные органы размещались во всех крупных городах Германии (филиалы обозначались большими буквами латинского алфавита).

Дешифровкой перехваченных радиограмм славянских стран (СССР, Чехословакии, Польши, Югославии и Болгарии) занимался 9-й отдел IV Главного отдела «Форшунгсамт». Начальник отдела — старший правительственный советник, подполковник Люфтваффе Максимилиан Венцель.

До декабря 1943 года дислоцировалось по адресу: Берлин-Шарлоттенбург, Шиллигерштрассе, 116—127. С декабря 1943 года: руководство — Мессенгеленде близ Берлина; 1-й Главный отдел — в Люббене (Шпревальд), остальная часть управления — в Бреслау, а оттуда в Кауфбайрен (Бавария).

Историю создания и задачи, выполнявшиеся «Форшунгсамт», описал в собственноручных показаниях от 21 июля 1948 года старший правительственный советник; начальник 7-го отдела (дешифровка кодов Великобритании, США, Латинской Америки, стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока) IV Главного отдела «Исследовательского отдела» Имперского министерства авиации подполковник Люфтваффе Карл Готтлоб Вехтер:

«[...] Исследовательский институт (Форшунгсамт — в дальнейшем именуемый Ф.А.) был основан после захвата власти в первой половине 1933 года по приказу Геринга. Геринг хотел, чтобы Ф.А. стал центральным, всеобъемлющим и единственным разведывательным органом для всего рейха. Даже разведывательный аппарат вооруженных сил, за исключением чисто военных задач, должен был быть подчинен Ф.А. или, во всяком случае,

должен был быть поставлен под его руководство. Как и следовало ожидать, этот план натолкнулся на сильное сопротивление различных инстанций, как уже существовавших, так и созданных позднее, и борьба продолжалась до капитуляции, часто скрытая, а иногда и явная.

Теперь можно констатировать, что в результате этой борьбы Ф.А., несмотря на некоторые первоначальные успехи, был вынужден отступить, и в ведении вооруженных сил осталась агентурная разведка и дешифрование дипломатических шифров, у МИДа — дешифрование иностранных шифров, у министерства пропаганды — использование иностранной прессы.

Несмотря на эту неудачу, Ф.А. сумел в рамках новых, более узких целей — осуществление первоначальных целей было отложено, но не отменено, — стать важным, можно сказать, необходимым учреждением. Ф.А. обладал огромным архивом, который ежедневно пополнялся материалами иностранной прессы, радио, дешифрования и подслушивания. Умелым использованием этих материалов удалось добиться того, чтобы роль Ф.А. была признана всеми, хотя в некоторых областях другие ведомства и добивались больших успехов.

Ему принадлежала монополия на получение всех телеграмм, он имел широкую сеть телефонного подслушивания, пункты радиоперехвата и много филиалов в городах Германии и на оккупированной территории. Ф.А. не имел агентов — агентурную разведку пришлось уступить Верховному командованию вооруженных сил и гестапо, однако он получал интересующий его материал, обрабатывал его и предоставлял в распоряжение соответствующих учреждений рейха. Причем каждая инстанция получала лишь касающиеся ее материалы. В первую очередь и наиболее полный материал поступал Гитлеру и Герингу. Были ли такие сведения, о которых не информировался Гитлер или Геринг или один из них, мне неизвестно. Такова была деятельность Ф.А. до капитуляции».

Отвечая на дополнительный вопрос, дешифровались ли в Форшунгсамт русские дипломатические шифры, Вехтер в этом же документе ответил: «На этот вопрос можно ответить только «нет». Насколько я знаю, попытки ОКВ и МИДа дешифровать русские шифры успеха не имели. До 1933 года, если я не ошибаюсь, один или несколько русских шифров были дешифрованы МИДом. Я полагаю, что речь идет о телеграммах за 1920—1925 годы. Я говорю об этом лишь на основании утверждений, которые я слышал, но никогда не имел возможности проверить».

О «разведке Риббентропа» подробно рассказал на допросе 16 ноября 1944 года бывший советник 1-го класса германской дипломатической миссии в Румынии оберфюрер СА Вилли Редель:

«В середине 1941 года министр иностранных дел Риббентроп поручил посланнику Генке организовать разведывательную службу при министерстве иностранных дел в целях добывания политической информации лично для Риббентропа. Решение Риббентропа о создании личной разведки было вызвано конкурирующей ролью в этом вопросе службы безопасности (СД).

С началом войны СД широко развернула разведывательную деятельность за границей, и в связи с этим между Гиммлером и Риббентропом имелась договоренность о том, чтобы вся политическая информация поступала к Риббентропу, который считал, что право докладывать Гитлеру политическую информацию, поступающую из-за границы, принадлежит ему как министру иностранных дел. Но Гиммлер, вопреки договоренности, докладывал Гитлеру наиболее важные сведения помимо Риббентропа, в результате чего Риббентроп неоднократно получал упреки от Гитлера за его неосведомленность. С другой стороны, Риббентроп не был доволен качеством информации, поступившей от своих дипломатических представительств за границей.

Таким образом, не желая больше полагаться на СД как источник информации и на информацию своих посольств, Риббентроп создал свою собственную разведку. Эта секретная служба была организована в тайне от Гиммлера и СД. В самом же аппарате МИДа разведка Риббентропа была законспирирована названием «Дейче информационштелле III» и возглавлялась сначала посланником Генке, а затем посланником Эттель — бывшим германским послом в Тегеране... Посланник Генке, в бытность свою руководителем разведки, организовал резидентуру при всех посольствах. Резидентами назначались старшие чиновники из штата отдельных посольств... Прибывавшие в Берлин курьерской почтой материалы адресовались «Мид-Дейче информационштелле III» — лично тайному советнику Маршалл фон Биберштейн. Радиограммы и телеграммы адресовались в зашифрованном дипломатическим шифром виде с пометкой «Ремаркс»... Резидентами «Мид-Дойче информационштелле III» назначались старшие чиновники из штата посольств».

Таким образом, разведывательное «сообщество» нацистской Германии представляло собой широко разветвленный, зачастую конкурирующий между собой и недостаточно скоординированный аппарат.

* * *

Однако все же одно из главных мест в разведывательном «сообществе» занимал Абвер[1]. Первым на-

---

[1] *Абвер* (Abwehr; отпор, защита, оборона) — военный разведывательный и контрразведывательный орган. Организован в 1919 г. на правах группы в составе военно-статистического отдела Войскового управления Имперского военного министерства и официально значился как контрразведывательный орган рейхсвера. После прихода национал-социалистов к власти в феврале 1934 года Абвер был включен в отдел Военного управления Имперского военного министерства. Подробнее о структуре Абвера см.: *Залесский К.* Вермахт. Сухопутные войска и верховное командование. — М., 2005. С. 9—15.

чальником германской военной разведки и контрразведки был генерал-майор *Фриц Гемп* (1919—1927), затем на этом посту служили полковник *Гюнтер Швантес* (1928—1929), полковник *Фердинанд фон Бредов* (1929—1932), капитан 1 ранга *Конрад Патциг* (06.06.1932—02.01.1935) и адмирал *Вильгельм Канарис* (02.01.1935—12.02.1944).

Несколько подробнее стоит рассказать о руководителе военной разведки Германии адмирале В. Канарисе. Мнение о нем представителей военной разведки существенно отличается от отношения к нему представителей других немецких спецслужб. «Канарис был амбициозен. Он знал, что Абвер был лишь одной из семи разведывательных служб гитлеровской Германии. Его целью было сделать Абвер основной и самой осведомленной из них. Наряду с Абвером существовали «Сихергейтсдинст» (СД), «Форшунгс Амт» (Forschungs Amt) Геринга, «Иностранное политическое бюро» Розенберга, разведывательный центр германских меньшинств и отдел разведки германского МИД»[1].

Так, например, руководитель отдела Генштаба «Иностранные армии Востока»[2] Р. Гелен, впоследствии ру-

---

[1] *Бассет Р.* С. 119—120.

[2] *Отдел иностранных армий* (*нем.* Abteilung Fremde Heere, сокр. FN) был образован перед началом Первой мировой войны в составе Генерального штаба сухопутных войск Германии для оценки информации о положении противника. Эта служба занималась в первую очередь обобщением данных, поступавших от так называемых *Feindlageoffiziere* с фронта и от подразделения III б. После Первой мировой войны формально отдел прекратил свое существование (как и многие ведомства согласно Версальскому договору), однако фактически продолжал свою деятельность под наименованием Отдел T3 — «Статистический отдел сухопутных войск Военного министерства рейхсвера». В 1931 г. отдел был образован заново официально, получив прежнее название «Отдел Иностранных армий». В 1938 г. в результате структурных изменений отдел был разделен на два самостоятельных подразделения, получивших наименования *Отдел Иностранных армий Востока* (*нем.* Fremde Heere Ost, сокр. FHO), или 12-й отдел Генштаба ОКХ, и *Отдел Иностранных армий Запада* (*нем.* Fremde Heere Ost, сокр. FHW), или 3-й отдел Штаба оперативного руководства ОКВ. *Начальники* FHO:

ководитель так называемой «Организации Гелена»[1], отмечал: «...В некоторых публикациях авторы, которые наверняка не знали Канариса лично и тем более не были с ним в близких отношениях, критикуют его поступки и действия. ...Против сочинителей таких историй говорит прежде всего то глубокое уважение и даже восхищение, которое бывшие сотрудники Абвера питают до сих пор к адмиралу. В словах этих людей звучит не только благодарность за сердечную заботу о них, но и почтение к нему как к незаурядной личности. В Канарисе, наряду с его религиозностью и верностью офицерской чести, пожалуй, сильнее всего поражала фундаментальная образованность — явление довольно редкое среди высших офицеров. В нем было многое от идеалов и воззрений первой половины девятнадцатого века...»[2].

Скорцени же характеризует «шефа» германской военной разведки совсем по-иному: «Адмирал Канарис самый сложный оппонент, с которым я сталкивался за всю мою жизнь. Есть люди, личность которых не поддается идентификации. В случае с Канарисом мне это так и не удалось сделать! Он просто идеальный типаж офицера разведывательной службы. Глаза излучают

полковник Эберхард Кинцель (1938 г. — март 1942 г.); генерал-майор Рейнхард Гелен (апрель 1942 г. — апрель 1945 г.); подполковник Герхард Вессель (апрель — май 1945 г.). Начальники FHW: полковник Ульрих Лисс (1938 г. — март 1943 г.); полковник Алексис Фрейхерр фон Рённе (март 1943 г. — июль 1944 г.); полковник Вилли Бюркляйн (июль 1944 г. — май 1945 г.).

[1] *«Организация Гелена»* (сокр. ОГ; *нем.* Abwehr-Organisation Gehlen) — разведывательная служба, созданная секретной службой США в 1946 г. в американской зоне оккупации Германии для ведения шпионской деятельности в советской оккупационной зоне (ставшей в 1949 г. ГДР), странах Восточной Европы и СССР. Во главе ее американцы поставили Р. Гелена, кадровый костяк составили бывшие офицеры Иностранные армии Востока, Абвера и РСХА. В 1956 г. американцы передали ОГ германскому правительству, и ее преобразовали в Федеральную разведывательную службу ФРГ.

[2] *Гелен Р.* Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942—1971. — М., 2004. С. 42—43.

ум, но что творится в душе, об этом никто не знает и не узнает... У него отработанная техника разговора. Его практически невозможно поймать на каком-то противоречии — он ускользает, как угорь! Для него нет «черного» и «белого», он не признает крайностей, а всегда находится посредине, чтобы в конце концов сказать — «нет»! Хотя похоже на то, что мнение о предмете у него складывается до начала разговора»[1]. Даже по этим небольшим характеристикам видно, что о согласии между спецслужбами «Тысячелетнего рейха» не могло быть и речи. В ходе Второй мировой войны такая обстановка внутри разведывательного «сообщества» Германии в конце концов привела к катастрофе.

Подробности о методах работы руководителя Абвера В. Канариса рассказал во время допроса 14 апреля 1945 года начальник разведки Отдела «Иностранные армии Востока» Генштаба ОКХ[2] Курт Янке: «...он очень осторожный, недоверчивый к окружающим человек. В разведке Канарис был большим знатоком, внимательно подбирал себе агентуру. Канарис имел в своем распоряжении несколько агентов, именовавшихся по терминологии английской разведки «свободными охотниками». Эти агенты находились исключительно в его распоряжении и были законспирированы от других сотрудников. Такой «свободный охотник» под соответствующим прикрытием посылался в интересующую разведку страну, где подбирал наиболее интерес-

---

[1] *Скорцени О.* Секретные задания. С. 51.

[2] *ОКХ* (*аббревиатура от нем.*: das Oberkommando des Heeres; ОКН) — Главное командование сухопутных войск, высший орган управления сухопутных войск Германии. Создано 11 января 1936 г. из Руководства сухопутных войск. Командующие *(с 1 июня 1935 г. главнокомандующие) сухопутными войсками*: генерал пехоты *Курт фон Хаммерштайн-Эквард* (1930—1934); генерал-полковник *Вернер фон Фрич* (1934—1938); генерал-фельдмаршал *Вальтер фон Браухич* (1938—1941); *Адольф Гитлер* (1941—1945); генерал-фельдмаршал *Фердинад Шёрнер* (30 апреля—9 мая 1945).

ные фигуры для вербовки. После изучения кандидата на вербовку к нему посылался другой «свободный охотник» с задачей непосредственной вербовки. Вербовщик после вербовки передает нового агента на связь резиденту, а сам встречи с ним прекращает»[1].

Подробные показания о руководителе Абвера адмирале В. Канарисе дал в Москве 27 апреля 1951 года бывший начальник германской военной контрразведки генерал-лейтенант Ф. фон Бентивеньи: «Из числа организаторов Абвера — Гемпп, Швантес, Бредов, Патциг, Канарис — мне наиболее хорошо известен последний. Гемпп и Швантес мне вообще не знакомы; Бредов и Патциг мне знакомы лишь внешне.

Канарис был в период Первой мировой войны старшим офицером на линкоре «Шлезиен» и командиром оперировавшей в Средиземном море подводной лодки. Находясь в последней должности, он выполнял неизвестное мне разведывательное задание германского военно-морского командования.

По выполнении задания он должен был выйти на небольшом катере в Средиземное море, где его ожидала германская подлодка. При этом он потерпел кораблекрушение и был подобран подводной лодкой в открытом море.

Во время Первой мировой войны Канарис был заочно приговорен итальянскими властями к смертной казни, за что конкретно, мне неизвестно. Канарис не рассказывал мне подробностей своего пребывания в Испании и других обстоятельств своей разведывательной работы. В тот же период времени, будучи старшим офицером на линкоре «Шлезиен», Канарис участвовал в морском сражении близ Фальклавдских островов, после чего был интернирован в одном южно-американском государстве и бежал в Германию на нейтральном торговом судне. По-

---

[1] См.: Агония и смерть Адольфа Гитлера. — М., 2000. С. 138.

сле Первой мировой войны Канарис занимал ряд должностей во флоте, в частности был начальником штаба военно-морской базы на Севером море, командиром линкора и вплоть до своего назначения начальником Абвера в 1935 году являлся комендантом порта Свинемюнде.

Предшественник Канариса в Абвере — капитан Патциг — должен был отказаться от занимаемой должности из-за неприятностей с гестапо: Патциг требовал предоставления Абверу права иметь свою собственную, т. е. находящуюся в ведении ОКВ, полицию, Гейдрих воспротивился этому требованию, а так как Патциг не был склонен на уступки, то был замещен Канарисом.

Последний договорился с Гейдрихом о том, что во всех случаях, когда потребуется вмешательство полиции, Абвер будет обращаться к гестапо. Указанное соглашение нашло впоследствии свое отражение в «10 заповедях». Для военной контрразведки такая договоренность представляла большие неудобства, так как допросы арестованных могли производиться только чиновниками гестапо, которые не были в достаточной степени осведомлены о характере проводимых агентурных комбинаций и нередко портили их своим вмешательством.

Канарис был вынужден идти на уступки и мириться с требованиями Гейдриха, понимая, что в случае открытой ссоры с последним ему, Канарису, нечего рассчитывать на поддержку командования вооруженными силами.

Нужно сказать, что Канарис не только руководил созданием «Абверштелле», занимаясь во время своих частых служебных поездок их организационными и оперативными делами, не вмешиваясь вместе с тем в круг вопросов, подлежавших компетенции органов командования военных округов.

Во время войны Канарис переложил центр тяжести работы Абвера на разведывательный сектор и инструктировал в этом смысле руководителей «Абверштелле».

Работой Абвер III, в том числе группы III–Ф, Канарис интересовался значительно меньше. Так, например, Канарис перестроил работу т. н. «Кригсорганизацион» (КО) в основном на разведку. В ходе войны почти все КО были укомплектованы также рефератами по линии III–Ф. Особое внимание Канарис уделял Испании. Насколько мне известно, он знал Франко еще по Первой мировой войне. По указанию Гитлера Канарис пытался летом 1942 года склонить Франко к участию в войне на стороне Германии, однако, к недовольству Гитлера, эта попытка не увенчалась успехом. Сам Канарис считал вовлечение Испании в войну нежелательным, так как Германия должна была бы обеспечивать Испанию продуктами питания и нефтью, превратившись тем самым в балласт.

Нужно отметить, что Канарис вообще был скептически настроен в отношении исхода войны. Его воззрения на этот счет и отдельные саркастические замечания по адресу партии и гестапо, которые он допускал в кругу своих сотрудников, стали известны в верхах, так что Канарис даже у Кейтеля завоевал славу пессимиста и чуть ли не пораженца. Свои убеждения Канарис зафиксировал в очень осторожной форме в своем дневнике. В 1944 году указанный дневник попал в руки РСХА и послужил основанием для расстрела Канариса в 1945 году, незадолго до капитуляции. Канарис не был, конечно, революционером и не имел достаточно энергии, чтобы доказать Кейтелю и другим высшим руководителям объективную правильность своих взглядов. К тому же яд фашистской пропаганды в достаточной степени укрепился во вреде обычно трезво рассуждавших офицеров Абвера. Для высших военных руководителей было вообще трудно в ряде случаев отличить правду ото лжи. Кейтель, например, был слепо предан Гитлеру.

Канарис был очень активным человеком, далеким от кабинетного умствования и крохоборства. Во время

войны он был много в пути, не считаясь с непогодой, летая на своем служебном самолете на все фронта, посещал армии, отдельные дивизии, руководителей КО (и в этом случае обязательно германских послов), начальников иностранных разведок, вылетая в Африку (в Тунис и Дакар), инспектировал органы Абвера в оккупированных областях и успевал вместе с тем на доклад к Кейтелю, находившемуся в главной Ставке, будь то в Восточной Пруссии, Виннице или Берхстесгадене. Вместе с тем Канарис недолюбливал, когда его начальники отделов самостоятельно выезжали в инспекционные поездки. Как правило, он совершал поездки с соответствующим начальником отдела. Исключением являлся только начальник Абвер II.

Канарис останавливался лишь на краткий срок, не успевая, разумеется, ознакомиться со всей работой Абвера в целом. Поэтому он уделял главное внимание разведке и особенно потому, что в этой области его беспрестанно теребили штабы всех трех родов войск. На совещаниях с руководителями «Абверштелле» и начальниками 1-х отделов Канарис всегда выступал против попыток отдельных органов Абвера заниматься сбором политических данных и требовал четкой военно-разведывательной информации. В этом отношении Канарис делал исключение только для начальника «Абверштелле-Бухарест» полковника Родлера, который считался знатоком Балкан и лично информировал Канариса о чрезвычайно сложной политической обстановке, сложившейся в Румынии к концу войны.

Канарис принципиально считал, что оценку политического положения за границей вправе делать только соответствующий германский дипломатический представитель, и решительно возражал против попыток других безответственных органов (например, СД) за спиной посла направлять в Берлин политическую информацию. Информация подобного рода нередко через Гиммлера

поступала к Гитлеру, причем выяснилось, что она была совершенно противоположна докладам послов.

Так как оценка Канарисом международного и внутреннего положения Германии не совпадала с официальной линией нацистского руководства, находившей свое отражение не только в прессе, кино и радио, но и в узком кругу государственных деятелей, и поскольку скептицизм Канариса не был секретом для Гейдриха, Кальтенбруннера и Гиммлера, то последний воспользовался фактом перехода одного сотрудника КО в Турции на сторону противника в 1944 году для того, чтобы устранить этого неудобного «пессимиста». Это послужило также благоприятным поводом для осуществления старой мечты Гейдриха — проглотить военную разведку.

Мне неизвестно, был ли Канарис участником заговора 20 июня 1944 года, но он, безусловно, симпатизировал заговорщикам. Равным образом я не осведомлен о том, что Канарис выполнял какие-либо задания заговорщиков, в частности по установлению контакта с державами — противниками Германии. Вообще о событиях 1944 года я не могу показать, поскольку тогда находился на фронте.

Должен отметить, что о какой-либо связи Канариса со странами — противниками Германии в предыдущие годы я не только ничего не знаю, но и не имел повода для подобных предположений.

Заговорщики, как я полагаю, осторожно вели себя с Канарисом, так как подозрительное отношение к нему со стороны РСХА было известно, а по слухам (довольно правдоподобным), за ним даже велось наблюдение».

Однако вернемся вновь к личности Канариса. Попытки Гелена и ему подобных мемуаристов придать руководителю Абвера ореол этакого «джентельмена в белых перчатках» абсолютно беспочвенны. Одно из структурных подразделений Абвера — отдел Абвер II, отвечавший

за организацию саботажа и диверсий в тылу врага, а также подчинявшаяся ему дивизия «Бранденбург» вели боевые действия, не считаясь ни с какими писаными и неписаными законами войны. На их счету пытки пленных, провокации, убийства мирных жителей, незаконное использование на поле боя формы одежды противника и т. п. О каком «джентльменстве» Канариса тогда идет речь? Поэтому не выдерживают критики слова Гелена о том, что Абвер II «выводил из строя лишь важные в военном отношении объекты во вражеском тылу»[1].

Стоит обратить внимание, что в своих мемуарах Гелен напрочь открестился от какой-либо причастности к деятельности Абвера II, когда во время войны зашел вопрос об организации взаимодействия ведомства Канариса и отдела Генштаба «Иностранные армии Востока»: «...адмирал без колебаний пошел мне навстречу в вопросе организации нашего взаимодействия и согласился на подчинение нашему отделу «Иностранные армии Востока» всех имевшихся на фронте служб, частей и подразделений военной разведки, за исключением принадлежащих 2-му отделу (диверсии). Меня это вполне устраивало, так как я по политическим соображениям не хотел иметь ничего общего с диверсионными структурами. Естественно, мой отдел не получил права вмешиваться в руководство специальными частями, подразделениями и штабами — это была прерогатива Абвера»[2]. А раз руководство частями специального назначения «прерогатива Абвера», то за их действия отвечал лично Канарис. Об одном из эпизодов таких «действий» будет рассказано в параграфе «Привет всем. ХГС» или «Десант» против Абвера».

Во время реорганизации в феврале 1938 года и соз-

---

[1] *Гелен Р.* Война разведок. С. 46.
[2] *Гелен Р.* Война разведок. С. 55—56.

дания Верховного командования вермахта (ОКВ)[1] Абвер был включен в состав Управленческой группы по общим вопросам ОКВ (Amstgruppe Allgemeine Wehrmachtangelegenheiten; AWA). С 1 июня 1938 года Абвер был преобразован в Управление разведки и контрразведки (Auslandsnachrichten und Abwehramt; Ausl/Abw). В его состав входили шесть отделов: Центральный, Абвер I, Абвер II и Абвер III, управленческая группа «Заграница» и Отдел военной цензуры.

В обязанности «Абверштелле» (*нем.* Abwehrstelle; сокр. AST) входила непосредственная организация и ведение разведывательной и контрразведывательной деятельности при каждом военном округе (например, «Абверштелле-Берлин», «Абверштелле-Кенигсберг» и т. п.). «Абверштелле» подчинялись непосредственно Управлению «Заграница» и согласовывали свою работу с отделами «I-Ц» (разведотделами) штабов военных округов.

С началом Второй мировой войны «Абверштелле» были также сформированы в странах — сателлитах Германии («Абверштелле-Вена», «Абверштелле-Бухарест», «Абверштелле-София»), а также на оккупированной территории при командующих оккупационными войсками тыловых округов («Абверштелле-Краков»). «Абверштелле» структурно включали в себя три основных отделения: 1-е (разведка), 2-е (диверсии и пропаганда) и 3-е (контрразведка).

---

[1] *ОКВ* (аббревиатура от *нем.*: das Oberkommando der Wehrmacht; OKW) — Главное командование вермахта. Создано 4 февраля 1938 г. на базе преобразования Военного министерства; верховный орган управления вооруженными силами Германии в годы Второй мировой войны. 3 января 1942 г. при начальнике ОКВ создан Штаб сухопутных войск, занимавшийся координацией военных операций; начальник — генерал пехоты Вальтер *Буле*. *Верховные главнокомандующие вермахта*: *Адольф Гитлер* (май 1935 — апрель 1945); гросс-адмирал *Карл Денниц* (апрель—май 1945). *Начальники ОКВ*: генерал-фельдмаршал *Вильгельм Кейтель* (февраль 1938 — май 1945); генерал-полковник *Альфред Йодль* (и.о. май 1945).

Перед нападением на Советский Союз германская разведка активизировала разведывательную деятельность против СССР. С этой целью Абвер установил тесный контакт с разведками Финляндии, Венгрии, румынии и Японии и наладил регулярный обмен добытой разведывательной информацией.

Функции главных структурных подразделений Абвера заключались в следующем:

Абвер I — сбор разведывательной информации об иностранных армиях и флотах, подготовка агентов-радистов, радиоперехват, изготовление документов прикрытия и оперативной техники. Руководителями отдела в разное время были полковник Ганс Пикенброк (01.10.1936—03.1943) и полковник Георг Хансен (03.1943—14.02.1944).

Абвер II — подготовка диверсионно-террористической агентуры и заброска ее в тыл противника; разработка и изготовление средств террора и диверсий, организация диверсионных и террористических актов; организация т. н. «национальных легионов» формирование из немцев, проживающих на территориях стран-противников, подразделения для захвата стратегически важных объектов. Для осуществления подрывных операций на территории вероятных противников в распоряжении отдела Абвер II находилось воинское формирование особого назначения — дивизия «Бранденбург-800». Во главе отдела находились майор Гельмут Гроскурт (1938—1939), полковник Эрвин Эдлер фон Лахузен-Вивермонт (1939—07.1943); полковник барон Вессель фон Фрейтаг-Лорингофен (07.1943—14.02.1944).

Абвер II разделялся на два подотдела: «Запад» и «Восток». Отделение «Запад» отвечало за подготовку диверсионной работы против Бельгии, Великобритании, Голландии, Испании, Норвегии, США, Франции и Южной Америки. Отделение «Восток» занималось подготовкой диверсионной и террористической деятельности против

СССР, Польши, Балканских стран, Ирана, Ирака, Аравии, восточной части Африки, Индии и других стран Востока. В свою очередь, отделения Абвер II имели в своем подчинении специальные группы. Например, при отделении «Запад» имелись группы «Северо-Запад» и «Юго-Запад». В каждом отделении служило по 10 офицеров.

Кроме того, в подчинении Абвер II находились: диверсионная школа в Квенцзее и полк (затем — дивизия) «Бранденбург», лаборатория по изготовлению взрывчатых веществ «Лаботегель», офицеры связи авиации и ВМФ и секретариат.

Диверсионная школа в Квенцзее располагалась в отдельных домах бывшей усадьбы в 5 км западнее гор. Бранденбург. В ней обучались небольшими группами (по 10—20 человек) солдаты и офицеры. Лаборатория по изготовлению взрывчатых веществ и приборов для диверсий располагалась в пригороде Берлина — Тегель. Начальником школы и одновременно лаборатории был полковник Ганс Маргер (позже лабораторию возглавляли полковник Маурициус и майор Эрман Куно), заместителем — майор Познер[1].

Абвер III отвечал за контрразведывательное обеспечение вооруженных сил нацистской Германии, военно-административных и военно-хозяйственных учреждений и на объектов оборонного значения. Руководителями военной контрразведки в разное время были подполковник Рудольф Бамлер (24.05.1938—01.03.1939); полковник Хейнрих (08.1943—20.09.1943); полковник Франц Эккард фон Бентевиньи (01.03.1943—14.02.1944).

Одним из ведущих подразделений в Абвер III являлся реферат III F. В его функции входила организация контрразведывательной работы за границей, внедрение своей агентуры в разведывательные органы противника и борьба с резидентами иностранных разведок, действо-

---

[1] Правильно — *Позер*, начальник реферата «Ваффен унд Герете».

вавших на территории самой Германии. На реферат III F также возлагались задачи ведения радиоигр с противником.

До 1939 года реферат III F состоял из двух отделений: «Восток» — «Ост» (Балканские страны, Латвия, Литва, Польша, Румыния, СССР, Чехословакия) и «Запад» — «Вест» (Великобритания, Бельгия, Голландия, Франция и Швейцария), затем количество отделений возросло до шести. С июня 1940 года как самостоятельный орган реферата III F был создан т. н. штаб «Валли», речь о котором пойдет в параграфе «Штаб «Валли» и его подразделения».

Германская разведка, как и разведслужбы других государств, старалась получить как можно больше сведений о своих противниках. В статье историка В.П. Ямпольского приведены выдержки из справки Главного управления полиции безопасности Германии об организации и методах работы советской разведслужбы, подготовленной в 1938 году: «Советская разведка может опираться на многовековую традицию и опыт. Русские испокон веков были мастерами шпионажа. Советская разведка широко использует связи Коминтерна для получения сведений. Наряду с этим советская разведслужба пользуется теми же методами, какие, как мы знаем, применяются другими государствами. Именно поэтому русские — превосходные шпионы. Огромная территория Советского Союза в настоящее время почти герметически изолирована от пропагандистских влияний из-за рубежа»[1].

Добавим, что Советский Союз был почти непроницаем для германского шпионажа. Это утверждение можно подтвердить любопытным эпизодом из показаний от 17 июня 1951 года бывшего начальника I Управления РСХА группенфюрера СС и генерал-лейтенанта

---

[1] *Ямпольский В.П.* «Советская разведка является наиболее опасной из всех разведслужб» // Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 35.

войск СС Бруно Штрекенбаха: «Вспоминаю в этой связи один разговор с Мюллером вскоре после начала войны с Советским Союзом. На мой вопрос, чем объясняется наша плохая осведомленность о Советском Союзе, Мюллер ответил, что СССР был всегда для германской разведки воротами, запертыми на семь замков».

* * *

В соответствии с планом «Барбаросса» Абвер усилил разведывательно-подрывную работу против СССР. С началом агрессии спецслужбы Германии направили на советскую территорию значительное количество своих подразделений, призванных проводить разведывательную, диверсионную и террористическую работу в прифронтовой полосе и глубоком тылу Красной Армии.

Главное внимание германская разведка уделяла подрыву военной мощи Красной Армии. С этой целью в расположение частей и соединений действующей армии, в тылы фронтов засылались тысячи шпионов, диверсантов и террористов. Из общего количества вражеских агентов, забрасываемых в СССР, непосредственно в зону боевых действий Красной Армии в 1941 году направлялось 55, в 1942-м — 54, в 1943-м — 53, в 1944-м — 63 и в 1945 году — 88 процентов[1].

Отметим еще одну весьма важную деталь в деятельности Абвера, а именно ту роль, какую она отводила русской эмиграции в своих планах тайных операций на Восточном фронте: «Сотрудничество русских белоэмигрантов с Абвером до начала военных действий против СССР проходило в основном на уровне абверштелле (АСТ) и подчиненных им абвернебештелле (АНСТ) — региональных звеньев немецкой военной спецслужбы, а также так называемых «Кригсорганизацьон» (КО) — военных

---

[1] *Коровин В.В.* Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. — М., 2003. С. 11.

организаций, действовавших под прикрытием дипломатических представительств Германии за рубежом. АСТ, АНСТ и военные организации вели сбор разведывательных данных о военной и экономической мощи СССР, разрабатывали контрразведывательные комбинации. Основной средой для вербовки агентуры были русские эмигрантские колонии и особенно участники различных антисоветских организаций... Кроме использования отдельных эмигрантов, Абвер при необходимости объединял таких лиц в резидентуры.

Так, «АСТ-Вена», действовавший на всем Юго-Востоке Европы, имел три крупных резидентуры — в Софии и Будапеште («Бюро Клатта») и Варне («Бюро Келлера»). Кроме них, сотрудником АСТ был бывший командир Дроздовской дивизии генерал Антон Васильевич Туркул. ...После начала военных действий на Восточном фронте все русские сотрудники Абвера из числа «эмигрантских» резидентур были включены в состав фронтовых органов Абвера и работали на «освобожденной» немцами территории. Наибольшее число русских белоэмигрантов было сосредоточено в «Абверштелле» «Юг Украины», проводившей контрразведывательную работу на территориях Херсонской, Сталинской, Запорожской, Кировоградской, Одесской областей, а с 1942 года — в Крыму. Эмигранты возглавляли штатные контрразведывательные резидентуры, состоявшие из 2—3 штатных резидентов, самостоятельно вербовавших агентуру. Помимо вербовки в Абвер велась постоянная работа по привлечению в ряды РОВС и НТС»[1].

А какими реальными сведениями располагал Абвер о деятельности советских разведывательных и контрразведывательных органов перед началом вторжения в Советский Союз летом 1941 года? В какой-то мере ответ на него советские спецслужбы получили уже после По-

---

[1] *Чуев С.Г.* Проклятые солдаты. — М., 2004. С. 20.

беды, когда были захвачены архивы разведывательного «сообщества Германии», а в плен попали некоторые высшие руководители Абвера.

Отвечая на этот вопрос, генерал-лейтенант фон Бентевиньи, возглавлявший в 1939—1944 годах отдел Абвер III (военная контрразведка), показал: «До 1939 года структура и деятельность русской разведывательной службы была малоизвестна германскому Генштабу. Более подробные данные начали поступать после присоединения Прибалтийских стран к Советскому Союзу, так как в Прибалтике имелось большое количество немецких агентов. После оккупации Польши в Варшаве был захвачен архив 2-го бюро польского Генштаба, располагавшего обширными материалами о русской разведке. Регулярно мы получали также информацию о России из Финляндии от органов финской разведки. К началу войны с Советским Союзом нам были в основном известны советские разведорганы в приграничных районах Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии...»

Об участии членов РОВСа в войне на стороне Германии против СССР показал на допросе в Москве 14—15 ноября 1945 года бывший генерал-майор Русской императорской и Белой армий, член РОВС В.П. Бресслер: «[...] *Вопрос*: А в период ведения войны Германии против СССР какая РОВСом и лично вами велась антисоветская работа?

Ответ: До 1943 года проводились доклады антисоветского содержания о положении на советско-германском фронте. С 1941-го до середины 1943 года «РОВС» снабжал немецкую армию переводчиками. Часть «ровсовцев» была мобилизована на фронт и принимала участие в боях против Красной Армии. Помню, что от «Союза русских офицеров» в немецкую армию ушли Циммерман, Энгельштейн и Клинберг (все трое — подданные Германии), от «Союза, служивших в российском флоте» — старший лейтенант Шен и капитан 2 ранга Мирбах. Из офи-

церского союза в качестве переводчиков в немецкую армию вступили: штабс-капитан Домбровский-Корсак, полковник Гаусман, капитан Шпакович, подпоручик Андреев, есаул Слепцов, подполковник Кромиади. Наряду с этим на тыловую службу к немцам поступили: полковник Ашимханов и штаб-ротмистр Каульбарс.

Вопрос: Только эти лица поступили к немцам на военную службу?

Ответ: Нет, на фронт ушло много членов «РОВСа». Основной контингент брался из «Балтийского союза», который по своей численности достигал 400 человек.

Вопрос: Сколько же членов насчитывал в своем составе «Союз русских офицеров»?

Ответ: «Союз русских офицеров» имел в своем составе 160—180 человек. Из числа этих лиц 7 человек входили в правление «Союза» — я, Бресслер, Новопашенный, Багге, Гагман, Наместник, Хвалынский, Мелешкевич. Ранее в правление входил также Купчинский, но он в 1934 году из «Союза» был исключен».

Закрытой для проникновения резидентуры германской разведки, по словам фон Бентевиньи, оказалась и Москва: «Насколько мне известно, Абвер во время войны не имел агентуры в Москве. Во всяком случае, Канарис, информируя начальников отделов о состоянии агентурной работы против воюющих с Германией стран, никогда не говорил о наличии в Москве какой-либо агентуры Абвера. Имелась ли в Москве агентура СД, я не знаю».

В начале 1990-х годов в беседе с корреспондентом бывший начальник 4-го Управления НКВД—НКГБ П.А. Судоплатов рассказал некоторые подробности, касающиеся деятельности германской разведки по засылке своей агентуры в Москву. В частности, отвечая на вопросы, с какими заданиями направлялись в Москву германские агенты и много ли немецкой агентуры оставалось вне поля зрения контрразведки, ответил: «С самыми разными. В первую очередь немцев интересова-

ло, не стягиваем ли мы к Москве новые воинские части, как обстоят дела на железной дороге, каково положение с продовольствием, какие настроения господствуют в Москве, не появилась ли какая-то слабина в действиях местная советской администрации, которую можно было бы использовать? И вот что интересно: едва ли не каждый второй агент мечтал убить кого-нибудь из членов Политбюро. Думаю, что все-таки порядочно... Однако после войны, когда в наши руки попали архивы Абвера, удалось установить, что «продуктивность» наших контрразведывательных операций была все-таки хорошей. Мы ведь не одни «пахали» — вместе с разведкой наркомата обороны и Генштаба»[1].

Показания немецкого разведчика и рассказ советского контрразведчика подтверждаются оценкой современных историков спецслужб:

«Невероятную трудность добывания сведений из Советского Союза и организации подрывной деятельности на его территории отмечают буквально все западные мемуаристы. Благодаря своевременно принятым мерам по переселению бывших немецких колонистов из западных и южных областей Украины, где их проживало несколько сотен тысяч, рейх был лишен возможности использовать в своих интересах и немецкое национальное меньшинство. И тем не менее об экономическом и военном потенциале Советского Союза гитлеровское командование было довольно плохо осведомлено. Как пишет в своих записках начальник германского Генерального штаба Гальдер, немцы считали в 1940 году, что у Красной Армии имеется только 180—200 дивизий. В действительности же их оказалось более 300. Были недооценены также авиация и флот. Из вышесказанного напрашивается вывод, что «пятую колон-

[1] Нелегалы в Охотном ряду. Беседа с Павлом Анатольевичем Судоплатовым — руководителем советской разведывательно-диверсионной службы в годы войны // Служба безопасности. 1993. № 5—6. С. 29—31.

ну»[1] в том виде и масштабе, которыми характеризовалась «пятая колонна» на Западе, в Советском Союзе гитлеровцам создать не удалось. Тем самым не была создана и одна из основных предпосылок, обеспечивавших успех агрессивных планов Гитлера в кампании против Чехословакии, Польши, Дании и Норвегии, Бельгии, Голландии и Франции, Югославии и Греции. Авантюрная стратегия «подрывной войны» дала трещину уже при подготовке нападения на Советский Союз. Тем настойчивее гитлеровское руководство требовало от Абвера проведения широких диверсионных мероприятий на советско-германском фронте в первые дни войны. С помощью диверсантов «Бранденбурга» оно надеялось компенсировать отсутствие «внутренней пятой колонны» в Советском Союзе»[2].

О непосредственном участии Абвера в нападении на СССР современные историки пишут: «Разведывательно-диверсионные действия активизировались особенно в последнюю неделю перед нападением на Советский Союз. С 15 июня 1941 г. германское командование приступило к переброске на территорию СССР большого количества банд, диверсионно-разведывательных групп и диверсантов-одиночек, которые имели задание с на-

---

[1] *«Пятая колонна»*. Прозвучавшая 18 июля 1936 г. по испанскому радио фраза «Над всей Испанией безоблачное небо» послужила сигналом к выступлению мятежников в стране. Началась длившаяся три года гражданская война, быстро превратившаяся в первое открытое столкновение мира с фашизмом. Мятеж возглавил генерал Франсиско Франко, вскоре получивший звание генералиссимуса, провозглашенный каудильо, т. е. вождем нации, и ее пожизненным верховным правителем. Термин «пятая колонна» впервые вошел в обиход в начале октября 1936 г. во время гражданской войны в Испании, когда франкистский генерал *Эмиль Моло* заявил по радио, что мятежники ведут войска на Мадрид четырьмя колоннами, а пятая находится в самом Мадриде и в решающий момент ударит с тыла. Во время Второй мировой войны — условное название фашистской агентуры в различных странах, которая осуществляла диверсионную и шпионскую деятельность, сеяла панику, занималась саботажем и помогала захвату этих стран германскими войсками.

[2] *Неподаев Ю.А.* Спецназ адмирала Канариса. — М., 2004. С. 226—227.

чалом военных действий разрушать линии телеграфно-телефонной связи, взрывать мосты и железнодорожное полотно на основных коммуникациях советских войск, уничтожать воинские склады и другие важные объекты, захватывать в тылу Красной Армии железнодорожные и шоссейные мосты и удерживать их до подхода передовых частей германской армии. В первые недели июня 1941 г. Абвер направил сформированные подразделения (приказ об их формировании был поставлен разведывательному центру в Вене еще до окончания боевых действий на Балканском полуострове. — *Прим. авт.*) в оперативное подчинение трех групп армий — «Север», «Центр» и «Юг». В течение дня 21 июня штабы армий выдвинули эти подразделения вперед, в боевые порядки танковых дивизий и разведывательных батальонов. 22 июня, между 1 и 2 часами ночи, Абвер получил от этих подразделений донесения о том, что они заняли исходные позиции»[1].

Один из документов, свидетельствовавший о подрывной работе Абвера II на территории СССР, был предоставлен Международному Военному Трибуналу — секретное распоряжение о подготовке восстания в Грузии от 20 июня 1941 года: «Для выполнения полученных от 1-го оперативного отдела военно-полевого штаба указаний о том, чтобы для использования нефтяных районов обеспечить разложение в Советской России, рабочему штабу «Румыния» поручается создать организацию «Тамара», на которую возлагаются следующие задачи: 1. Подготовить силами грузин организацию восстания на территории Грузии. 2. Руководство организацией возложить на обер-лейтенанта доктора Крамера (отдел 2 контрразведки). Заместителем назначается фельдфебель доктор Хауфе (контрразведка II). 3. Организация

---

[1] *Винокуров В.* Роль немецкой военной дипломатии в принятии решения о нападении на СССР. Абвер не сумел дать правильную оценку советскому военному потенциалу // Военно-промышленный курьер. 2008. 6—12 августа. № 31(247).

разделяется на две группы: а) «Тамара I» — она состоит из 16 грузин, подготовленных для саботажа (С) и объединенных в ячейки (К). Ею руководит унтер-офицер Герман (учебный полк «Бранденбург». ЦБФ 800, 5-я рота); б) «Тамара II» представляет собой оперативную группу, состоящую из 80 грузин, объединенных в ячейки. Руководителем данной группы назначается обер-лейтенант доктор Крамер. 4. Обе оперативные группы «Тамара I» и «Тамара II» предоставлены в распоряжение 1-Ц ОК (главного командования армии). 5. В качестве сборного пункта оперативной группы «Тамара I» избраны окрестности г. Яссы, сборный пункт оперативной группы «Тамара II» — треугольник Браилов—Каларса—Бухарест. 6. Вооружение организаций «Тамара» проводится отделом контрразведки II. Лахузен»[1].

Уже после окончания войны, другой руководитель германской военной разведки, бывший заместитель начальника отдела Абвер II полковник Эрвин Штольце, во время предварительного следствия на вопрос, как велась подготовка нападения на Советский Союз, показал: «В марте или апреле 1941 года мой начальник — руководитель отдела Абвер II — полковник (ныне) генерал Лахузен вызвал меня к себе в служебный кабинет и поставил в известность о том, что вскоре предстоит военное нападение Германии на Советский Союз, и в связи с этим предложил мне использовать все данные о Советском Союзе, которыми располагал отдел «Абвер 2», для проведения необходимых мероприятий по диверсии против СССР... Далее я получил указание от Лахузена организовать и возглавить специальную группу под условным наименованием «А», которая должна была заниматься

[1] Секретное распоряжение начальника отдела иностранной контрразведки Эрвина Лахузена от 20 июня 1941 г. об организации восстания в Грузии // Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сборник материалов в 7 т. Т. II. — М., 1958. С. 647—648.

исключительно подготовкой диверсионной и разложенческой работы в советском тылу, в связи с намечавшимся нападением на СССР. В то же время Лахузен дал для ознакомления и руководства приказ, поступивший из оперативного штаба вооруженных сил, подписанный фельдмаршалом Кейтелем и Йодлем (или генералом Варлимонтом по поручению Кейтеля — точно не помню), содержащий основные директивные указания по проведению подрывной деятельности на территории СССР после нападения Германии на Советский Союз. Данный приказ был впервые помечен условным шифром «Барбаросса». В дальнейшем все мероприятия по подготовке войны против Советского Союза именовались условно «Операция Барбаросса». В приказе указывалось о том, что в целях нанесения молниеносного удара по Советскому Союзу Абвер II при проведении диверсионной и разложенческой работы против России должен использовать возможности, вытекающие из многонационального состава населения СССР для разжигания национальной вражды и политического разложения Красной Армии».

Накануне нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, весной 1941 года, всем армейским группировкам немецкой армии был придано по одной разведывательной, диверсионной и контрразведывательной команде Абвера, а армиям — подчиненные этим командам абвергруппы (абвергруппс). Абверкоманды и абвергруппы с подчиненными им школами являлись основными органами немецкой военной разведки и контрразведки, действовавшими на советско-германском фронте.

В недавно опубликованной статье доктора исторических наук В. Винокурова приведены сведения о непосредственном участии германской военной разведки и военных дипломатов в подготовке нападения на Советский Союз. В частности, автор констатирует: «Разведывательно-диверсионные действия активизировались особенно в последнюю неделю перед нападением на Советский

Союз. С 15 июня 1941 г. германское командование приступило к переброске на территорию СССР большого количества банд, диверсионно-разведывательных групп и диверсантов-одиночек, которые имели задание с началом военных действий разрушать линии телеграфно-телефонной связи, взрывать мосты и железнодорожное полотно на основных коммуникациях советских войск, уничтожать воинские склады и другие важные объекты, захватывать в тылу Красной Армии железнодорожные и шоссейные мосты и удерживать их до подхода передовых частей германской армии. В самый последний момент перед нападением Германии в ночь с 21 на 22 июня 1941 г. гитлеровская разведка на ряде операционных направлений перебросила через границу наземным и воздушным путем значительное количество мелких диверсионных групп, участники которых были переодеты в гражданское платье и в форму военнослужащих Красной Армии. В первые недели июня 1941 г. Абвер направил сформированные подразделения разведки (приказ об их формировании был поставлен разведывательному центру в Вене еще до окончания боевых действий на Балканском полуострове. — *Прим. авт.*) в оперативное подчинение трех групп армий — «Север», «Центр» и «Юг». В течение дня 21 июня штабы армий выдвинули эти подразделения вперед, в боевые порядки танковых дивизий и разведывательных батальонов. 22 июня, между 1 и 2 часами ночи, Абвер получил от этих подразделений донесения о том, что они заняли исходные позиции. В ОКВ имелись данные, что Красная Армия насчитывает 118 стрелковых, 20 кавалерийских дивизий, 40 моторизованных и танковых бригад, 6000 самолетов. Аналитические материалы и фактические сведения, поступавшие Верховному командованию вермахта и лично Гитлеру из различных источников, убеждали в быстрой победе над СССР. Очевидно, генерал-фельдмаршал В. фон Браухич, Главнокомандующий Сухопутных войск, не кривил

душой, когда 1 мая 1941 года на совещании в Ставке Гитлера дал такой прогноз развития событий: «Упорные сражения в приграничной полосе продлятся не более четырех недель. В дальнейшем можно рассчитывать на ограниченное сопротивление». Таким образом, немецкий Генеральный штаб и его рабочий орган — военная разведка активно помогали формированию иллюзорных взглядов Гитлера, в результате чего он уверовал, что Красная Армия слаба, а советский режим непрочен»[1].

До лета 1942 года на советско-германском фронте действовали три армейские группировки, именовавшиеся вначале армейскими группировками А, В и С, или группировками Зюд (Юг), Митте (Центр) и Норд (Север). Соответственно этому, приданные им разведывательные абверкоманды именовались 1 А, 1 В и 1 Ц или абверкомандами 1 Зюд, 1 Митте, 1 Норд.

Диверсионные команды имели аналогичные наименования с добавлением цифры 2 (абверкоманда 2 А и т. д.), а контрразведывательные команды — цифры 3 (абверкоманда 3 А и т.д.). Одновременно эти же команды носили наименования по позывным своих радиостанций («Меркурий», «Сатурн», «Орион», «Марс», «Нептун»). Система наименований абвергрупп, подчиненных командам, была аналогичной, с добавлением после буквы номера армии, к которой была придана абвергруппа (абвергруппа 1-А-11 придана 11-й армии и т.д.).

В начале 1942 года Абвером были сформированы армейские группировки «Зюд А», «Зюд Б» и «Дон», к которым по линии Абвера добавились новые абверкоманды и абвергруппы. К этому же времени относится и изменение наименований абверкоманд и абвергрупп — им была присвоена новая нумерация. Разведывательные команды и группы получили нумерацию от 101 и выше, дивер-

---

[1] *Винокуров В.* Роль немецкой военной дипломатии в принятии решения о нападении на СССР // Военно-промышленный курьер. 2008. 12 августа. № 3(247).

сионные — от 201 и выше, контрразведывательные — от 301 и выше, экономической разведки — от 150 и выше. Кроме того, были созданы абверкоманды и абвергруппы по линии экономической разведки, которые также придавались армейским группировкам и армиям.

Во второй половине 1942 года Абвером при армейских группировках были созданы особые абвергруппы, в задачу которых входили координация и руководство деятельностью разведывательных, диверсионных и контрразведывательных абверкоманд, приданных армейским группировкам, поддержание контакта с военным командованием и отделами «1 Ц», а также осуществление связи со штабом «Валли». Однако через полгода эти абвергруппы были ликвидированы, после чего абверкоманды вновь стали подчиняться непосредственно штабу «Валли».

Конкуренция между спецслужбами Германии привела к разрушению военной разведки и переподчинению ее структур РСХА. 12 февраля 1944 года был издан совершенно секретный приказ Гитлера за № 1/44, которым объявлялось об учреждении единой немецкой разведывательной службы, во главе которой был назначен рейхсфюрер СС. Абвер I и Абвер II были включены в состав РСХА в качестве Управления военной разведки Militärisches Amt (Mil Amt).

Об этих серьезных конфликтах, происходивших между германскими спецслужбами, прежде всего между Абвером и VI Управлением РСХА, подробно рассказал в своих мемуарах упоминавшийся выше генерал Гелен: «...Более серьезные проблемы создавали для Канариса попытки национал-социалистической партии, точнее, зарубежной ее организации, а также эсэсовских структур — прежде всего службы безопасности (СД) — проводить, начиная с 1933 года, конкурентную деятельность. Адмиралу приходилось постоянно противодействовать этим разведывательным операциям, нередко носившим

печать спешки и дилетантизма. К сожалению, он находился в положении обороняющейся стороны, поскольку не имел поддержки со стороны Верховного главнокомандования вермахта. К тому же созданное в соответствии с распоряжением Гиммлера Главное управление имперской безопасности (ГУИБ) стремилось прибрать к своим рукам разведку и контрразведку. ...Механизм взаимодействия между гестапо, службой безопасности, Абвером и разграничение их компетенций были зафиксированы в подписанном в 1936 году документе, известном под названием «Десять заповедей сотрудничества». Два года спустя последовала реорганизация тщательно законспирированной службы внешней разведки СД в Шестое управление ГУИБ, которое в июне 1941 года возглавил Вальтер Шелленберг. ...Шелленберг нанес решающий удар по Абверу весной 1944 года, когда работавший на Канариса в Турции агент Фермерен бежал в Каир. Он преподнес Гитлеру это неприятное для разведки происшествие как провал, высветивший «подозрительные связи» Канариса. Фюрер, давно уже ненавидевший адмирала, немедленно ухватился за предоставленную ему возможность и отстранил его от должности. Временное руководство военной разведкой было возложено на полковника Генерального штаба Ханзена. Затем Гитлер отдал имевшее поистине роковые последствия распоряжение: Абвер подчинили Главному управлению имперской безопасности. Лишь войсковая разведка на Восточном фронте, да и то благодаря ходатайству генерал-фельдмаршала Кейтеля перед фюрером, осталась в ведении сухопутных войск, а конкретно — моего отдела[1]»[2].

В связи с реорганизацией и переподчинением военной разведки РСХА многие кадровые офицеры Абвера

---

[1] В воспоминаниях Р. Гелена речь идет о 12-м отделе Генштаба Германии — отдела «Иностранные армии Востока».

[2] *Гелен Р.* Война разведок. С. 51—54.

высказывали критическое отношение к таким переменам. Например, в собственноручных показаниях бывший заместитель начальника команды «Мельдегебит-Берлин» подполковник Герман фон Странски отметил: «Базой для каждого руководства есть и остается здравое сознание фактов реальной действительности в лагере противника. Поэтому разведывательная служба является душой военного руководства. Хорошо организованная разведывательная служба представляет из себя весьма чувствительный аппарат с тысячью разветвленных и переплетающихся петель и сетей. Коренное изменение подобной структуры в ходе войны является весьма рискованным мероприятием. Германское руководство предприняло эту рискованную комбинацию. ...Тот, кто хорошо умел наблюдать, мог легко установить после перехода Абвера в ведение СС ясно выразившуюся обособленность штабных офицеров от офицеров Абвера. Офицерам Абвера просто не доверяли и были очень осторожны в обращении с ними. Верховное командование, несомненно, имело намерение путем объединения политической и военной разведывательных служб в одних руках добиться усиления и консолидации разведки. Но получилось наоборот. Совершенно различные по своей структуре органы Абвера, с одной стороны, и руководство СС — с другой, различные в системе и методах работы способствовали тому, что не только значительно уменьшилось количество работы, но также ухудшилось качество ее, так как база, доверие, исчезла, а неуверенность возросла, желание и любовь к работе, импульс плодотворной деятельности исчезли».

Подводя итоги деятельности Абвера в годы Второй мировой войны, бывший заместитель начальника Абвер II (саботаж и диверсии) полковник Эрвин Штольце в собственноручных показаниях от 12 февраля 1946 года писал: «Отрицательной для всей работы Абвера было то, что контрразведка Абвер III не имела исполнительной

власти. Аресты могли быть произведены лишь полицией. Тем самым контрразведка была поставлена в зависимое от полиции положение. Начиная с 1944 года Абвер был переведен в подчинение имперскому управлению государственной безопасности (РСХА). Я к этому времени уже не работал в центре, однако преимущества этой реорганизации были для меня понятны. Они заключались, по моему мнению, в следующем: 1. Объединение политической и военной разведок в едином центре. 2. Большая авторитетность этого разведывательного центра в связи с тем, что он был подчинен Гиммлеру. 3. Объединение функций гестапо и Абвера, чем достигалось объединение наблюдающих и полицейских органов. Преимущества этой перестройки не могли полностью себя проявить, так как эта реорганизация имела место в ходе войны, и поэтому не могли быть достаточно четко подготовлены и проведены в жизнь»[1].

* * *

Начиная с 1938 года Абвером стали создаваться опорные пункты при германских дипломатических представительствах в ряде стран — «Кригсорганизационен»[2]. В течение следующих четырех лет такие организации были созданы в Испании, Швейцарии, Румынии, Голландии, Португалии, Финляндии, Греции, Турции, Иране, Швеции и Чили. При этом «КО» в Турции, Болгарии, Румынии, Финляндии, Швеции и Иране были ориентированы на разведку против Советского Союза. В целях маскировки сотрудники «КО» числились в штате германских дипломатических представительств.

---

[1] *Гелен Р.* С. 54.

[2] *«Военная организация»* (*нем.* Kriegsorganisation, сокр. — КО) — германские военно-разведывательные органы на территории ряда нейтральных государств, действовавшие под прикрытием германских посольств, накануне и в начале Второй мировой войны.

Сотрудники, работавшие в КО, входили в штат посольств и пользовались дипломатической неприкосновенностью. Подотделы КО были созданы в Финляндии («Бюро Целлариуса»), Болгарии («Бюро доктора Делиуса»[1]), Швеции, Румынии, Венгрии, Турции, Иране, Афганистане, Китае, Испании, Португалии, Голландии, Швейцарии и Бельгии.

Подробные показания о задачах и одной из таких структур — «Кригсорганизацион Финляндия» — дал на допросах в Берлине 7—9 августа 1945 года бывший сотрудник Абвера полковник Люфтваффе[2] Курт Зебер: «...Помимо перечисленных выше немецких военных учреждений, в Хельсинки также размещался орган немецкой военной контрразведки, именуемый «КОФ» («Кригс организацион Финлянд» — военная организация в Финляндии), во главе этого органа был фрегаттен-капитан (соответствует подполковнику) Целлариус...

Вопрос: Расскажите подробно об организации, именуемой «КОФ».

Ответ: «КОФ» — «Кригс организацион Финлянд» — зашифрованное название немецкой разведки «Абвер» при ОКВ, и, по существу, «Кригс организацион Финлянд» являлся отделом Абвера в Финляндии («Абверштелле») и в своей деятельности подчинялся Управлению «Абвер» при ОКВ. Задачей «Кригс организацион Финлянд» была разведывательная работа против Советского Союза в районах Карельского и Ленинградского фронтов. «КОФ» осуществляла шпионско-диверсионную деятельность на участке от г. Мурманска до Чудского озера путем засылки в тыл частей Красной Армии шпионов и диверсантов. Мне известно, что «КОФ» создавал диверсионно-террористические группы из эстонцев, проживающих в

---

[1] Речь идет о сотруднике германской военной разведки *Отто Вагнере*.

[2] *Воздушное оружие* (*нем.* die Luftwaffe) — официальное наименование военно-воздушных сил гитлеровской Германии.

Финляндии, которые перебрасывались на территорию Эстонии для подрывной работы против Красной Армии. <...>

Вопрос: Что вам известно о структурном построении «КОФ»?

Ответ: Я знаю, что в «КОФ» имелось три группы, а именно: первая группа вела разведывательную работу, т. е. против Советского Союза. Называлась она группа I. Группа II вела контрразведывательную работу внутри воинских частей немецкой армии, находящихся в Финляндии и делилась на два подотдела — армейский и военно-морского флота. И, наконец, последняя группа — хозяйственная, ведавшая всеми хозяйственными вопросами, а также снабжением взрыв[чатыми] веществами, оружием и боеприпасами «КОФ».

Вопрос: Какое количество официальных сотрудников имелось в «КОФ».

Ответ: Насколько я помню, в «КОФ» официальных сотрудников было не более 15 человек.

Вопрос: Перечислите известный вам офицерский состав «КОФ»?

Ответ: Начальником «КОФ», как я уже показал, был фрегаттен-капитан Целлариус Александр, около 50 лет, немец, уроженец гор. Москвы[1], в совершенстве владеет русским языком, рост 170 см, широкоплечий, крепкого телосложения, подвижный, выглядит моложаво, темные волосы, светлые глаза. Где находится в настоящее время Целлариус, я не знаю. В последний раз я его видел в июле 1944 года; при моем выезде из Финляндии он оставался в Хельсинки. 2. Заместителем Целлариуса был подполковник Геттинг, имени не знаю, около 50 лет, немец, уроженец Германии, русским языком владеет, рост 185—188 см, широкоплечий, лысый, усы и бороду бреет, глаза светлые, особых примет не имел, носил

[1] Так в документе.

монокль. Где находится в настоящее время — не знаю. В последний раз я с ним встречался в начале 1944 года в Финляндии. 3. Представитель «КОФ» при генерале Эрфурте — подполковник Гофманн, имени не знаю, примерно 60 лет, рост 182 см, светлые волосы, голубые глаза, продолговатое лицо, усы и бороду бреет. Разговор медленный. Немец, уроженец Германии, владеет русским языком. 4. Референт I группы (отдела) майор Лингард, имени не знаю, 45 лет, рост 162 см, волосы темные, бороду и усы бреет. Немец, уроженец Германии, ранее работал в немецкой полиции в Берлине. Где сейчас находится — не знаю. [...]

Из других известных мне официальных сотрудников «КОФ» я помню: 1. Лейтенант цур-зее (соответствует лейтенанту) Хон, 31—32 лет, высокий, блондин, глаза голубые, стройный, кто по национальности, не знаю, т. к., судя по его произношению, он немецким языком владеет слабо, хорошо говорит по-русски и по-эстонски. Слышал, что он образование получил в одной из Прибалтийских республик. Работал он в I группе (отделе) «КОФ», но в какой должности — не знаю. Слышал, что он из Финляндии выехал в Германию, но где находится в настоящее время — не знаю. 2. Лейтенант Шварце, так же работал в I группе (отделе) «КОФ», в какой должности — не знаю. Он погиб при переброске десанта в район севернее Ленинграда в 1943 году.

Вот и все, кого я помню из официальных сотрудников «КОФ». Кроме того, при «КОФ» [были] три бывших полковника эстонской армии. 1. Маазинг, имени не знаю, 40—43 лет, небольшого роста, круглое лицо, волосы светлые, вьющиеся, глаза светлые. Хорошо говорит по-русски. Рассказывали, что он в прошлом был офицером русской армии. Обычно ходил в штатском платье. Часто и на продолжительное время выезжал в Стокгольм. 2. Кург, имени не знаю, 45 лет, высокий, широкоплечий, военная выправка, по национальности эстонец, лицо

круглое, глаза большие, темные, волосы темные. Владеет немецким, русским и эстонским языками. Особых примет не имеет. Ходил всегда в штатском костюме. 3. Ларсон или Ларсен, 40—41 года, рост около 180 см, широкоплечий, лицо продолговатое, светлый цвет лица, волосы темные, глаза темные. По национальности эстонец, хорошо говорит по-русски, слабо владеет немецким языком. По внешнему виду не производит впечатление военного человека.

Эти три эстонских полковника работали в I группе (отделе) «КОФ», какие они там занимали официальные должности — не знаю, но предполагаю, что они занимались переброской агентуры на территорию Эстонской ССР, в тыл частей Красной Армии, которая перебрасывалась в виде десантов с различными заданиями».

В ходе допроса 18 апреля 1950 года бывший военный атташе в Хельсинки полковник Хорст Кичман также рассказал о «Бюро Целлариуса» и его сотрудниках: «[...] Мне известно, однако, что активную разведывательно-диверсионную деятельность против СССР с территории Финляндии проводил также германский разведорган — «Бюро Целлариус».

Вопрос: Договаривайте — и вы тесно сотрудничали с этим разведорганом по шпионской работе против СССР?

Ответ: Прошу поверить, что по шпионской работе против СССР я с «Бюро Целлариус» не сотрудничал.

Вопрос: Покажите о структуре «Бюро Целлариуса»?

Ответ: Структура «Бюро Целлариус» мне неизвестна. Я знаю только, что этот разведорган, который назывался еще «Военная организация в Финляндии», являлся филиалом германской военной разведки Абвер и располагался в Хельсинки, в отдельном особняке на площади Казернторгет.

Вопрос: Кто руководил разведорганом?

Ответ: Морской капитан Целлариус.

Вопрос: Что вам о нем известно?

Ответ: Целлариус, имени не знаю, немец, германский подданный, родился и до 1911 года проживал в Петербурге, в совершенстве владеет русским языком. В период Первой мировой войны он служил в германском военно-морском флоте, затем демобилизовался и проживал в предместье Берлина — Груневальде. Был женат на дочери берлинского аптекаря, детей не имел. Когда Целлариус поступил в германскую разведку Абвер, мне неизвестно, но в начале войны против Советского Союза он занимал должность абверофицера при армейской группе «Север», а затем осенью 1941 года был назначен руководителем германского разведоргана «Бюро Целлариус» в Финляндии. В сентябре 1944 года я слышал, от кого — не помню, что вскоре после капитуляции Финляндии Целлариус вместе со своим органом перебрался в Германию в м[естечко] Герингсдорф, расположенное в 15 км западнее гор. Свинемюнде. Приметы Целлариуса: около 55 лет, выше среднего роста, стройный, темный блондин, нос большой, толстый.

[...] В октябре 1943 года я сопровождал офицеров финского Генерального штаба — начальника Иностранного отдела полковника Слер и командира стрелковой бригады полковника Бринкман — в армейскую группировку «Север», где они, как я уже показывал на прошлом допросе[1], по заданию Маннергейма знакомились с положением немецких войск под Ленинградом. Из Хельсинки в Псков мы летели самолетом и делали промежуточную посадку в Таллине. Когда мы уже приготовились, чтобы продолжить свой путь, в самолет неожиданно

---

[1] Предыдущий допрос полковника Х. Кичмана состоялся 15 марта 1950 г. Во время допроса Кичман был допрошен по вопросу его шпионской деятельности против СССР.

вошел Целлариус и следовал вместе с нами до самого Пскова[1].

Вопрос: С какой целью Целлариус ездил на советско-германский фронт?

Ответ: Для проведения разведывательных операций.

Вопрос: Каких?

Ответ: Находясь на приеме у начальника штаба армейской группировки «Север» генерала Кинцель, я слышал, как Целлариус говорил ему, что он, Целлариус, хочет провести операцию по захвату русского дота в районе западнее гор. Ораниенбаум, причем захват дота Целлариус намеревался осуществить силами своей агентуры. Я припоминаю далее, что, одновременно с этим, Целлариус хотел забросить в Ораниенбаум агентуру с заданием разведать положение и численность советских частей[2]. Выслушав Целлариуса, генерал Кинцель велел ему переговорить по этому вопросу с начальником отдела «1-Ц» штаба армейской группировки, фамилию которого я позабыл. Удалось ли Целлариусу осуществить эти свои намерения, я не знаю».

Так же немецкие военнопленные рассказывали и о других тайнах из «внутренней кухни» германских спецслужб. Например, в собственноручных показаниях от 28 июля 1945 года немецкий разведчик гаупштурмфюрер СС Альфред Клаузницер рассказал о конфликтах, происходивших между германскими специальными службами, которые послужили поводом для «реформы»

---

[1] В Таллине располагался филиал «АСТ-Остланд» — *«АСНТ-Ревал»*, которым руководил фрегаттен-капитан А. Целлариус. Разведорган действовал под вывеской «Бюро по вербовке добровольцев», размещался по адресу: ул. Кайдула, в домах 3 и 14. Полевая почта № 24210 С, а после 1942 г. — № 23184. Позывной радиостанции — Пагар.

[2] «АНСТ-Ревал» подчинялись разведывательные и диверсионные школы в местечках Мыза-Кумна, Летсе и Кейла-Юа. Из числа разведчиков-диверсантов, подготовленных в этих школах, в марте 1943 г. был сформирован и переброшен в район Ораниенбаума сводный десантный отряд, условно именовавшийся «Оран».

германских спецслужб: «Начальником немецкой контрразведки был до апреля 1944 г. адмирал Канарис. Насколько мне известно, адмирал Канарис являлся сотрудником Абвера уже во время Первой мировой войны, он должен быть уже стариком, лично я его не видел. Его высмеивали и называли его «маленьким матросом» («Matrosen genannt». — *Прим. авт.*). Между Канарисом и рейхсфюрером СС существовала старая вражда, и они боролись один против другого. В январе 1944 г. 10 человек из группы I[1] перешли в г. Истамбул к англичанам. В связи с этим Гиммлер пытался свергнуть Канариса, что ему и удалось. Весной 1944 г. Канарис вышел в отставку и Абвер был реорганизован. К англичанам перешли тогда Ф. Гамбургер, Клетниковски, Фермерен, кажется, графиня Плеттенберг и еще семь человек. Англичане составили доклад, и мой начальник в Берлине подполковник Фройнд посещал Истамбул, чтобы исследовать, что было передано».

Возглавил новое Управление бывший начальник Абвер I полковник Георг Хансен. Непосредственная разведка и контрразведка в войсках оставлены в вермахте под общим руководством штаба Оперативного командования вермахта (ОКВ) под названием Frontauf-Klärungs — «фронтовая разведка». После неудавшегося покушения на фюрера 20 июня 1944 года Абвер был ликвидирован окончательно.

«МОРСКОЙ» АБВЕР

Управленческая группа «Абвер-заграница» объединяла агентурную разведку вермахта, Люфтваффе и кригсмарине. О деятельности Абвера написано достаточно большое количество статей, гораздо меньше материа-

[1] Имеется в виду Абвер I (разведка).

лов посвящено военно-морской разведке Германии. Функции разведки в интересах ВМФ выполняла группа I M «Военно-морской флот» (Gruppe I M Marine)[1].

Основной задачей группы являлся сбор донесений разведывательного характера в интересах военно-морского флота. Руководители: капитан Менцель; с 1943 года — капитан Пфейфер. Вся деятельность группы была поделена на сектора. Контрразведывательным обеспечением кригсмарине занималась подгруппа III M Абвер III (контрразведка).

Функции разведки в интересах ВМФ выполняла группа I M «Военно-морской флот» (Gruppe I M Marine). Основной задачей группы являлся сбор донесений разведывательного характера в интересах военно-морского флота. Руководители: капитан Менцель; с 1943 года — капитан Пфейфер. Вся деятельность группы была поделена на сектора. Контрразведывательным обеспечением кригсмарине занималась подгруппа III M Абвер III (контрразведка).

Сектор I M «Запад» (Sektor I M West) отвечал за разведку на Западе и в Трансатлантике во взаимодействии с региональными отделениями в Гамбурге, Бремене, Киле, Вильгельмсхафене, Кельне и Штутгарте. Кроме того, он осуществлял обмен информацией с союзниками Германии — Испанией и Италией. Сектор I M «Северо-Запад» (Sektor I M Nord-West) проводил разведдеятельность у побережья Великобритании и США, а также их трансатлантических колониях и координировал свою работу с разведслужбами ВМС Дании, Норвегии, Швеции и других нейтральных стран. Сектор I M «Юго-Запад» (Sektor I M Süd-West) — разведка у побережья Франции и ее колоний. Взаимодействовал с разведывательными службами Нидерландов, Бельгии и Люксембурга. Сектор

---

[1] Об организации военно-морской разведки Германии см. также: *Залесский К.* Вермахт. Сухопутные войска и верховное командование. С. 10—11.

I M «Северо-Восток» (Sektor I M Nord-Ost) собирал сведения в зоне северных морских путей СССР и Польши.

Опирался на информацию разведок Латвии, Литвы и Швеции. Сектор I M «Юго-Восток» (Sektor I M Süd-Ost) вел сбор данных в зоне южных морских путей Советского Союза и Польши во взаимодействии с разведками Румынии, Греции, Труции, Ирана и Афганистана. Сектор I MT «Техника» (Sektor I MT Technik) курировал вопросы технической и экономической разведок.

Перед войной сбором развединформации на Востоке занимался Сектор I M «Восток» (Sektor I M Ost). Опирался на донесения своих региональных отделений в Штеттине, Кенигсберге и Вене, а также обменивался информацией с разведками Финляндии, Эстонии, Болгарии, Японии и Венгрии. Первоочередной задачей сектора «Восток» являлась разведка состава, вооружения, планов использования ВМФ Советского Союза. При этом упор делался на создание агентурных позиций среди военнослужащих РК КФ, налаживание каналов связи с негласными источниками.

Кроме того, в начале военных действий на советско-германском фронте в конце 1941-го — начале 1942 года в Берлине была сформирована специальная Морская разведывательная команда, условно названная «Нахрихтенбеобахтер» (НБО), затем направлена в Симферополь (с 1 июля 1942 года по 1 февраля 1943 года). Первоначально размещалась по адресу Севастопольская, 6 (радиопозывной «Татар»). Руководители (до июля 1942 года) — капитан Боде, затем — корветтен-капитан Рикгоф.

В повседневной деятельности каждой группе или команде придавались представители морской контрразведки команды гауптмана Енча «Абвер III M». Группы опроса военнопленных (руководитель — обер-лейтенант Грееф Грабке) и группа по изготовлению фальшивых документов находилась при НБО. В состав НБО входи-

ло несколько филиалов и отдельных групп: 1) «Маринэ абверайнзатцкоманда» («команда морской фронтовой разведки»; другое название — абверкоманда 166 М) капитан-лейтенанта Петра Ноймана. Последовательно дислоцировалась (1942—1943) в Севастополе, Керчи, Темрюке, Новороссийске и Краснодаре; 2) «Маринэ абверайнзатцкоманда» обер-лейтенанта Вольф Цирке (до сентября 1942 года — лейтенант, барон Жирар де Сукантон). В 1942—1943 годах команда последовательно дислоцировалась в Севастополе, Бердянске, Мариуполе, Таганроге и Ростове. В оперативном подчинении обер-лейтенанта Цирке (Мариуполь) находилась и радиогруппа, которая осуществляла связь с заброшенными на территорию СССР агентами, а также проводила радиоигры дезинформационного характера с советской разведкой. Действовала на северо-восточном побережье Азовского моря; 3) команда «Абвер II М» капитана Крамера (диверсионно-террористическая команда; подчинялась главному управлению разведки и контрразведки ОКВ), которая находилась в оперативном подчинении НБО. Последовательно дислоцировалась (1942—1943) в Керчи, Темрюке, Тамани, Анапе, Новороссийске и Краснодаре; 4) группа обер-лейтенанта фон Жирара, занимавшаяся военнопленными из числа военнослужащих ВМФ. Дислоцировалась в Бахчисарае, Николаеве и Симферополе. Кроме того, в подчинении фрегаттен-капитана Рикгофа находилась группа по подготовке разведчиков-диверсантов для заброски в тыл Красной Армии, которой придавались самолеты Люфтваффе для заброски агентов, и группа по формированию легиона «Шварц Меер» (руководитель — лейтенант Буш). Рикгоф также руководил работой с представителями различных «национальных комитетов», которые проводили вербовку и набирали людей в легион «Шварц Меер».

Интересные эпизоды противостояния советской контрразведки на море в годы Великой Отечественной войны приведены в статье И. Иванникова: «В январе 1942-го на Черноморском театре создается мощное подразделение разведки Штаба главнокомандующего морских сил на Черном море — команда «Нахрихтенбеобахтер» (НБО). Она имела разветвленную структуру: управление (до 90 сотрудников), две разведывательные команды, диверсионная команда, группа по вербовке захваченных моряков, лагерь военнопленных, школа подготовки агентуры.

В состав одной из разведкоманд входили группы по радиоразведке и связи с агентурой, захвату и изучению документов затонувших судов, по опросу пленных, вербовке агентуры, по контрразведывательной защите. НБО базировалась в Симферополе, затем в Одессе (при эвакуации оттуда в Кишинев было переведено свыше 500 агентов, не считая оставленных со спецзаданиями на освобожденной территории!). Следует признать высокую квалификацию агентуры НБО — в 1943—1945 годах контрразведкой «СМЕРШ» ЧФ было выявлено всего 44 агента, из которых 17 явились с повинной.

НБО имела и карательное подразделение — легион «Черное море» из 500 отборных головорезов, — предназначенное для противопартизанских и диверсионных действий. Легион в жестокости ничем не уступал коллегам из СС и СД. Команда, которой чекисты присвоили условное наименование «Акулы», взаимодействовала с разведывательными отделами морских комендатур (во всех приморских городах Украины), комендатурой Кавказа. Постепенно НБО распространила свою разведывательно-подрывную активность на Северный Кавказ, собирая сведения о частях Северо-Кавказского фронта. В 1943-м даже создается разведшкола НБО

для подготовки 600 агентов из членов «Северокавказского карачаевского комитета». Отдельные спецгруппы НБО обезвреживались в районе Грозного — им ставились разноплановые разведывательные задачи»[1].

Помимо НБО, на этом же участке фронта действовала в специальная морская разведывательная команда по Черному и Азовскому морям корветтен-капитана доктора Ротта, его заместителем был капитан-лейтенант Граслер («Маринэ айнзацкомандо дес Шварцен Меерс» («Морская команда Черного моря», фельдпост № 12965). Численность команды — 40 человек, подчинялась «Абвер/Заграница» и была придана штабу адмирала Карла Георга Шустера, командовавшего германскими военно-морскими силами юго-восточного направления. «Морская команда Черного моря» в 1941—1942 годах первоначально располагалась в Бухаресте (Румыния) и являлась самостоятельным подразделением. Основной задачей «зондеркоманды ОКВ» являлся сбор информации о военном и торговом флотах данных морей, о портах, портовых сооружениях и предприятиях судостроительной промышленности, об организации и состоянии обороны побережья. С началом войны против СССР «Морская команда» передислоцировалась на территорию СССР и разделилась на две группы. Первая группа (форт-группа; «передовая группа») во главе с лейтенантом Бирманом выехала в Одессу, другая, во главе с Роттом, в Николаев.

Позднее обе группы соединились в Николаеве, откуда переехали в Ялту (находились на территории санатория «Угольщик Донбасса»). В Николаеве к «Морской команде» присоединился капитан-лейтенант Грасман. С декабря 1941-го по февраль 1942 года группа Рот-

---

[1] *Иванников И.* Тайная война немецких спецслужб на море // В мире спецслужб. 2005. 13 июля. № 6.

та находилась в Николаеве, а потом была распущена. По приказу адмирала Шустера сам Ротт с частью группы выехал в Софию (январь 1942 года), личный состав был передан в сухопутную контрразведку и НБО.

В 1941—1942 годах в команду вошло около 30 белоэмигрантов, участников болгарского отделения Русского Общевоинского Союза (РОВС)[1], завербованных «АСТ София», т. н. «русская группа», состоявшая в основном из белоэмигрантов, проживавших в Болгарии. Руководителем группы был Клавдий Фосс. Затем «русская группа» была включена в «Абвернебештелле» «Юг Украины». При команде Ротта также имелась «польская группа» (начальник — зондерфюрер Бронислав Врублевский).

На побережье Балтийского моря и Финского залива вела разведывательную работу абверкоманда-166М, сформированная в мае 1944 года в Таллине. Она забрасывала в советский тыл агентов — по национальности эстонцев и латышей, подготовленных в разведшколе в мест. Кейла-Юа.

Несмотря на то что Абвер являлся мощной спецслужбой Германии, разведывательная и контрразведывательная деятельность рейха им не исчерпывалась.

---

[1] *Русский Общевоинский Союз* (сокр. РОВС) — организация, включавшая в себя эмигрантские военные и военно-морские объединения и союзы Белой армии в 1924—1940 гг. Создана приказом П.Н. Врангеля 11 сентября 1924 г. в Сремских Карловцах (Сербия). Эта «форма бытия» позволяла выполнять главную задачу военного командования в эмиграции — сохранение имеющихся и воспитание новых кадров армии. В него включались все части, а также военные общества и союзы, которые приняли приказ к исполнению. Внутренняя структура отдельных воинских подразделений сохранялась в неприкосновенности. Сам же РОВС выступал в роли объединяющей и руководящей организации. По существу, РОВС стал законным преемником Белой армии. Первым председателем РОВС являлся Главнокомандующий, общее управление делами РОВС сосредотачивалось в штабе Врангеля. Председателями РОВС в разное время являлись *П.Н. Врангель* (1924—1928), *А.П. Кутепов* (1928—1930), *Е.К. Миллер* (1930—1937), *Ф.Ф. Абрамов* (1937—1938), *А.П. Архангельский* (1938—1957).

Серьезную конкуренцию военной разведке и контрразведке составляла «партийная» спецслужба — Главное управление имперской безопасности (РСХА).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА АБВЕРА

На советско-германском фронте действовали пять команд экономической разведки Абвера (Wirtschaft; сокр. Wi), проводивших сбор разведданных о состоянии различных отраслей народного хозяйства Советского Союза путем опроса специалистов, выявленных в лагерях военнопленных. Каждая команда насчитывала по 3—5 групп. Опросом занимались специальные сотрудники команд и групп, а также агенты из числа бывших советских специалистов. Добытые материалы обрабатывались на месте и затем направлялись в отделение экономической разведки (1 V) «Валли I».

В целях более глубокой обработки добытых материалов штабом «Валли» в конце 1943 года были созданы два особых лагеря: в имении Думмельгоф (Восточная Пруссия) и в городе Торн (Польша), на территории шталага 20 А. В эти лагеря из команд и групп экономической разведки направлялись для тщательного допроса пленные советские специалисты, давшие ценные показания о народном хозяйстве СССР. Там они привлекались к выполнению чертежно-конструкторских работ, а также к разработке различных технических проблем и новых образцов вооружения.

После полного использования знаний военнопленных-специалистов их направляли на работу в немецкую промышленность или передавали в разведывательные и диверсионные школы для обучения и последующей заброски в глубокий тыл Советского Союза с заданиями по сбору разведданных стратегического характера.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ АБВЕРА: ШТАБ «ВАЛЛИ»

Для руководства организацией разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работы против Советского Союза 1 мая 1941 года был создан специальный орган Управления «Абвер-заграница» на советско-германском фронте, условно именовавшийся штаб «Валли»[1]. Штаб «Валли» подчинялся соответствующим отделам Управления «Абвер-заграница» и отделу по изучению иностранных армий ОКВ Восточного фронта и докладывал этим органам о результатах разведывательной и подрывной деятельности против Советского Союза. Начальником штаба «Валли» являлся подполковник Гейнц Шмальшлегер.

В соответствии со структурой центрального аппарата Управления «Абвер-заграница» штаб «Валли» имел в своем составе следующие подразделения:

Отдел «Валли I» — руководство военной и экономической разведкой на советско-германском фронте. В подчинении «Валли I» находились разведывательные команды и группы, приданные штабам армейских группировок и армий для ведения разведывательной работы на соответствующих участках фронта, а также команды и группы экономической разведки, проводившие сбор разведданных в лагерях военнопленных.

Отдел «Валли II» — руководство абверкомандами и абвергруппами по проведению диверсионной и террористической работы в частях и в тылу Красной Армии. Им руководили майор Зелигер, обер-лейтенант Мюллер и капитан Беккер. С июля 1941 года отдел размещался в местечке Сулеювек[2], а затем был эвакуирован в Германию.

---

[1] До апреля 1941 г. — «разведорган 06100»; в 1944 г. «Валли» был передан в подчинение РСХА.

[2] Сулеювек — местечко, расположенное в 20 км от Варшавы, бывшая резиденция маршала Ю. Пилсудского.

Отдел «Валли III» — руководство всей контрразведывательной деятельностью подчиненных ему абверкоманд и абвергрупп по борьбе с советскими разведчиками, партизанским движением и антифашистским подпольем на оккупированной территории СССР в зоне фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных тылов.

Еще накануне агрессии Германии против Советского Союза, весной 1941 года, всем армейским группировкам немецкой армии было придано по одной разведывательной, диверсионной и контрразведывательной команде Абвера, а армиям — подчиненные этим командам абвергруппы (абвертруппс). Абверкоманды и абвергруппы с подчиненными им школами являлись основными органами немецкой военной разведки и контрразведки, действовавшими на советско-германском фронте. В начале 1942 года Абвером были сформированы также абверкоманды и абвергруппы экономической разведки, которые также придавались армейским группировкам и армиям.

Кроме абверкоманд, в непосредственном подчинении штаба «Валли» находились: Варшавская школа по подготовке разведчиков и радистов, переведенная затем в Восточную Пруссию в местечко Нойгоф; разведывательная школа в местечке Нидерзее (Восточная Пруссия) с филиалом в г. Арисе, организованная в 1943 года для подготовки разведчиков и радистов, оставляемых в тылу наступающих советских войск.

В своей практической деятельности команды, созданные по линии отдела «Валли I» (Абвер I) занимались сбором разведывательных данных о Красной Армии и оборонительных сооружениях на участках фронта армейских группировок и армий, которым они были приданы. За время войны на советско-германском фронте

действовали шесть разведывательных абверкоманд: 101, 102, 103, 104, 105 и 106.

В подчинении каждой абверкоманды находилось от 3 до 6 абвергрупп. Некоторые из них вели также борьбу с партизанами с помощью специально созданных для этих целей отрядов особого назначения (ЦБФ). Разведывательные данные команды и группы собирали через забрасываемую в советский тыл агентуру и путем опроса советских военнопленных.

Опрос военнопленных производили официальные сотрудники разведорганов и специально завербованные для этих целей агенты из числа военнопленных, которые одновременно использовались в качестве вербовщиков. Опросами добывались прежде всего сведения о личном составе и вооружении частей и соединений Красной Армии, а также представляющая интерес информация о предприятиях оборонной промышленности СССР, о состоянии тыла, коммуникаций, наличии резервных частей, о порядке оформления и изменениях в документах советских военнослужащих и гражданского населения.

Разведывательная агентура вербовалась из числа антисоветски настроенных военнопленных и местных жителей в оккупированных районах. При вербовке агентов среди военнопленных предпочтение отдавалось лицам, добровольно перешедшим на сторону немцев, подвергшихся в прошлом репрессиям со стороны Советской власти, имевшим родственников на оккупированной территории, а также пленным, давшим показания о частях Красной Армии. Завербованная агентура направлялась в школы и на курсы, действовавшие при командах и группах, и после соответствующей подготовки забрасывалась в тыл советских частей. Кроме того, команды и группы получали уже обученных агентов из

Варшавской, Брайтенфуртской[1] и других разведшкол штаба «Валли».

Часть агентуры никакой специальной подготовки не проходила, а в течение нескольких дней инструктировалась по существу полученного задания и после этого забрасывалась в тыл советских войск. Инструктаж обычно проводил начальник группы или специально выделенный для этой цели сотрудник. Перед выброской за линию фронта агентура Абвера экипировалась в форму советских военнослужащих или в гражданскую одежду, снабжалась продовольствием, оружием и документами прикрытия, изготовленными в разведоргане или изъятыми у пленных и собранными на поле боя.

Переброска агентов в тыл советских войск проводилась с самолетов на парашютах или пешим порядком через линию фронта. При отступлении частей вермахта агенты оседали в специально подготовленных для этих целей местах. На самолетах агентура перебрасывалась на расстояние 150—200 км за линию фронта группами в два—три человека, из которых один — радист. Для осуществления этих задач штабу «Валли» придавались самолеты из эскадры «КГ-200».

В зависимости от характера задания срок пребывания в советском тылу устанавливался от одной недели до

---

[1] *Брайтенфуртская разведывательная школа.* Подчинялась «АСТ-Вена». Создана в начале 1941 г. в мест. Брайтенфурт (в 20 км западнее Вены). Первое время контингент школы состоял из белоэмигрантов, завербованных Абвером в Балканских странах. С началом нападения на СССР на базе школы был создан проверочно-подготовительный лагерь, в который направлялись отобранные для вербовки советские военнопленные. В марте 1942 г. лагерь был реорганизован в самостоятельную разведшколу, подчиненную штабу «Валли». В школе имелось три группы подготовки. Первая — «Технише-Люфт» (техническая авиационная) — для ведения разведывательной работы по авиационным заводам и выявления технической оснащенности выпускаемых самолетов. Вторая — «Люфт» (авиационная) — готовила агентов для выявления ВВС РККА и их резервов. Третья — готовила разведчиков для сбора сведений в ближайших тылах советских войск. Разведчики для первых двух групп вербовались в Хаммельбургском и Лодзинском лагерях военнопленных. Срок обучения — около трех месяцев. Начальник школы — одполковник Роберт Аренберг (до июля 1944 г.).

нескольких месяцев. Связь с такой агентурой поддерживалась по радио или через агентов-связников. Для обратного перехода линии фронта лазутчики снабжались паролями, обозначавшими, как правило, наименование разведоргана или фамилию его начальника.

Засылка в ближайший тыл пешим порядком осуществлялась обычно ночью в местах, удобных для скрытого перехода: на стыках частей, в болотистой или лесистой местности. В целях зашифровки и прикрытия переброски агентов немецкая разведка часто прибегала к различным комбинациям, в частности инсценировала выход из окружения, побег из плена, возвращение после спецзадания советского командования.

Возвратившиеся после выполнения задания агенты содержались при группе или команде изолированно от других, подвергались тщательному допросу и проверялись через особо доверенную агентуру. Вызывающие подозрение агенты направлялись для допроса в органы тайной полевой полиции («Гехаймфельдполицай» — ГФП), а также в органы полиции безопасности и СД. В завершающий период войны, наряду с использованием агентов из числа советских военнопленных, немецкая военная разведка широко использовала агентуру из числа венгров, румын, чехов, поляков, главным образом членов различных профашистских организаций.

Диверсионно-разведывательные команды и группы отдела «Валли II» (Абвер II) занимались вербовкой, подготовкой и переброской агентуры с заданиями диверсионно-террористического, повстанческого, пропагандистского и разведывательного характера. На советско-германском фронте в годы войны действовали шесть диверсионных команд: 201, 202[1], 203, 204, 205, 205, 206. В подчинении каждой абверкоманды

[1] В подчинении «Абверкоманды-202» находилось пять диверсионных разведшкол, одна из которых — школа «Мольтке» (начальник — лейтенант *Зигфрид Мюллер*, 1916 г.р., уроженец Штутгарта, с высшим образованием, член НСДАП с 1935 г.), которая вплоть до апреля 1945 г. готовила кадры диверсантов исключительно из числа украинских националистов.

находилось от 2 до 6 абвергрупп. Эти команды и группы создавали из изменников Родины специальные истребительные подразделения (ягдкоманды), различные националистические формирования и казачьи сотни для захвата, сохранения от разрушения до подхода главных сил вермахта стратегически важных объектов в тылу советских войск. Эти же подразделения иногда использовались для войсковой разведки переднего края, захвата «языка», подрыва отдельных укрепленных точек. При проведении подобных операций личный состав ягдкоманд экипировался в форму военнослужащих Красной Армии. При отступлении агентуру абверкоманд, групп и их подразделений использовали как факельщиков и подрывников по уничтожению населенных пунктов, мостов и других инженерных сооружений.

Агентура разведывательно-диверсионных команд и групп забрасывалась в тыл Красной Армии с целью разложения военнослужащих и склонения к измене Родине. Для этой же цели распространялись антисоветские листовки, проводилась устная пропаганда на переднем крае обороны при помощи репродукторов. При отступлении немецких частей в населенных пунктах оставлялась антисоветская литература, а для ее распространения вербовались специальные агенты. Кроме того, команды и группы Абвер II по месту своей дислокации проводили активную борьбу с партизанским движением. Агенты экипировались и снабжались документами прикрытия в соответствии с легендой и получали задания на проведение подрывов поездов, железнодорожного полотна, мостов, уничтожение оборонительных сообщений, военных и продовольственных складов, стратегически важных объектов, совершение террористических актов над офицерами и генералами Красной Армии, партийными и советскими руководящими работниками. Диверсантам выдавались взрывчатые вещества и зажигательные средства в портативной упаковке, замаскированные в противогазных сумках, вещевых мешках, консервных банках, в виде пи-

щевых концентратов и т. п. На выполнение задания агентам отводилось три-пять, иногда и более дней, после чего они по паролю возвращались на немецкую сторону. Агенты с заданиями пропагандистского характера перебрасывались без указания конкретного срока возвращения. В последний период войны абверкоманды приступили к подготовке диверсионно-террористических групп для оставления в тылу Красной Армии. С этой целью заранее закладывались базы и хранилища с оружием, взрывчатыми веществами, продовольствием и одеждой, которыми должны были пользоваться эти группы.

Контрразведывательные команды и группы, созданные по линии «Валли III» (Абвер III), и действовавшие в тылу группировок вермахта, которым они были приданы, проводили активную агентурно-оперативную работу по выявлению советских разведчиков, партизан и подпольщиков, а также собирали и обрабатывали трофейные документы. На советско-германском фронте дислоцировалось пять контрразведывательных абверкоманд: 301, 302, 303, 304 и 305. В подчинении каждой абверкоманды находилось от 3 до 8 абвергрупп, которые придавались армиям, а также тыловым комендатурам и охранным дивизиям.

Контрразведывательные команды и группы перевербовывали задержанных советских военных разведчиков, через которых проводили дезинформационные радиоигры. Часть перевербованных агентов перебрасывалась в советский тыл для внедрения в органы НКВД-НКГБ и разведотделы Красной Армии для изучения методов работы этих органов, выявления подготовленных и заброшенных в тыл немецких войск советских разведчиков.

Одним из наиболее распространенных методов агентурной работы немецкой военной контрразведки была провокация. Так, агенты под видом советских разведчиков или лиц, переброшенных со спецзаданиями в тыл немецких войск командованием Красной Армии, поселялись у советских патриотов, входили к ним в доверие, давали задания, направленные против немцев,

организовывали группы для перехода на советскую сторону. Затем все патриоты подвергались аресту. С этой же целью из агентов и изменников Родины создавались псевдопартизанские отряды, в которые вовлекались патриотически настроенные советские люди, желавшие вести борьбу с оккупантами. Позже их арестовывали. Кроме того, псевдопартизанские отряды в целях дискредитации партизанского движения организовывали бандитские налеты, грабили, убивали мирное население, сжигали деревни и села. Контрразведывательные команды и группы проводили свою работу в тесном контакте с органами СД и ГФП. Они вели активную агентурную разработку подозрительных лиц и полученные данные передавали в СД и ГФП для реализации.

В 1944 году при реорганизации военной разведки отделы «Валли I», «Валли II» и «Валли III» вместе со своими подчиненными органами вошли в состав «Военного управления» («Милиамт») и VI Управления РСХА, получив новые наименования: Руководящий фронтовой разведывательный орган на Востоке («Ляйтштелле фюр фронтауфклерунг 1 ОСТ, 2 ОСТ и 3 ОСТ; Leitstelle für Frontaufklärung I Ost); подчиненные им абверкоманды и абвергруппы стали называться «Фронтауфклерунгскомандо» и «Фронтауфклерунгсгрупп», сохранив прежнюю нумерацию, задачи, формы и методы работы.

«ЗОНДЕРШТАБ Р»

Контрразведывательный орган «Зондерштаб Р»[1] — законспирированная организация, созданная при аб-

---

[1] *«Особый штаб Р»* (*нем.* Sonderstab R) первая буква «R» — сокращение от слова «Russland» — «Россия». О «Зондерштабе Р» см. также: Из ориентировки НКГБ УССР № 1897/С областным УНКГБ о структуре и деятельности «Зондерштаба Р». 25 сентября 1944 г. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том пятый. Кн. 2. Границы СССР восстановлены. 1 июля—31 декабря 1944 года. — М., 2007. С. 357—361.

веровском подразделении «Валли» в марте 1942 года, под руководством Б.А. Смысловского (псведоним — фон Регенау). «Зондерштаб Р» находился в непосредственном подчинении начальника «Валли I». «Штаб» дислоцировался в Варшаве (Польша) под вывеской «Восточная строительная фирма Гильзен». Главные резидентуры штаба базировались в Пскове, Минске, Киеве и Симферополе.

Как отмечает историк С.И. Дробязко, из всех специальных служб Германии именно Абвер проявил наибольший интерес к привлечению русских и украинских эмигрантов в борьбе против Советского Союза: «В июне 1941 г., как уже отмечалось выше, германское командование санкционировало создание в составе группы армий «Север» русского учебного батальона для сбора дополнительной информации о противнике (Lehrbataillon fur Feind-Abwehr und Nachrichtendienst). Это было первое русское антисоветское формирование, образованное в составе вермахта. Его организатором стал эмигрант, бывший офицер Императорской гвардии Б.А. Смысловсий — он же зондерфюрер «К» Абвера под псевдонимом «фон Регенау». ...В конце 1942 г. Смысловский был произведен в чин подполковника и назначен начальником так называемого «Зондерштаба Р» (Особый штаб «Россия») — секретной организации для наблюдения за партизанским движением. Организационно эта структура была подчинена абверовскому штабу «Валли» и действовала в Варшаве под вывеской «Восточная строительная фирма Гильгена». В Пскове, Минске, Киеве и Симферополе были организованы главные резидентуры «Зондерштаба Р», которые поддерживали связь с местными резидентурами. Общая численность сотрудников «Зондерштаба» составляла более 1000 человек. ...Лучшие кадры были сведены в состав т. н. «1001-го гренадерского разведывательного полка». «Зондерштабу Р» были подчинены также

12 спецшкол (учебно-разведывательных батальонов), с 1943 г. номинально составлявших Особую дивизию «Р», назначением которой была борьба с партизанами и разведывательно-диверсионные рейды в советский тыл. Общая численность дивизии оценивалась в 10 тыс. человек. Кроме того, «Зондерштаб» поддерживал связь с антисоветски настроенными вооруженными группами в тылу Красной Армии, а также с отрядами Украинской повстанческой армии (УПА)[1]

---

[1] Украинская повстанческая армия (сокр. — УПА) — военная структура Организации украинских националистов (сокр. — ОУН). В 1940 г. в Кракове был сформирован двухтысячный отряд «сечевых стрельцов»; в Варшаве — «украинский легион» под командованием петлюровского полковника Белодуба, в г. Люкенвальде — батальон «украинских сечевиков» под руководством петлюровца Барабаша. После нападения фашистской Германии на СССР в июне 1941 г. и политики, проводимой немцами на оккупированной территории УССР, украинским националистам стало ясно, что их надежды на создание независимого государства рухнули, они сделали ставку на создание собственных вооруженных сил. В ряде случаев члены ОУН-УПА стали преследоваться гитлеровцами, причем на оккупированных территориях Украины германским командованием было запрещено привлекать их в полицию. Краковским центром ОУН в приграничной полосе были заложены опорные пункты, которые занимались непосредственной переброской оуновских эмиссаров через границу. Вся эта работа проводилась под непосредственным руководством немецко-фашистских органов (особенно «Абвером») и с их санкции. В Кракове был создан разведцентр, непосредственно использовавший оуновцев в шпионской работе против СССР. Наряду с ведением подрывной работы германское командование готовило военные кадры украинских националистов для использования их в предстоящей войне против СССР. С этой целью на территории Германии, «генерал-губернаторства» и оккупированной немцами Чехословакии были созданы школы офицеров, подофицеров, летчиков, танкистов и шоферов. С конца 1942 г. на Волыни, а затем и в других западных областях Украины отряды УПА стали создавать и бандеровцы. Во главе УПА стояли Главное командование УПА и штаб, состоявший из отделов: оперативный, политический, боевой подготовки, связи, санитарный и хозяйственный. При главном командовании была создана собственная служба безопасности — «Служба безпеки» (СБ), которая руководила репрессиями населения на оккупированных областях УССР. Наиболее активно УПА действовала на территориях Ровенской, Волынской, Тарнопольской, Житомирской, Винницкой, Каменец-Подольской и других областей УССР и особенно по Волыни и Подолии.

и польской Армии Крайовой[1] (АК). Из-за этих сомнительных связей и подозрений в двурушной деятельности Смысловский в декабре 1943 года попал под следствие и домашний арест, а «Зондерштаб» и Особая дивизия «Р» были расформированы. Однако после шестимесячного расследования все обвинения были сняты и Смысловскому предложили возглавить организацию партизанской войны в советском тылу и информационную службу Восточного фронта...»[2].

Первоначально в задачи «штаба» входило наблюдение за партизанским движением, борьба с партизанами и советскими разведчиками-парашютистами, ведение антисоветской пропаганды среди населения оккупированной территории Советского Союза. Агенты «Зондерштаба» действовали под видом служащих хозяйственных, дорожных, заготовительных учреждений оккупационных властей, разъезжих торговцев и т. п. и находился в непосредственном подчинении начальника. «Зондерштаб» дислоцировался в Варшаве и занимался агентурной разведкой и разложением партизанских отрядов, выявлением лиц, связанных с партизанами, подпольных антифашистских групп и организаций.

С октября 1943 года на «Зондерштаб Р» было возложено проведение агентурной разведки в тылах советских войск. Всю практическую деятельность штаб проводил через межобластные резидентуры, которые

---

[1] *Армия Крайова* (*сокр.* — АК, Национальная армия) — военная организация, подчинявшаяся польскому эмигрантскому правительству. Создана на основе СВБ в феврале 1942 г. В военно-административном плане компетенция АК распространялась на три обшара (территории) — белостокский, львовский и западный (в 1944 г. был создан четвертый обшар — варшавский). Обшары делились на округа, в целом совпадавшие с территорией воеводств. Округа, в свою очередь, включали обводы (территории поветов), а обводы состояли из пляцувок (отделений, постов).

[2] *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941—1945 гг. — М., 2005. С. 131—132.

назывались разведывательно-резидентскими областями. Вся оккупированная советская территория делилась до июня 1943 года на пять, а позднее на четыре таких области. Связь руководства разведывательно-резидентской области с резидентурами проходила через курьеров, которые два раза в месяц доставляли отчетные материалы.

Агентурная сеть резидентур состояла из штатных агентов, находившихся на полном ее содержании, разъездных агентов-разведчиков и информаторов по населенным пунктам. Руководящий состав штаба, его межобластных и областных резидентур состоял, как правило, из белоэмигрантов — членов РОВСа и НТСНП[1], бывших петлюровских офицеров — проверенных агентов немецкой разведки, а также из изменников Родины, зарекомендовавших себя на предательской работе.

---

[1] *Народно-Трудовой Союз Нового Поколения* (НТСНП) — антисоветская организация, тесно сотрудничавшая в 1938—1943 гг. с германскими спецслужбами. Возник в 1930 г., первоначально под названием Национального Союза Русской Молодежи (НСРМ; 1930—1931), объединив самостоятельно возникшие в 1920-е годы группы русской молодежи в Югославии, Болгарии, Франции, Чехословакии. В 1931 г. его название было изменено на Национальный Союз Нового Поколения (НС НП; 1932—1936), а в 1936 г. — на Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (НТС НП; 1936—1943). В ноябре 1942 г. было упразднено дополнение о «новом поколении», с этого момента Союз получил сокращенное название НТС — Национально-Трудовой Союз (1943—1957), а летом 1945 г. — Национально-Трудовой Союз (российских солидаристов). С 1957 г. Союз именуется Народно-Трудовым Союзом (российских солидаристов). В 1950-е гг. в НТС произошел ряд расколов, вследствие чего образовался ряд новых организаций: в 1950 г. отколовшаяся группа членов Французского отдела НТС образовала Демократический Союз Российских Солидаристов; в Нью-Йорке в 1954 г. возникла Инициативная группа по созданию организации свободных солидаристов; в 1956 г. большая группа членов Союза, включая председателя Исполнительного Бюро Совета НТС В.М. Байдалакова, на 4-м съезде НТС приняла название Российского Национально-Трудового Союза, который, в свою очередь, распался в 1966 г. с образованием частью его членов Российского Демократического Союза за веру и свободу. В 1992—1994 гг. из Франкфурта-на-Майне в Москву были переведены управительные органы НТС, редакции журналов, создан филиал издательства.

Областные и районные резидентуры создавались главным образом в местах наибольшей активности партизанских отрядов и действовали под прикрытием различных, хозяйственных организаций — дорожных и строительных отделов, заготовительных контор и т. п.

Через сеть информаторов и разведчиков из числа местных жителей резидентура вела работу по выявлению дислокации партизанских отрядов, их руководящего состава, численности, партийной прослойки, наличия работников НКВД–НКГБ, средств связи с центром, района действия, баз снабжения. С целью разложения и склонения партизан к переходу на сторону немцев резидентура «штаба» внедряла своих агентов в партизанские отряды. «Зондерштаб Р» действовал до конца 1943 года.

СЕКРЕТНЫЙ АВИАОТРЯД ГЕРМАНСКИХ СПЕЦСЛУЖБ

Использование авиации в интересах военной разведки началось в начале прошлого века, особенно в годы Первой мировой войны. Уже в 1920-х годах рейхсвер создал специальную авиаэскадрилью для выполнения разведывательных миссий — так называемую «эскадрилью Ровеля». Об истории «эскадрильи Ровеля» современные российские историки пишут: «В конце 1920-х гг. «гражданским служащим» Абвера становится пилот Т. Ровель, в распоряжение которого поступает самолет «Ю-34» с потолком полета в 12 500 метров. Ровель начинает заниматься аэрофотосъемкой польской приграничной полосы с больших высот. Постепенно качество снимков улучшается, и в середине 1930-х гг. Ровель, вернувшийся в армию, получает под свое командование (аэродром Штаакен в Берлине) эскадрилью из пяти самолетов и группу опытных пилотов и бортмехаников. В целях секретности эскадрилья получает кодовое название

«Группа Ob. d. 1», а неофициально зовется «эскадрилья Ровеля»[1].

Перед Второй мировой войной для заброски разведчиков-диверсантов, в том числе и в глубокий тыл противника, в распоряжении специальных служб Германии находился авиационный отряд особого назначения, которым командовал майор Гартенфельд. На вооружении авиаполка особого назначения имелось от четырех до шести самолетов для заброски агентуры в советский тыл. Этот специальный авиаотряд впоследствии имел наименование «КГ-200» (Kampfgeschwader) — 200-й бомбардировочный полк (эскадра), особо секретное, специальное соединение Люфтваффе, предназначенное для обеспечения разведывательно-диверсионных заданий.

Свою историю эскадра ведет с довоенных времен, когда в составе Люфтваффе была создана специальная часть, занимающаяся аэрофотосъемкой европейских государств, носившая кодовое наименование «Испытательная авиачасть при Главном командовании авиации». KG-200 был образован 20 февраля 1944 года. Штаб эскадры во время войны располагался на аэродроме Ораниенбург близ Берлина. На вооружении этого соединения имелась специальная авиационная техника, главным образом самолеты «ФВ-200» («Кондор») и «Ю-86» с высотными моторами.

Наряду с немецким и итальянским вооружением полка находились и трофейные самолеты, в том числе американский бомбардировщик B-17 «Флаинг фортрес», B-24 «Либерейтор» и т.д. Во время войны на вооружение поступили машины новых типов, в частности тяжелый бомбардировщик «Юнкерс-290» (Ju 290). Самолет нового типа имел четыре 24-цилиндровых мотора Д-Б-

---

[1] *Линдер И.Б., Абин Н.Н., Чуркин С.А.* Диверсанты. Легенда Лубянки — Павел Судоплатов. — М., 2008. С. 221—222.

801. Вооружение: две 20-мм пушки и два 16-мм пушки. Грузоподъемность — 15 нетто-тонн, вес самолета — 45 т, бензиновый запас — 19 т, размах крыльев — 45 м, длина — 30 м. Самолет был способен осуществлять дальние переброски до 100 чел. десантников.

«БРАНДЕНБУРЖЦЫ» — ДИВЕРСАНТЫ АБВЕРА

История применения воинских подразделений для выполнения специальных задач в тылу противника известна с древнейших времен: «Действия отрядов типа «коммандос», или особых отрядов, столь же стары, как и сама история Земли. В анналах египетских фараонов еще до династии Рамзесов записано, например, что во время покорения Сирии главному военачальнику фараона Тутмозиса III командиру Туту удалось, используя свои связи, зашить в мешки с мукой и погрузить на корабль 200 тяжеловооруженных воинов. Он сумел выгрузить их в уже осажденной египтянами Яффе. Оказавшись в городе, эти 200 воинов вылезли из своих мешков, перебили всю охрану города и обеспечили себе в качестве опорного пункта крупный порт»[1]. Или взять всем известный эпизод Троянской войны, с использованием легендарного деревянного коня при захвате малоазийской Трои. Чем не пример успешных действий древнегреческого «спецназа»!

Первые попытки использования частей особого назначения германской разведкой относятся к 1938 году в период подготовки к оккупации Судетской области. Идее создать небольшие, хорошо обученные подразделения разведчиков-диверсантов, которые в случае нужды могли бы забрасываться в тыл противника, при-

[1] http://spynet.worldweapon.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=243&Itemid=42

надлежит одному из офицеров Абвера Теодору фон Хиппелю. К такому выводу он пришел, исходя из своего опыта службы в германском экспедиционном корпусе генерала Леттова-Форбека в Африке в 1914—1918 годах. По его замыслу боевая группа умелых и решительных «сорвиголов» должна была в гражданской одежде или в военной форме неприятеля «просачиваться» через линию фронта и, действуя впереди своих наступающих войск, захватывать стратегически важные объекты (мосты, туннели, электростанции), проводить диверсионные акции, устраивать панику среди населения и т.д.

Историки так рисуют появление на свет германского спецназа: «В 1938 году в недрах Абвера родился план «Эббингауз». Военная контразведка предполагала сформировать специальные подразделения для действий за линией фронта противника. Диверсантов обучали методам ведения партизанской войны, владению всеми видами холодного и огнестрельного оружия, приемам защиты и нападения. Жесткие требования: неброская внешность, интеллект выше среднего, способность к языкам, абсолютная физическая готовность, развитая память, умение адаптироваться к быстро меняющимся условиям — все это позволило создать Абверу одно из самых боеспособных подразделений Второй мировой войны.

За сутки или двое до начала основной операции в тыл противника забрасывалась боевая «четверка»: командир группы, связист, снайпер и «узкий» специалист (в зависимости от поставленной боевой задачи: инженер, сапер, аквалангист и т. п.). Акты саботажа или диверсий, минирование или разминирование стратегических объектов, захват и удержание мостов или переправ, распространение панических слухов и сбор разведывательной информации — вот чем занимались бойцы спецподразделения «Эббингауз». ...изощренная жестокость, попрание всех писаных и неписаных норм международного

права были отличительнымм признаками всех «бранденбуржцев». «Ни от кого пощады не ждать, никому пощады не давать» — эти слова были девизом головорезов Абвер 2[1].

В 1939 году, в ходе германо-польской кампании, германской военной разведкой в Словакии из уцелевших в боях бойцов «Эббингауз» в курортном местечке Слияч (Словакия) была сформирована рота специального назначения[2], действовавшая в то время против Польши, в задачу которой входило предотвращение уничтожения железнодорожных путей, переправ, мостов, заводов и других сооружений отступавшими польскими войсками. Позднее подразделение было передислоцировано в город Бранденбург у реки Хафель, поэтому военнослужащих этого подразделения стали называть «бранденбуржцами».

В 1939—1940 годах, по мере роста численности десантных рот, на их основе был сформирован «Батальон специального назначения 800»[3]. Успех его действий на территории Голландии, Бельгии, Люксембурга и Северной Франции способствовал принятию решения о создании на его базе в октябре 1940 года отдельного полка — «Полк специального назначения «Бранденбург»[4].

Полк состоял из пяти батальонов четырехротного состава, штабной роты, роты связи, команды специаль-

---

[1] *Лавров Н.* «Бранденбург-800» // Скорцени О. Секретные задания. С. 347—348.

[2] Первое подразделение особого назначения было сформировано 15 октября 1939 г. как 800-я строительно-учебная рота особого назначения (Bau-Lehr Kompanie zur besonderer Verwendung 800), которая предназначалась для проведения подрывных операций в тылу противника.

[3] 15 декабря на базе 800-й строительно-учебной роты особого назначения развернут 800-й учебный строительный батальон особого назначения в составе четырех стрелковых и штабной рот.

[4] 12 октября 1940 г. на базе 800-го учебного строительного батальона особого назначения сформирован 800-й строительный учебный полк особого назначения (Bau-Lehr Regiment z.b.V 800 «Brandenburg»), вначале трех-, затем пятибатальонного состава.

ного назначения и отдельной, так называемой «вассер компани» («водяная рота»). В батальонах, ротах и взводах имелись специальные подразделения агентуры, «доверенных лиц», парашютистов, диверсантов и лыжников. «Бранденбург-800» находится в распоряжении Абвер II германской военной разведки. Штаб полка дислоцировался в г. Берлин, там же находились штабная рота, рота связи и команда специального назначения. Штаб 1-го батальона и его 1-я рота дислоцировались в г. Фрайберг, штаб 3-го батальона — в г. Дьюрен, штаб 4-го батальона — в г. Гамбург, штаб 5-го особого батальона и его 3-я рота — в г. Бранденбург, 6-я рота 2-го батальона — во Франции, 15-я рота 4-го батальона — в Африке.

Военнослужащие полка «Бранденбург-800» принимали участие в операциях немецких войск против Югославии и Греции. Некоторые его подразделения находились также в Румынии (охрана нефтяных месторождений в Плоешти) и Болгарии. При действиях подразделений полка в Болгарии и Румынии группы диверсантов проникали в эти страны под видом спортсменов и в гражданской одежде.

Первоначально подразделения «Бранденбург-800» комплектовались главным образом из немцев, владевших иностранными языками или проживавших ранее в оккупированных Германией странах. Обязательным условием приема была преданность нацистскому режиму, а также хорошее физическое развитие, смелость, умение быстро ориентироваться в обстановке. После нападения Германии на СССР личный состав дивизии стал пополняться лицами, враждебно настроенными по отношению к советскому строю, бывшими уголовниками.

Все военнослужащие «Бранденбург-800» были агентами Абвера и обучались диверсионно-разведывательному делу. Каждый из них имел по две солдатские книжки: одну на вымышленную фамилию, для использо-

вания во фронтовой обстановке, а другую, с подлинной фамилией, для немецкого командования.

Во время Второй мировой войны подразделениями, частями и соединениями особого назначения командовали: капитан *Теодор фон Хиппель* (ноябрь 1939—1942), полковник *Пауль Хаелинг фон Ланценауэр* (октябрь 1942 — апрель 1943), генерал-майор *Александр фон Пфульштейн* (апрель 1943 — апрель 1944), генерал-лейтенант *Фриц Кюльвейн* (апрель—октябрь 1944), генерал-майор *Герман Шульте Хойтхаус* (октябрь 1944—май 1945).

С началом войны против Советского Союза основные подразделения полка «Бранденбург-800» были переброшены на советско-германский фронт. 2, 3, 4, 5, 7, 8, 10, 11, 14-я роты 1, 2, 3, 4-го батальонов, а также штаб 2-го батальона находились на Северном Кавказе. 12-я рота 3-го батальона — на Калининском фронте. 2-я рота 5-го особого батальона — на Ленинградском фронте. 16-я рота 4-го батальона и 1-я рота 5-го особого батальона действовали против Карельского фронта. «Вассер компани» имела в своем распоряжении 20 быстроходных катеров и вела операции на Черном море.

В период наступления немецких войск в задачи полка входило: ведение войсковой и агентурной разведки, захват мостов, переправ, заводов и других важных объектов и удержание их до подхода немецких войск, организация банд и восстаний в тылу Красной Армии, создание паники в наших частях. В период отступления германской армии подразделения полка разрушали коммуникации и военные объекты, организовывали грабежи мирного населения в прифронтовой полосе и вели борьбу с партизанами.

Для выполнения заданий командования на Восточном фронте отряды полка «Бранденбург-800» переодевались в форму военнослужащих Красной Армии, вооружались советским оружием, снабжались фиктивными

документами и действовали под видом подразделений частей Красной Армии. В ряде случаев отряды полка «Бранденбург-800» проникали в расположение советских войск под видом раненых красноармейцев, идущих с переднего края обороны в тыл, а также переодевались в одежду гражданского образца.

Например, в период наступления немецких войск на Северном Кавказе группой диверсантов в количестве 30 человек из полка «Бранденбург-800», проникшей на нашу сторону в форме военнослужащих Красной Армии, был взорван мост в районе г. Минеральные Воды, в целях воспрепятствования организованному отходу частей Красной Армии. Другая группа диверсантов захватила мост в районе г. Пятигорск и удерживала его до подхода немецких танковых частей. Третья группа полка «Бранденбург-800», переодетая в форму военнослужащих Красной Армии, снабженная фиктивными документами и русским оружием, проникла в г. Майкоп, где на мосту создала пробку, нарушив тем самым отход наших войск.

При наступлении немецких частей на г. Орджоникидзе перед 2-м батальоном полка «Бранденбург-800» была поставлена задача — захватить в районе Ардон железнодорожный и деревянный мосты через р. Терек. С этой целью одна из групп под руководством обер-лейтенанта германской армии Штаделя, одетая в красноармейскую форму, проникла на нашу сторону и, подойдя к охране моста, заявила, что они «отставшие от части красноармейцы» и должны перейти мост. Во время переговоров часть группы должна была проникнуть на мост и обрезать провода минирования, а затем перейти мост и закрепиться на противоположном берегу. Вторая группа должна была проследовать за первой и тоже закрепиться на противоположном берегу. Остальные подразделения батальона следовали за первыми двумя группами. Однако операция, проводимая батальоном, была сорва-

на, так как две первые группы хотя и проникли на мост, но закрепиться не успели и были полностью уничтожены частями Красной Армии. Подобные действия подразделения полка «Бранденбург-800» осуществляли при захвате мостов через р. Западная Двина.

О специальном подразделении «Бранденбург-800» и проводившихся им спецоперациях в годы Второй мировой войны на Западном и Восточном фронтах подробно рассказали на допросах советским контрразведчикам бывшие руководители и сотрудники германских спецслужб.

Бывший начальник разведки Абвера генерал-лейтенант Г. Пиккенброк на допросе в Москве 17 марта 1949 года рассказал об известных ему операциях спецподразделения «Бранденбург-800»:

«[...] *Вопрос*: Вам известны конкретные факты деятельности подразделения «Бранденбург-800»?

Ответ: Да, некоторые известны.

Вопрос: Покажите о них.

Ответ: Как я уже показал, подразделение «Бранденбург-800» было создано в 1938 году для выполнения особых заданий по линии Абвер II. Штаб этого подразделения находился в Берлине, а само подразделение отдельными группами придавалось армейским частям на тех участках фронта или в тех районах, где намечалось проведение того или иного диверсионного мероприятия. Задание на проведение диверсионных актов с помощью «Бранденбург-800» руководства отдела Абвер II получало непосредственно из Генштаба ОКХ через Канариса или непосредственно из ОКХ. В соответствии с полученным заданием руководитель Абвер II согласовывал в ОКХ, в какую воинскую часть должна быть направлена группа из «Бранденбург-800» и величину этой группы, после чего давал соответствующие указания о подготовке и проведении мероприятия командиру «Бранденбург-800».

Из таких мероприятий, проведенных «Бранденбург-800», мне известны следующие:

Во время войны с Францией, когда немецкие войска подошли к каналу Альберта, ОКХ поставило перед Абвером задачу сохранить в целости мосты через канал, не допустив их уничтожения бельгийцами. Эта задача была поручена роте «Бранденбург-800», которая, перебравшись на ту сторону канала и создав панику в тылу отступавших бельгийских войск, должна была занять мосты через канал и удерживать их до подхода немецких войск. Точно такое же мероприятие было проведено в отношении моста через реку Маас близ города Маастрихт (Голландия), в результате которого мост должен был в полной сохранности попасть в руки немцев, что, в свою очередь, ускорило бы захват немцами Бельгии и Голландии.

Во время войны с Польшей было необходимо предотвратить разрушение поляками больших промышленных предприятий в гор. Катовице. Это мероприятие также было выполнено частями «Бранденбург-800», которые, проникнув в район Катовицы еще до подхода к городу немецких войск, заняли эти предприятия и удерживали их до занятия города немцами.

При наступлении немецких войск на Грецию войскам авангарда были приданы небольшие группы «Бранденбург-800», которые по указанию командования наступающих немецких войск захватили отдельные укрепленные пункты на греческой оборонительной линии, так называемой «линии Метаксаса».

В начале войны с СССР при «Бранденбург-800» был сформирован специальный Арабский легион[1] из арабов,

---

[1] *«Арабский легион»* предложил сформировать и включить его в состав германских вооруженных сил для совместной борьбы с Англией великий муфтий Иерусалимский аль-Хусейни на встрече 28 ноября 1941 г. с Гитлером в Берлине. Гитлер положительно отнесся к этому предложению, и в январе 1942 г. по приказу представителя ОКВ полковника Э. Лахаузена-Вивермонта, майор Г. Мейер-Рикс приступил к формированию легиона. По результатам встречи генерала Г. Фельми с

взятых в плен во время войны с Францией. По замыслу немецкого командования этот легион при подходе немецких войск к Кавказу должен был быть переброшен на Кавказ, а оттуда — в район Суэцкого канала для облегчения Роммелю занятия этого канала. Арабский легион после его сформирования был переброшен в Грецию, где в районе Кап-Сунион ожидал отправки на Кавказ. После разгрома немецких войск под Сталинградом, когда надежда на быстрый захват Кавказа исчезла, легион был придан как обычная воинская часть Роммелю, где и находился до изгнания немецких войск из Африки.

Мне известно также, что перед Абвер II была поставлена задача сохранить в целости нефтяные промыслы в Майкопе и Баку при занятии этих районов немецкими войсками. Для этой цели «Бранденбург-800» выделил несколько групп, общим количеством до полка, которые были приданы соответствующим армейским группировкам, ведшим наступление в этом направлении. Основная часть личного состава этих групп состояла из жителей Кавказа, взятых в плен немецкими войсками на советско-германском фронте и изъявивших согласие служить в немецкой армии.

Это все мероприятия, проводимые подразделением «Бранденбург-800», о которых мне известно [...]».

Гауптман (капитан) Герман Киршнер, один из опытных диверсантов Абвера, как видно из его послужного списка, имел богатый опыт диверсионно-подрывной деятельности.

аль-Хусейни и бывшим премьер-министром Ирака Али аль-Гайлани 4 января 1942 г. стороны пришли к соглашению, что арабские лидеры поставляют людские ресурсы для легиона, а все остальные задачи брал на себя «Особый штаб Ф». Формируемый «Арабский легион» задумывался в первую очередь как «школа младших командиров», которая должна была первоначально подготовить из арабов 100 унтер-офицеров и младших лейтенантов. Последние, в свою очередь, должны были взять на себя подготовку следующей группы из 500—1000 человек. В дальнейшем большая часть младших командиров должна была стать инструкторами формируемых арабских дивизий.

Из протокола допроса Г. Киршнера от 17 мая 1949 года: «*Вопрос*: [...] При каких обстоятельствах вы поступили на службу в соединение «Бранденбург-800»?

Ответ: В декабре 1939 года я получил письмо от моего знакомого, сотрудника Абвер 2 Главного штаба Вооруженных сил Германии (ОКВ) Гофен Йозефа, который предлагал мне вступить в одно войсковое соединение, занимающееся специальными заданиями. В ответном письме я написал Гофману, что по этому вопросу нам необходимо с ним встретиться лично. 1 января 1940 года при встрече с Гофен он пояснил мне, что батальон, в который он предлагает мне вступить, является одной из частей Абвер 2 и что это соединение по распоряжению Главного штаба вооруженных сил Германии выполняет особые задания в тылу противника. О поступлении на службу в батальон «Бранденбург-800» я изъявил добровольное согласие и 20 января 1940 года был направлен в распоряжение данного батальона. По прибытии в батальон я, 23 января 1940 года командиру батальона капитану Хиппелю дал подписку о неразглашении своей службы в соединении «Бранденбург-800», которое условно именовалось «Строительно-учебным батальоном». Проходя службу в данном батальоне в течение февраля—марта 1940 года, я дважды направлялся на разведывательно-диверсионные курсы при «Бранденбург-800» в поместье Квенц, близ г. Бранденбург, где каждый раз обучался по 15 дней. На этих курсах я получил подготовку как диверсант, а также обучился методам разведывательной и контрразведывательной работы в разрезе работы Абвер 2.

...*Вопрос*: Расскажите подробно о школе Абвера в поместье Квенц.

Ответ: Школа Абвера батальона «Бранденбург-800» была расположена в поместье Квенц, в двух километрах от гор. Бранденбург на берегу озера Плауэрзее и

помещалась в поместье одного крупного помещика. В 1940 году данная школа готовила разведчиков-диверсантов из лиц немецкой национальности, проходивших службу в батальоне «Бранденбург-800». С лета 1940 года в поместье Квенц подготовлялись агенты-диверсанты из числа украинских националистов, ранее проживавших в Львовской области. В период войны Германии против СССР школа готовила агентуру Абвера из числа иностранцев, в том числе и русских. Забрасывалась ли агентура после окончания школы в тыл противника, я не знаю».

При подготовке вторжения на территории Голландии, Бельгии и Люксембурга Управлению Абвер-заграница было поручено подготовить мероприятия, которые позволили сохранить важнейшие мосты через реку Маас у Маастрихта (два шоссейных и один железнодорожный) и у Геннепа (шоссейный и железнодорожный). Только при этом условии немецкие войска могли быстро достигнуть укрепленной линии Пеель в Голландии, а в дальнейшем деблокировать свои парашютные десанты, сброшенные у Роттердама. Но тут возникли трудности с приобретением образцов бельгийской форменной одежды, и бдительность бельгийских властей в этом вопросе чуть не поставила под угрозу всю эту затею. Поэтому операция с захватом мостов у Маастрихта потерпела провал. Все три моста через Маас голландцы успели уничтожить.

Зато акция близ Геннепа удалась. Силой одного разведдозора из 1-й роты батальона «Бранденбург-800» мост через Маас был захвачен еще до часа «Икс», и, пока ошеломленные голландцы приходили в себя, по мосту уже двигались немецкие танки. Хитрость же заключалась в том, что в составе дозора было несколько «военнопленных немцев», которых дозор «конвоировал» в штаб, а у каждого «пленного» под одеждой были автоматы и гранаты. Что же касается «конвоиров», то они были представлены агентами Абвера, работавшими в Голлан-

дии. На них была форма голландских пограничников. Таким образом, именно здесь, у Геннепа, было впервые достигнуто тактическое взаимодействие солдат и агентов спецслужбы. Иными словами, здесь были связаны воедино чисто военная операция и тайная акция секретной службы.

Об этом рассказал на Лубянке непосредственный участник той операции, командир взвода «Вест-Цуг» гауптман Г. Киршнер: «*Вопрос*: Чем вы занимались после окончания курсов разведчиков-диверсантов в п. Квенце?

Ответ: По окончании курсов в поместье Квенцем мне командиром батальона капитаном Хиппеле было поручено формирование ударного взвода «Вест-Цуг» из числа солдат немецкой армии, знающих голландский язык, для операции в Голландии. В течение февраля—марта 1940 года я занимался формированием данного взвода и его обучением разведывательно-диверсионному делу. В конце марта 1940 года я был вызван в ОКВ Германии в гор. Берлин к полковнику Штольце, который ознакомил меня с планом «Унтернемен Танте», задачей которого был захват мостов на канале Юлианны на голландско-бельгийской границе, и приказал мне совместно с личным составом взвода «Вест-Цуг» его осуществить. В начале апреля 1940 года я со взводом «Вест-Цуг» выехал в гор. Эркеленц в 40 километрах от голландско-немецкой границы. По прибытии в гор. Эрленекц я связался с нач[ником] отдела «1-Ц» 6-й армии майором Пальцо и нач[альником] отдела «1-А» 7-й дивизии — подполковником Райхельдт, от которых получил фотографии местности, где должна проходить операция, агентурные сведения об охране мостов и их состоянии и ознакомился с оперативным планом данной операции.

Для перепроверки материалов отдел «1-Ц» и «1-А» я совместно с лейтенантом Клайнами три раза переходил голландско-немецкую границу для уточнения сведения

данных отделов и изучения местности, где я со своим взводом должен был провести операцию «Унтернемен Танте». В ночь на 10 мая 1940 года я со взводом «Вест-Цуг» в форме солдат голландской армии и голландской жандармерии нелегально перешел границу и утром 10 мая 1940 года захватил четыре моста на голландско-бельгийской границе и обеспечил фашистско-немецких войскам на проход территории Бельгии. В данной операции со стороны голландского гарнизона, охранявшего эти стратегические объекты, были убитые и раненые, а также около 180 солдат и офицеров было взято в плен. За успешное проведение данной операции я командиром 7-й дивизии генералом Фрайгер фон Габленц[1] был награжден Железным крестом 2-го класса и адмиралом Канарисом — Железным крестом 1-го класса.

В 1941—1942 годах «бранденбуржцы» активно использовались на Восточном фронте. Один из документов, свидетельствовавших о подрывной работе Абвера II на территории СССР, был предоставлен Международному Военному Трибуналу — секретное распоряжение о подготовке восстания в Грузии от 20 июня 1941 года: «Для выполнения полученных от 1-го оперативного отдела военно-полевого штаба указаний о том, чтобы для использования нефтяных районов обеспечить разложение в Советской России, рабочему штабу «Румыния» поручается создать организацию «Тамара», на которую возлагаются следующие задачи: 1. Подготовить силами грузин организацию восстания на территории Грузии. 2. Руководство организацией возложить на оберлейтенанта доктора Крамера (отдел 2 контрразведки). Заместителем назначается фельдфебель доктор Хауфе (контрразведка II). 3. Организация разделяется на две группы: а) «Тамара I» — она состоит из 16 грузин, подготовленных для саботажа (С) и объединных в ячей-

[1] Речь идет о генерал-лейтенанте *Эккарде Фрейхерре фон Габленце* (von Gablenz; 1891—1978).

ки (К). Ею руководит унтер-офицер Герман (учебный полк «Бранденбург». ЦБФ 800, 5-я рота); б) «Тамара II» представляет собой оперативную группу, состоящую из 80 грузин, объединенных в ячейки. Руководителем данной группы назначается обер-лейтенант доктор Крамер. 4. Обе оперативные группы «Тамара I» и «Тамара II» предоставлены в распоряжение 1Ц ОК (главного командования армии). 5. В качестве сборного пункта оперативной группы «Тамара I» избраны окрестности г. Яссы, сборный пункт оперативной группы «Тамара II» — треугольник Браилов—Каларса—Бухарест. 6. Вооружение организаций «Тамара» проводится отделом контрразведки II. Лахузен»[1].

Все тот же гауптман Г. Киршнер рассказал советским контрразведчикам о спецоперациях диверсантов Абвер II, в которых он сам и его «коллеги» участвовали при агрессии против Советского Союза. На одном из допросов гауптман Киршнер рассказал о своем участии в нападении Германии на СССР 22 июня 1941 года. Перед вторжением в Советский Союза, с февраля по май 1941 года, 4-я рота 1-го батальона проводила боевую подготовку в городах Дюрен (Германия) и Баден (Австрия). После завершения обучения рота скрытно выдвинулась к советско-польской границе в районе Перемышля. На допросе 1 июля 1949 года Киршнер сообщил следствию об участии немецких диверсантов в боевых действиях на советско-германском фронте:

«*Вопрос*: Расскажите, какие боевые операции вы проводили на территории Советского Союза с 21 июня 1941 года?

Ответ: В ночь с 21 на 22 июня 1941 года в 10 километрах от гор. Перемышль в районе польской дерев-

---

[1] Секретное распоряжение начальника отдела иностранной контрразведки Эрвина Лахузена от 20 июня 1941 г. об организации восстания в Грузии // Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сборник материалов в 7 т. Т. II. — М., 1958. С. 647—648.

ни Валава мне — Киршнеру — командиром батальона «Бранденбург-800» майором Хайнцем было предложено совместно с 228-м пехотным полком 101-й дивизии[1] форсировать реку Сан, закрепиться и подготовляться к дальнейшему наступлению. По выполнении данной операции я совместно с ротой в течение 5—6 дней находился в данном районе и принимал участие в небольших боевых операциях с частями советской армии... Примерно 30 июня 1941 года я с ротой был переброшен в район гор. Львова, где от майора Хайнца получил задание в период наступления немецкой армии на гор. Львов захватить в городе электростанцию, казармы и склад боеприпасов. 1 июля 1941 года я совместно с войсками немецкой армии вступил в гор. Львов и захватил указанные объекты, которые в течение одной недели 4 ротой охранял... 1 августа 1941 года 2-я и 4-я роты были направлены в гор. Бранденбург и до июля 1942 года занимались общевойсковой подготовкой [...].

Вопрос: Куда вы были направлены в июле 1942 года?

Ответ: В начале августа 1942 года я с ротой через гор. Ясиновитая прибыл в гор. Ровенки Ворошиловградской области. В гор. Ровенки командиром полка «Бранденбург-800» Гелин фон Ланценауэром, согласно личному приказу Гитлера, мне была поручена разработка плана по захвату моста через реку Кубань в районе ст[ани]цы Варениковской.

Вопрос: Расскажите подробно о данном плане.

---

[1] Речь идет о 101-й легкой пехотной (егерской) дивизии вермахта. Сформирована в декабре 1940 г. (V Военный округ; Германия). Состав: 228-й и 229-й егерские полки, 85-й артиллерийский полк, 101-й саперный батальон, 101-я противотанковая часть, 101-я разведывательная часть, 101-я часть связи. В апреле 1941 г. принимала участие в войне против Югославии, с июня 1941 г. — на Восточном фронте. *Командир*: генерал-лейтенант *Эмиль Фогель* (Vogel). См. также: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. — М., 2002. С. 762.

Ответ: Верховным командованием немецкой армии в августе 1942 года намечалось наступление в районе ст[ани]цы Варениковской с форсированием реки Кубань. Для этой боевой операции было необходимо захватить мост через Кубань и при наступлении советской армии не допустить его разрушения. Мной был разработан план по захвату данного моста, который заключался в следующем: 1-й взвод под командованием лейтенанта Херл в форме красноармейцев выбрасывался выбрасывался с самолетов в тыл советской армии в районе ста[ни]цы Варениковской, которому ставилась задача произвести в разведку в районе моста и при наличии достаточных сил его захватить, тем самым внести дезорганизацию в тылу советской армии в период наступления немцев. Одновременно после выполнения 1-м взводом поставленной задачи я с остальным составом 4-й роты должен был выброситься в район моста, закрепиться и обеспечить фашистским войскам в период их наступления свободный проход через мост, а также не допустить отступления через него советских войск и обеспечить их разгром немцами на южном берегу Кубани и окружение с северного берега.

Вопрос: Ваш план был осуществлен?

Ответ: Разработанная мною операция по захвату моста в тылу советской армии на реке Кубань была утверждена полковником Гелин фон Ланценауэром и нач[альником] отдела «1-А» полка «Бранденбург-800» капитаном Вульберс, но в связи с тем, что летчики не могли ночью точно выбросить десант в намеченный район, операция осуществлена не была.

Вопрос: Какие еще вами были разработаны операции в тылу советской армии?

Ответ: В сентябре 1942, года с предполагаемым наступлением немецкой армии на Кавказе, мной была разработана операция по захвату в тылу советской армии т. н. «Крестового переулка» на участке Военно-Гру-

зинской дороги в районе Чертова моста, которая заключалась в следующем.

Перед наступлением немецкой армии на гор. Дзауджикау 4-я рота должна была быть выброшена десантом в тыл советской армии в район «Крестового переулка», в одно из самых стратегических мест Военно-Грузинской дороги, где уничтожить стоящий там гарнизон советской армии и захватить Чертов мост. После захвата данного участка дороги, советской армии были [бы] отрезаны пути отступления на гор. Тбилиси и ее снабжение. Выполнение 4-й ротой данной операции обеспечивало немецкой армии быстрый разгром советских войск на Военно-Грузинской дороге и беспрепятственное продвижение на гор. Тбилиси. В связи с тем что наступление было отменено, данная операция проведена не была».

Подразделения «бранденбуржцев» наиболее активно использовались на Северном Кавказе (Чечне, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии), где проводилась подрывная и диверсионно-террористическая работа в тылу Красной Армии с целью организации национального повстанческого движения к моменту приближения частей вермахта.

Во время следствия гауптман Киршнер рассказал подробности одной операции, которую попытался осуществить Абвер II в 1942 году на Северном Кавказе:

«...*Вопрос*: О чем вы хотите рассказать следствию?

Ответ: В настоящее время я вспомнил, что обучавшийся со мной на курсах в поместье Квенц Ланге Георгард в 1942 году по поручению Абвера-2 ОКВ Германии разработал операцию «Шамиль» на Северном Кавказе и затем ее осуществлял.

Вопрос: Расскажите подробно, что это за операция?

Ответ: Операция «Шамиль» была рассчитана на поднятие повстанческого движения на Кавказе в тылу советской армии и тем самым [должна была] облегчить продвижение частей немецкой армии в глубь советской

территории. Для этой операции Ланге был сформирован специальный отряд из немцев, а также и военнопленных советской армии — изменников Родины в количестве 36 человек и осенью 1942 года переброшен на территорию Грозненской области. Личный состав состоял из лиц, обучавшихся в дивизии «Бранденбург-800». Операция «Шамиль» осуществлена Ланге на территории Грозненской области не была, в связи с тем что ряд лиц из данной группы добровольно перешли на сторону советской армии и большое количество участников группы было убито. Через три месяца Ланге вернулся в расположение частей немецкой армии, и с ним вернулось восемь человек немцев. О данной операции Ланге делал доклад офицерскому составу дивизии «Бранденбург-800» в офицерском клубе в гор. Бранденбург весной 1943 года».

В ноябре 1942 года для спецопераций создается дивизия «Бранденбург», вошедшая в состав стратегического резерва Верховного главнокомандования вермахта. Штаб дивизии размещался в Берлине. По заданиям Абвера и немецкого военного командования подразделения дивизии «Бранденбург-800» осуществляли диверсионно-террористические акты и вели разведывательную работу в тылу советских войск и других, воевавших с Германией, стран. Они захватывали стратегические объекты и удерживали их до подхода главных сил вермахта, организовывали банды, проводили войсковую разведку на передовой с целью захвата «языка» и подрыва оборонительных сооружений, а также совершали террористические акты. Во время отступления немецкой армии части дивизии разрушали коммуникации и военные объекты, сжигали населенные пункты, угоняли мирное население. Отдельные полки участвовали в борьбе с партизанским движением на территории СССР, Югославии, Греции и Франции.

Историк отечественных спецслужб Ю.А. Неподаев приводит, со ссылкой на работу немецкого историка Х. Бухгайта, выдержки из любопытного документа. «Еще до того как «Бранденбург» стал дивизией, Гитлер 17 октября 1942 года издал приказ «О диверсионных операциях», которым все «бранденбуржцы» обязывались во время этих операций уничтожать любого человека, заподозренного в связях с противником. «Даже в том случае, — говорилось в этом секретном приказе, — если эти субъекты будут просить о сдаче в плен, им не следует давать пощады». И далее: «Когда необходимо произвести допрос задержанных, разрешается отобрать одного-двух из них, но немедленно расстрелять их после окончания допроса»[1].

В Советском Союзе же исповедывалась диаметрально противоположная доктрина. Даже по отношению к военнопленным принимались иные, более гуманные меры. Об этом, например, свидетельствуют государственные акты, принятые уже после германского вторжения в Россию: «Утвержденное Советом Народных Комиссаров СССР 1 июля 1941 года положение о военнопленных № 1798-800 категорически запрещало оскорблять захваченных в плен и жестоко обращаться с ними, применять какие-либо меры принуждения, угрозы с целью получения от них сведений военного или иного характера, отбирать обмундирование, обувь, предметы повседневного пользования, а также личные документы и знаки отличия»[2]. В который раз воплотились в жизнь провидческие слова князя Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет...»

При знакомстве с биографическими сведениями на солдат и офицеров спецподразделения Абвер II — «Бранденбург-800» видно, что особый акцент при его

---

[1] Цит. по: *Неподаев Ю.А.* С. 70—71.

[2] *Пронин А.В.* Трагедия плена: гуманизм против бесконечности // Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 95.

укомплектовании делался на интеллектуальный уровень будущих диверсантов. В целом среди «бранденбуржцев» первых наборов не было редкостью встретить командиров, имевших докторскую степень, а среди солдат и унтер-офицеров — студентов престижных немецких университетов. Так, например, первый командир роты специального назначения — фон Хиппель — имел степень «доктора филологических наук».

При выполнении задания в тылу советских войск диверсанты переодевались в форму военнослужащих Красной Армии, вооружались советским оружием, снабжались документами прикрытия. Группы диверсантов действовали под видом подразделений Красной Армии. В ряде случаев агенты проникали в советский тыл под видом раненых бойцов Красной Армии, идущих от переднего края, а также в гражданской одежде.

Весной 1943 года в Бранденбурге Управлением «Абвер-заграница» на базе 805-го полка дивизии «Бранденбург-800» было создано новое воинские подразделение — учебный полк «Курфюрст» («Князь»), который стал одной из центральных диверсионно-разведывательных школ Абвер II. В нем проходили обучение официальные сотрудники Абвера и агенты, намеченные для переброски на территорию воевавших с Германией стран.

Личный состав для полка «Курфюрст» отбирали сотрудники Абвера в немецких воинских частях. Как правило, в полк брали военнослужащих рядового и унтер-офицерского состава, причем только немцев. Кандидаты должны были владеть одним из иностранных языков — русским, английским, французским и др. Некоторые из них сами проживали ранее в России, Франции, США и других странах. По окончании учебы агенты, владевшие русским языком, направлялись в абверкоманду-203 для получения задания и последующей переброски в тыл Красной Армии.

Как оказалось, гауптман Киршнер проходил диверсионно-разведывательную подготовку на базе полка «Курфюрст». На допросе 4 июля 1949 года он сообщил интересные подробности о создании и боевом предназначении этого подразделения дивизии «Бранденбург»: «*Вопрос*: Куда вы были направлены после выздоровления в январе 1943 года?

Ответ: С января по апрель 1943 года я служил командиром 14-й роты 4-го полка «Бранденбург-800» в дер. Кранн близ гор. Бранденбург и по май 1943 года — в гор. Штендал и весь этот период занимался доукомплектованием и обучением личного состава. С мая по июль 1943 года командованием дивизии был командирован в различные города для вербовки из числа немцев-добровольцев в дивизию «Бранденбург-800». Всего за этот период времени мной было завербовано 150 человек. В августе 1943 года я из дивизии «Бранденбург-800» был переведен на работу в Абвер 2 и нач[альником] отдела «2-А» майором Абсхагеном направлен в абвершколу при полку «Курфюрст» в гор. Бранденбург. До конца августа 1943 года я был в школе, обучался разведывательной, контрразведывательной и диверсионной деятельности в тылу противника в группе «Юг-Восток».

Вопрос: Расскажите о структуре полка «Курфюрст».

Ответ: Полк «Курфюрст» был сформирован в конце 1942 года при дивизии «Бранденбург» и непосредственно был ей подчинен; с начала 1943 года стал подчиняться лишь «Абверу-2» и имел следующие два подразделения: 1. Школу «Абвера», которая занималась подготовкой официальных сотрудников «Абвер-2». 2. Батальон доверенных лиц, условно именуемый «Ф-Абтейлунг», который подготовлял кандидатов в офицеры. По окончании курсов при данном батальоне курсанты направлялись в нормальные военные школы, затем использовались на работе в «Абвер-2».

Вопрос: Куда вы были направлены по окончании школы «Абвер-2»?

Ответ: По окончании школы я в конце сентября 1943 года был направлен нач[альником] абверотделения в гор. Естов на албано-югославской границе с заданием организовать борьбу с партизанским движением на территории Албании. По прибытии в гор. Естов я устанавливаю связь с албанскими националистическими бандами в Албании, снабжаю их оружием, продовольствием и их силами борюсь с партизанским движением, а также подбираю кандидатуры на вербовку из албанцев. В конце октября 1943 года я был ранен и до сентября 1944 года находился на излечении в Германии».

Кроме полка «Курфюрст» в составе «Бранденбурга» находился и специальный батальон «Бергман» («Горец»), который начал формироваться отделом Абвер II в начале ноября 1941 года в Нойгамере (Германия). Батальон комплектовался советскими военнопленными, выходцами с Северного Кавказа и Закавказья, а также добровольцами из немцев, служивших в горнострелковых дивизиях вермахта, и предназначался для ведения подрывной работы на Кавказе.

Личный состав батальона насчитывал 1500 человек и подразделялся на пять рот. Непосредственно при штабе батальона находился взвод подрывников и группы специального назначения. В августе 1942 года батальон прибыл в Пятигорск и был включен в состав 44-го армейского корпуса. В сентябре 1942 года были дополнительно созданы два кавалерийских эскадрона.

Подразделения батальона «Бергман» перебрасывались в тыл советских войск для разрушения коммуникаций, создания паники, захвата «языков», распространения листовок. Командиры всех рот проводили также вербовку агентов из числа антисоветски настроенных местных жителей оккупированных районов Северного Кавказа. Позже батальон «Бергман» был переименован

в полк «Альпинист», передислоцирован сначала в Крым, а затем в Болгарию, Грецию, Албанию и Югославию, где его личный состав участвовал в охране коммуникаций и боевых действиях против партизан.

О деятельности «Бергмана» рассказал на допросе командир 1-й роты Ш. Окропидзе. Из стенограммы протокола допроса Ш. Окропидзе от 11 августа 1948 года: «Сразу же после прибытия батальона «Бергман» в район Моздока (в августе 1942 г. — *Прим. авт.*) я в качестве командира роты принимал участие в боях против советских войск, а потом, после того как в результате боев батальон имел потери в личном составе, я по поручению Оберлендера занимался пополнение личного состава батальона «Бергман» из числа военнопленных кавказцев в Георгиевском, Прохладненском и Пятигорском лагерях. В этих лагерях мне удалось завербовать 400 добровольцев, а общая численность батальона была доведена до 4 тысяч человек, и он был преобразован в полк «Бергман». Кроме того, по указанию штаба армейской группы фон Клейста, которому непосредственно был подчинен полк «Бергман», я был прикомандирован к штабу 52-го корпуса, который производил топографическую съемку Военно-Грузинской дороги».

Следует добавить, что собственное подразделение «боевых пловцов», кроме «Бранденбурга», имелось и в германском военно-морском флоте. Речь идет о т. н. соединении «К» (*нем.* «Klienkampfverband», досл. — «Соединение малого боя») — диверсионно-штурмовом соединении германского ВМФ, состоявшем из отрядов человекоуправляемых торпед, взрывающихся катеров, боевых пловцов-одиночек и подлодок-малюток.

Впервые во Второй мировой войне итальянские боевые пловцы из 10-й флотилии МАС (*ит.* La «Decima Flottiglia MAS») под командованием князя В. Боргезе 18 декабря 1941 г. совершили успешное нападение на британские линкоры «Куин Элизабет» и «Вэлиэнт», на-

ходившиеся в Александрийском порту. По данным иностранных источников, всего в боевых действиях в годы Второй мировой войны участвовало 238 диверсантов военно-морских сил (ВМС) Италии. Они потопили или серьезно повредили шесть боевых кораблей общим водоизмещением 80 335 т и 22 торговых судна общим водоизмещением 122 427 т. Это составляет, соответственно, 38 и 15% от общего тоннажа кораблей и судов противника, потопленных итальянскими ВМС. Британские «коммандос» 22 сентября 1943 года повредили магнитными минами германский линкор «Тирпиц».

В Германии морские штурмовые отряды (*нем.* «Marine Einsatz Kommando», MEK), или соединение «К» (*нем.* Kleinkampfverband — «Соединение малого боя»), были созданы в марте 1944 года, их первое боевое применение состоялось в ночь с 20 на 21 апреля 1944 года на итальянском побережье в районе Анцио. Летом 1944 года человекоторпедами удалось уничтожить британский крейсер и несколько других судов в бухте Сены. Из-за слишком больших потерь и технических недоработок такие торпеды больше не применялись[1].

VI УПРАВЛЕНИЕ — ЩИТ И МЕЧ РСХА

Для полноты нашего рассказа имеет смысл упомянуть еще об одной структуре германских спецслужб — Главном управлении имперской безопасности (РСХА). По сути, РСХА являлось главным координатором всей карательной политики в Германии и на оккупированных территориях. Образовано в 1939 году в результате слия-

---

[1] Подробнее о немецких морских диверсантах см.: *Беккер К.* Люди отряда «К». Диверсионный корпус немецких ВМФ во Второй мировой войне. — М., 2004; *Беккер К.* Немецкие морские диверсанты во Второй мировой войне // *Беккер К., Боргезе В.* Подводные легионы фюрера и дуче. — М., 2005.

ния Главного управления полиции безопасности и Главного управления службы безопасности (Управление СД). На первом этапе включало в себя шесть управлений (27 сентября — 1 октября 1939 года): RSHA AMT I (административные и юридические вопросы); RSHA AMT II (политический анализ содержания публикаций, использующихся в психологической войне); RSHA AMT III (контроль за внутренней жизнью и НСДАП); RSHA AMT IV (тайная государственная полиция); RSHA AMT V (криминальная полиция); RSHA AMT VI (внешняя разведка).

РСХА находилось в двойном подчинении — рейхсфюрера СС и шефа полиции (Министерство внутренних дел); оба эти поста занимал Г. Гиммлер. Окончательно сформировалось к сентябрю 1940 года. Управления внутри РСХА распределились следующим образом: Amt I (кадровые и правовые вопросы, учеба и организация); Amt II (организационные вопросы и право); Amt III (служба безопасности; СД); Amt IV (гестапо); Amt V (КРИПО); Amt VI (внешняя разведка); Amt VII (вопросы исследования мировоззрения). В 1944 году в состав РСХА было включено Amt VIII — управление, которое занималось вопросами связи.

Внутри самого РСХА Служба безопасности составляла два управления: Amt III — Служба безопасности / Германия (Sicherheitsdienst / Deutschland) и Amt VI — Служба безопасности / Заграница (Sicherheitsdienst / Ausland). III Управление вело политическую разведку внутри страны и осуществляло тотальный контроль за «состоянием умов». VI Управление отвечало за политическую разведку на территории зарубежных государств (в 1944 году это управление фактически поглотило большую часть военной разведки — Абвера)[1].

Несколько подробнее остановимся на VI Управлении (Amt VI) — «ведомстве Шелленберга», так как именно

---

[1] Об РСХА см. также: *Залесский К.* СС. Охранные отряды НСДАП. — М., 2004. С. 170—173; 490—492.

оно планировало и осуществляло подрывные операции на советско-германском фронте.

Основным противником советской контрразведки в годы Второй мировой войны наряду с Абвером (военной разведкой) было VI Управление РСХА (внешняя разведка; *нем.* Amt VI SD Ausland). В этой связи целесообразно рассказать о структуре этого подразделения. На 1 марта 1941 года оно включало в себя шесть отделов, каждый из которых в свою очередь состоял из 6—11 рефератов.

Управление в своем составе имело следующие отделы VI A (общая организация разведывательной службы); VI B (разработка и использование средств связи, служба перехвата); VI C (разведка в советско-японской зоне влияния, а также на Ближнем и Дальнем Востоке); VI D (разведка в зоне влияния США); VI E (борьба с идеологическим противником за рубежом); VI F (технические средства разведки); VI Kult (разведка и культура); VI G (использование научной информации) и VI S (материальный, моральный и политический саботаж).

На 1943 год структура VI Управления РСХА имела следующий вид:

Отдел VI A — организационно-информационный (*нем.* Allegemeine nachrichtendienstliche Aufgaben) — 7 рефератов; начальники: оберштурмбаннфюрер СС д-р Альфред Фиберт (до 1943 г.); Герман Мюллер (1943 г.); Мартин Зандбергер (с декабря 1943 г. до мая 1945 г.).

VI B —Западная Европа (*нем.* Westeuropa) — 10 рефератов; начальник оберштурмбаннфюрер СС Ойген Штеймле (с февраля 1943 г. до мая 1945 г.).

VI C — Восток, русско-японская зона влияния (*нем.* Osten, russisch-japanisches Einflussgebiet) — 11 рефератов; начальники: оберштурмбаннфюрер СС д-р Хайнц Грэфе (1942 г.), оберштурмбаннфюрер СС Альберт Рапп (1943), штурмбаннфюрер СС д-р Эрик Хенгельхаупт (1944 г.).

VI D — англо-американская зона влияния, Запад (Westen, englisch-amerikanisches Einflussgebiet) — 9 рефератов; начальник — д-р Паеффген.

VI E — Центральная Европа, включая Юго-Восток (или исследование мировоззрения противника за границей; *нем.* Erkundung weltanschaulicher Gengner im Ausland) — 6 рефератов; начальники: д-р Гаммер (до 1943 г.), штурмбаннфюрер СС Вилли Ванек.

VI F — техническая поддержка (*нем.* Technische Hilfsmittel) — 7 рефератов; начальники: Альфред Нуайокс (до января 1941 г.), затем Бернхард Крюгер и оберштурмбаннфюрер СС Вальтер Рауф.

В 1943 году добавились еще три отдела — VI G, VI S и VI Wi (*нем.* Wirtschaft).

VI G — отдел научно-методических исследований (*нем.* Wissenschaftlich-methodischer Forschundsdienst); начальник — Г. Шмидт.

VI S — саботаж и диверсии (*нем.* Sabotage); начальник — штурмбаннфюрер СС Отто Скорцени.

VI Wi — экономика (*нем.* Wirtschaft).

Любопытный источник по истории германских спецслужб, в частности о VI Управлении РСХА (Amt VI), представляют мемуары самого Вальтера Шелленберга. Его воспоминания представляют изощренную смесь недомолвок, недоговорок, а иногда и целенаправленной дезинформации по тем или иным вопросам, но тем не менее содержат много ценной информации о разведке и контрразведке Третьего рейха.

Шелленберг подробно рассказал основные задачи разведдеятельности, которую проводило его управление против СССР, в том числе и о планах диверсий в советском тылу: «Меня просили уделить особое внимание разведке в ближайшем тылу противника, однако никто не учитывал, с какими трудностями это было сопряжено. Наш штат был недостаточным как в количественном, так и в качественном отношении, а поступавшие сверху

непродуманные и противоречивые приказы усложняли процесс непрерывного совершенствования разведывательной работы. С другой стороны, следовало обращать внимание, что нам придется столкнуться с детально разработанными и беспощадными ответными контрразведывательными мероприятиями русской тайной полиции.

Руководство нашей деятельности против России было возложено на три отдела. В обязанности первого отдела входили сбор и сопоставление информации, добытой агентами, постоянно проживавшими за рубежом. Мы стремились получать от них максимум сведений как из секретных, так и несекретных источников. К несекретным источникам относились пресса, официальная статистика, книги и прочие публикации. Эта информация в основном требовалась для принятия решений в области перспективного планирования, и для ее изучения должны были привлекаться лица, обладавшие высокоразвитым интеллектом. Эти сотрудники принадлежали к разным национальностям, и, следовательно, подбор их следовало производить независимо от расовой принадлежности, вероисповедания и так далее. Для развертывания этой работы во всех столицах стран Европы были созданы разведывательные центры, в качестве образца для которых была принята организация нашего главного управления в Берлине. ...Второй отдел управления ведал операцией «Цеппелин»[1]. Основной задачей этой операции была массовая выброска групп русских военнопленных на парашютах в глубокий тыл Советского Союза. Они находились на одинаковом положении с немецкими солдатами и носили форму вермахта, получали прекрасное питание и были хорошо расквартированы. Для них организовывались демонстрации пропагандистских фильмов и поездки по Германии. Пока они готовились, те, кто нес ответственность за их подготовку, имели воз-

[1] Вероятно, Шелленберг имел в виду деятельность подразделения VI C (Восточного) отдела — VI C/Z — «Цеппелин».

можность при содействии осведомителей выявить их истинное лицо: хотели ли они только воспользоваться предоставленными преимуществами или же на деле стали противниками сталинской системы террора, а может быть, раздираемые внутренними противоречиями, все еще продолжали колебаться между нацизмом и сталинизмом?»[1]

Именно этот отдел VI Ц (*нем.* VI С), или «Восточный отдел», и был основным противником советских спецслужб. Первоначально отдел включал в себя 13 рефератов, затем увеличился еще на один, а с конца 1944 года «ужался» до четырех: VI Ц 1 (Советский Союз); VI Ц 2 (страны-лимитрофы); VI Ц 3 (Дальний Восток) и VI Ц/Z (с 1942 года — «Предприятие «Цеппелин»).

О структуре «Восточного отдела» — VI Ц на допросе 31 мая 1949 года подробные показания дал германский разведчик, бывший военнослужащий дивизии «Бранденбург», знаток восточных языков, Отто Грюнинг: «[...] *Вопрос*: Вы были чиновником Министерства иностранных дел или вольнонаемным служащим?

Ответ: В Министерстве иностранных дел я не состоял в штате чиновников, а являлся вольнонаемным служащим, но имел академическое звание, равное чину майора в армии. Министерство иностранных дел было заинтересовано сохранить свои кадры, которые после войны поступали автоматически в его распоряжение, поэтому оно и выплачивало мне жалованье [...].

Вопрос: Расскажите о структуре отдела VI-Ц к моменту вашего прихода на работу в РСХА.

Ответ: К моменту моего прихода в отдел VI-Ц в состав этого отдела входило 13 рефератов, я знаю работу рефератов VI-Ц-12 и VI-Ц-13 и, кроме того, вновь организованного реферата VI-Ц-14, в котором я сам работал. Реферат VI-Ц-12 занимался Ираном, Афганистаном и

---

[1] *Шелленберг В.* Указ. соч. С. 256—257.

Турцией; начальником был штурмбаннфюрер [СС] Шубак Курт. В начале 1944 года организовался реферат VI-Ц-14 под руководством хауптштурмфюрера [СС] Гамота. В этот реферат от реферата VI-Ц-12 отошли Иран и Афганистан и осталась только Турция. Реферат VI-Ц-13 занимался арабскими странами, в том числе и Египтом и, кроме того, Японией и Китаем. Начальником этого реферата был штурмбаннфюрер [СС] Вайраух.

Вопрос: Какие рефераты вели работу против Советского Союза?

Ответ: О рефератах, проводивших подрывную работу против Советского Союза, мне ничего не известно, так как они размещались не на Беркаерштрассе, а в Берлин-Ванзее, по улице Ам Грасен Зее.

Вопрос: Когда произошла реорганизация отдела VI-Ц?

Ответ: Реорганизация отдела VI-Ц произошла в июне—июле 1944 года. После этой реорганизации в отделе VI-Ц вместо 14 рефератов стало 4 реферата.

Вопрос: Расскажите, что вам известно о деятельности вновь созданных рефератов?

Ответ: Рефераты VI-Ц-1 и VI-Ц-2 находились в районе Берлин-Ванзее. Мне известно, что начальником реферата VI-Ц-1 был штурмбаннфюрер [СС] Хенгельхаупт Рудольф[1] и начальником реферата VI-Ц-2 — хауптштурмфюрер Люмм. Лично я не был знаком с Хенгельхауптом и Люмм [...].

Вопрос: Чем занимался реферат VI-Ц-3 после реорганизации?

Ответ: После реорганизации реферат VI-Ц-3 проводил разведывательную работу в Турции, Иране, Афганистане и арабских странах. Начальником этого реферата был назначен штурмбаннфюрер [СС] Шубак Курт.

---

[1] Так в тексте, речь идет об *Эрихе Хенгельхаупте*.

Вопрос: В каких странах проводил разведывательную работу реферат VI-Ц-4?

Ответ: Реферат VI-Ц-4 проводил разведывательную работу против Японии и Китая. Начальником этого реферата был назначен штурмбаннфюрер [СС] Вайрух».

Итак, непосредственно разведывательно-диверсионной деятельностью на советско-германском фронте занимался отдел VI С и его реферат VI С/Z, или «Унтернемен «Цеппелин».

«ПРЕДПРИЯТИЕ «ЦЕППЕЛИН» (МАРТ 1942 года — МАЙ 1945 года)

В марте 1942 года РСХА для подрывной деятельности по политическому разложению советского тыла был создан специальный разведывательно-диверсионный орган под условным наименованием «Унтернемен «Цеппелин» («Предприятие «Цеппелин»)[1].

В своей работе против СССР «Цеппелин» действовал в тесном контакте с Абвером и командованием вермахта, а также имперским министерством по делам оккупированных областей. Он был подчинен VI Управлению РСХА (внешняя разведка) и на правах особого реферата — VI Ц/Z — входил в группу (отдел) VI С, проводившую политическую разведку против Советского Союза и стран Ближнего Востока.

Первым начальником отдела VI С был штурмбаннфюрер СС Вальтер Курек, затем отделом командовали штурмбаннфюрер СС Рудольф Оебсгер-Редер, оберштурмбаннфюрер СС Хайнц Грэфе и оберштурмбаннфюрер СС фон Чирски. В 1944—1945 годах отдел VI С возглавил оберштурмбаннфюрер СС доктор Альберт

---

[1] *Ямпольский В.П., Богодист В.Ф.* Организация и деятельность «Цеппелина» // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. — Т. 4. М.: Кучково поле, 2008. С. 327—356.

Рапп, сменивший на этом посту перешедшего в IV Управление (гестапо) фон Чирски.

«Цеппелин» состоял из руководящего штаба, находившегося до весны 1943 года в Берлине в здании VI управления РСХА (район Грюневальд, Беркаерштрассе, д. 32/35), затем — в районе Берлин-Ванзее, Постдамерштрассе, д. 29, а также специальных воинских формирований, особых команд и учебных лагерей, действовавших на советско-германском фронте. За весь период войны «Цеппелином» последовательно командовали: оберштурмбаннфюрер СС доктор Хайц Грефе и штурмбаннфюрер СС доктор Эрих Хенгельхаупт.

Руководящий штаб «Цеппелина» состоял из аппарата начальника органа и трех отделов: отдел Z 1 — комплектование и оперативное руководство низовыми органами, снабжение агентуры техникой и снаряжением; отдел Z 2 — обучение агентуры; отдел Z 3 — обработка всех материалов о деятельности особых лагерей, фронтовых команд и агентуры, переброшенной в тыловые районы СССР.

В своей повседневной деятельности новый разведывательно-диверсионный орган руководствовался т. н. «Планом действий для политического разложения Советского Союза». Эту задачу предполагалось осуществить путем заброски специально обученной агентуры в глубокие тыловые районы Советского Союза, имеющие важное оборонное значение, а также в национальные области и республики для сбора разведывательных данных о политическом положении в СССР, проведения националистической антисоветской пропаганды, организации повстанческого движения и осуществления террористических актов над партийными и советскими лидерами.

Руководители германского рейха надеялись на то, что «Цеппелин» сможет подорвать крепость советского тыла и этим окажет реальную помощь командованию немецкой армии в борьбе против Красной Армии.

Весной 1942 года «Цеппелин» направил четыре особых команды (зондеркоманды) на советско-германский фронт, которые были приданы оперативным группам полиции безопасности и СД при основных армейских группировках вермахта.

Зондеркоманды «Цеппелина» занимались отбором военнопленных для подготовки агентуры в учебных лагерях, собирали сведения о политическом и военно-экономическом положении СССР путем опроса военнопленных, проводили сбор обмундирования для экипировки агентуры, различных воинских документов и других материалов, пригодных для использования в разведывательной работе. Все документы и предметы экипировки направлялись в руководящий штаб, а отобранные военнопленные — в особые лагеря «Цеппелина». Команды перебрасывали также подготовленную агентуру через линию фронта, как пешим путем, так и с самолетов на парашютах. Примерно через год, в 1943-м, зондеркоманды были расформированы, а вместо них на советско-германском фронте созданы две главные команды — «Русланд Митте» (позднее переименована в «Русланд Норд») и «Русланд Зюд» (или «Штаб доктора Редера»). Чтобы не распылять силы по всему фронту, эти команды сосредоточили свои действия только на важнейших направлениях: северном и южном. Каждая из главных команд «Цеппелина» с входившими в нее службами была мощным разведывательным органом и насчитывала несколько сотен сотрудников и агентов.

Начальник команды подчинялся только руководящему штабу «Цеппелина» в Берлине, а в практической работе имел полную оперативную самостоятельность, организуя на месте подбор, обучение и переброску агентуры. Свои действия он координировал с другими разведорганами и военным командованием.

После перехода советских войск в развернутое наступление по всему фронту «Цеппелин» усилил работу по

организации диверсионных актов на военных объектах и сбору разведывательных данных, начал подготавливать и забрасывать через линию фронта диверсионно-террористические группы.

Немцы хотели также организовать сепаратистское движение в национальных республиках, направленное на отторжение их от СССР, и создать вместо них марионеточные государства под протекторатом Германии. С этой целью в 1941—1942 годах РСХА совместно с имперским министерством по делам оккупированных восточных областей был создан в Берлине ряд т. н. «национальных комитетов» (Грузинский, Азербайджанский, Армянский, Туркестанский, Северо-Кавказский, Волго-Татарский и Калмыцкий), перед которыми ставилась задача привлечения национальной эмиграции для активной борьбы против Советского Союза. В конце 1942 года в Берлине отделом пропаганды штаба Главного командования вермахта совместно с разведкой был создан т.н. Русский комитет во главе с изменником Родины, бывшим генерал-лейтенантом Красной Армии Андреем Власовым. Комитет проводил активную работу среди военнопленных и советских граждан, вывезенных в Германию, для формирования воинских частей «Русской освободительной армии».

В состав «национальных комитетов» органы «Цеппелина» внедряли свою агентуру и использовали ее в целях обработки в антисоветском духе военнопленных разных национальностей Советского Союза, подбора и подготовки из них кадров разведчиков и диверсантов для засылки в советские национальные республики для подрывной работы.

Забегая вперед, отметим, что «Предприятие «Цеппелин» на Восточном фронте потерпело крах. Это сквозь зубы вынужден был признать бывший шеф внешней разведки рейха Вальтер Шелленберг. Из его слов следует, что НКВД удавалось внедрить свою агентуру в «Цеппе-

лин»: «Понятно, что органы НКВД сумели причинить нам немалый вред и, что еще хуже, начали засылать своих людей через фронт с заданием внедриться в операцию «Цеппелин», чтобы подрывать ее изнутри»[1].

ОТ «ФРИДЕНТАЛЯ» К «СС ЯГДФЕРБАНД»

В войсках СС[2] части специального назначения стали создаваться несколько позже, чем в Абвере. 18 апреля 1943 года в старинном замке «Фриденталь», расположенном в нескольких километрах от Ораниенбурга (пригород Берлина), началось формирование подразделения войск СС специального назначения. По названию места, где она была расквартирована, часть получила название «Фриденталь» (SS-Sonderverbände z.b.V. Fridental). Командиром нового подразделения был назначен гауптштурмфюрер СС Отто Скорцени. Основой формирования принципиально нового разведывательно-диверсионного подразделения стали военнослужащие егерского батальона СС (SS-Jäger Bataillon), позже получившего номер 500.

Формирование нового подразделения было завершено 5 августа 1943 года, а чуть более месяца спустя диверсанты «Фриденталя» приняли участие в операции по освобождению Муссолини. Вскоре, 17 апреля 1944 года, подразделение было преобразовано в «Егерский батальон СС 502». В его состав вошли три стрелковых и одна легионерская роты. Как и подразделением

---

[1] *Шелленберг В.* Лабиринт. С. 265.

[2] Войска СС (Waffen-SS) — вооруженные формирования СС. Официально созданы 1 июня 1940 г. путем переименования частей усиления СС, с включением в их состав дивизии СС «Мертвая голова» (SS-Totenkopf-verbande; SSTV). Позже ряд дивизий СС был объединен в корпуса СС, в конце войны был сформирован штаб 4-й танковой армии СС (кроме того, существовала армейская группа обергруппенфюрера СС Ф. Штейнера).

«Фриденталь», так и 502-м батальоном командовал штурмбаннфюрер СС Скорцени. В своей боевой подготовке диверсантов Скорцени воспользовалось формами и методами, разработанными ранее «бранденбуржцами», которые вступили в ряды подразделения «Фриденталь». В 1944 году подразделение было переподчинено VI Управлению РСХА.

Этому эпизоду Скорцени в своих мемурах посвятил отдельный абзац: «...у меня появилась возможность существенно пополнить ряды спецподразделения за счет ветеранов дивизии «Бранденбург-800». Я был очень заинтересован в этих людях, которые изъявили желание служить под моим руководством. «Бранденбуржцы» смертельно устали от повседневной фронтовой рутины и не просто хотели, а страстно желали заняться тем, чему они были обучены. После переговоров с дивизионным руководством в Берлине и Верховным Главнокомандованием вермахта у нас появились хорошие шансы на пополнение. По приказу начальника оперативного отдела ОКВ Йодля мое спецподразделение было развернуто в бригаду и насчитывало теперь шесть батальонов. 1800 добровольцев — солдат и офицеров — были переведены из дивизии «Бранденбург-800» в мою диверсионно-штурмовую бригаду»[1].

В мае—июне 1944 года по указанию Г. Гиммлера в РСХА, аналогично с егерскими частями, для подготовки и выполнения особо важных заданий по террору, шпионажу и диверсиям в тылу противника были сформированы истребительные части СС (SS-Jagdverband). Комплектование и оперативное руководство практической деятельностью нового органа было вновь поручено Скорцени, который был к тому времени начальником группы VI S в VI управлении РСХА и одновременно возглавлял группу D Военного управления РСХА (бывшая управлен-

---

[1] *Скорцени О.* Секретные задания. Указ. соч. С. 177.

ческая группа Абвера «Заграница»). Обе группы руководили террором и диверсиями[1].

Деятельность «СС Ягдфербанд» получила развитие в конце 1944 года, когда сателлиты Германии один за другим стали выходить из войны. Разведорган «СС Ягдфербанд», пользуясь особым покровительством Гитлера и Гиммлера, под руководством штурмбаннфюрера СС Скорцени организовал десятки диверсионно-террористических школ и стал в массовом порядке готовить агентов-диверсантов для заброски их в тыл советских войск.

Истребительные части СС включали в себя пять отдельных групп: 1) истребительную часть СС «Центр» (Mitte), сформированную 10 ноября 1944 года на базе 502-го егерского батальона СС; 2) истребительную часть «Северо-Запад» (Nordwest), созданную на базе подразделения дозорного корпуса «Северная Франция»; 3) истребительную часть «Восток» (Ost), основу которой составили военнослужащие из диверсионной части дозорного корпуса эйнзатцгруппы «Балтика» (Streifkorps Einsatzgruppe Baltikum) в качестве егерского батальона СС «Восток» (командир части — штурмбаннфюрер СС Адриан фон Фёлькерзам); 4) истребительную часть «Юго-Восток» (Südost), созданную из диверсионной части дозорного корпуса «Карпаты» (Streifkorps Karpaten), кроме эсэсовцев, часть была доукомплектована моряками ВМФ Германии (командир — гаупштурмфюрер СС Александр Фукс); 5) истребительную часть «Юго-Запад» (Südwest), сформированную из диверсионных частей дозорного корпуса «Южная Франция» (Streifkorps Südfrankreich).

Каждый из отделов «СС Ягдфербанд» в свою очередь делился на отделения, носившие названия той страны, на

---

[1] О структуре и деятельности «СС Ягдфербанд» см.также: Смерш: Исторические очерки и архивные документы. С. 133—136.

территории которой они проводили свою деятельность. Например, «СС Ягдфербанд Зюд-Ост» имел отделения: «СС Ягдфербанд Зюд-Ост Болгария», «СС Ягдфербанд Зюд-Ост Венгрия», «СС Ягдфербанд Зюд-Ост Чехословакия» и «СС Ягдфербанд Зюд-Ост Югославия».

В сентябре 1944 года все истребительные части СС были переданы в войска СС, а в конце войны истребительные части вновь переподчинили оперативному штабу «Фриденталь», который в апреле 1945 года был преобразован в «Охранный корпус Альпенланд» (Schutz Korps Alpenland).

Советская контрразведка кропотливо собирала информацию о разведывательно-диверсионных органах противника. И вскоре на Лубянке стали располагать самой подробной информацией как о самом «органе», так и о методике подготовки и тактике действий диверсантов СС[1].

Так, например, один из захваченных в советский плен сотрудников «Ягдзайнзац-Балтикум», филиала «СС Ягдфербанд-Ост», Бруно Тони, латыш по национальности, 11 февраля 1945 года дал показания по истории создания этого подразделения: «В последних числах декабря 1944 года по вопросу истории организации немецкого разведывательного органа, условно именуемого «Ягдфербанд», начальник штаба последнего гауптштурмфюрер [СС] фон Фолькерзам на совещании офицеров рассказал следующее. В начале 1944 года разведорган «Ягдфербанд» [был] создан по распоряжению рейхсфюрера СС Гиммлера на базе кадров личного состава дивизии «Бранденбург» и непосредственно подчинялся Гиммлеру, причем [для] организации названного разведоргана послужили нижеследующие обстоятельства. Ле-

[1] О том, какой информацией располагала советская контрразведка о 502-м егерском батальоне, будет рассказано в главе, посвященной операции «Березино».

том 1943 года штурмбаннфюреру [СС][1] Скорцени было поручено провести операцию по похищению Муссолини. Для этого было отобрано до роты солдат-добровольцев из дивизии «Бранденбург», которые прошли соответствующую подготовку, после чего десантом были выброшены в район местонахождения Муссолини, похитили его и доставили в Берлин. За осуществление этой операции Скорцени был произведен в оберштурмбаннфюреры [СС]. После похищения Муссолини у Скорцени возникла мысль создать при рейхсфюрере специальный орган, который бы имел специально проверенные и обученные кадры для выполнения в тылах воюющих с Германией стран особо важных государственных заданий. Гиммлер одобрил предложение Скорцени и поручил ему формирование такого органа, главный штаб которого стал бы условно именоваться «Ягдфербанд»[2].

Личный состав «СС Ягдфербанд» состоял из лиц, хорошо подготовленных для подрывной деятельности. В основном это были официальные сотрудники и агентура Абвера и «Цеппелина», а также лица, служившие ранее в дивизии «Бранденбург-800» и войсках СС. По мере расширения деятельности кадры органа пополнялись бывшими полицейскими, участниками карательных отрядов, охранных батальонов, различных профашистских националистических формирований, а также военнослужащих вермахта. Деятельностью «СС Ягдфербанд» руководил главный штаб, расположенный в замке Фриденталь, во главе с его начальником — гауптштурмфюрером СС Адрианом фон Фелькерзамом.

Главный штаб состоял из следующих основных отделов: отдел 1 А — разработка планов диверсионных операций, заброска агентурных и боевых групп, руководство

---

[1] В документе ошибка: только после освобождения Б. Муссолини Скорцени было присвоено звание «штурмбаннфюрер СС».

[2] *Владимиров В.Л.* Обрубленные щупальца легионов Скорцени // Военно-исторический журнал. 1997. № 2. С. 4—5.

их действиями; отдел 1 В — материально-техническое обеспечение агентурных и боевых групп; отдел I-Ц — сбор и обработка разведданных, ведение контрразведывательной работы среди личного состава органа; оперативный отдел особого использования — подбор и подготовка кадров. В непосредственном подчинении главного штаба находились два специальных боевых подразделения: 502-й егерский батальон и 600-й батальон парашютистов.

Весь личный состав «СС Ягдфербанд» обучался специальным дисциплинам. Ему преподавали теорию и практику диверсионного дела, тактику диверсионных и террористических групп, способы вывода из строя промышленных предприятий, знакомили с вооружением и тактикой действий советской, американской и английской армий.

Для обучения диверсантов в «СС Ягдфербанд», по примеру Абвера и «Цеппелина», имелись и собственные разведывательно-диверсионные школы. К их созданию приложили руку опытные диверсанты из дивизии «Бранденбург». Так, гауптман Киршнер, показания которого приводились в главе, посвященной «бранденбуржцам», рассказал о своем личном участии в создании этих школ: «...*Вопрос*: Продолжайте ваши показания о службе в «Абвере-2».

Ответ: В ноябре 1944 года я отделом 2-А «Абвер-2» был командирован в батальон «СС Ягдфербанд-Ост» и «СС Ягдфербанд-Вест» для организации в них разведывательно-диверсионных школ по типу дивизии «Бранденбург-800». До января 1945 года мной был разработан план организации и учебы в школах, но в связи с тем, что я отказался вступить в организацию СС, был откомандирован в распоряжение «Абвера-2», и организовать данные школы мне не пришлось.

Вопрос: Какие еще вы выполняли задания «Абвера-2» до капитуляции Германии?

Ответ: В связи с моим переходом по личной просьбе в десантные войска я каких-либо заданий «Абвера-2» не выполнял.

Вопрос: В каком десантном соединении вы проходили службу?

Ответ: С января по 1 апреля 1945 года я находился в резерве командования десантных войск немецкой армии. 1 апреля 1945 года я был назначен командиром батальона 25-го десантного полка 9-й десантной дивизии[1], а с 15 апреля 1945 года в связи с ранением командира полка майора Шахта принял командование полком. 20 апреля в связи с разгромом полка частями советской армии скрылся и 9 мая 1945 года был взят в плен».

Одно из «учебных заведений» подобного рода располагалось на горе Шварценберг близ города Трутнова (*нем.* — Трутенау) на оккупированной территории Чехословакии. Эта школа находилась в непосредственном подчинении начальника «СС Ягдфербанд-Ост» штурмбаннфюрера СС А. Ауха и руководителя «СС Ягдфербанд» оберштурмбаннфюрера СС О. Скорцени. Школа готовила диверсантов для действий на железнодорожных коммуникациях в районе Витебска, Смоленска, Минска и Бобруйска. К концу войны агентов стали обучать способам совершения террористических актов против руководителей советских и партийных органов, высшего офицерского состава Красной Армии.

---

[1] Вероятно, речь идет о *9-й парашютной дивизии* (9. Fallschirm-Jäger-Division). Приказ о формировании был отдан 24 сентября 1944 г., но 25 октября того же года формирование дивизии было приостановлено. Дивизия была сформирована лишь в декабре 1944 и январе 1945 г. из регулярных и запасных частей. В состав дивизии входили 25, 26 и 27-й парашютные полки, 9-й парашютный артиллерийский полк; 9-й парашютный противотанковый дивизион, 9-й парашютный зенитный дивизион и другие подразделения обеспечения. Командиры: генерал-лейтенант Густав Вильке (24.9.1944—9.03.1945); генерал парашютных войск Бруно Бройдер (02.03.1945—18.04.1945); полковник Гарри Херрман (19.04.1945—02.05.1945). В последние дни войны остатки дивизии отошли в Берлин, где сдались советским войскам.

Победной весной 1945 года в руки к сотрудникам «Смерша» попался начальник одной из таких «школ» с несколькими подчиненными. О серьезной опасности, которая угрожала, но была вовремя обезврежена советской военной контрразведкой, свидетельствуют выдержки из материалов следствия.

Из протокола допроса обер-ефрейтора немецкой армии, отвечавшего за состояние лыжной мастерской диверсионной школы «СС Ягдфербанд-Ост» Ганса Бергера от 22 мая 1945 года: «...*Вопрос*: Расскажите все, что вам известно о диверсионной школе «СС Ягдфербанд-Ост», в которой вы работали.

Ответ: Военно-диверсионная школа «СС Ягдфербанд-Ост», расположена в районе так называемых Черных гор на горе Шварценберг, в помещении одного крестьянина-чеха по фамилии Черны. В школе одновременно обучались 70—120 человек: русские эмигранты и часть военнопленных — русские, украинцы и другие народности. Преподавательский и административный состав школы был исключительно из немцев. Личный состав школы был разбит на 3 группы: «А», «Б», «В», но какая группа занималась каким делом, я не знаю.

Вопрос: Когда началась работа школы по подготовке диверсантов?

Ответ: Диверсионная школа «СС Ягдфербанд-Ост» начала свою работу не то в октябре, не то в ноябре 1944 года...

Вопрос: Где находится в настоящее время личный состав школы?

Ответ: 8—9 мая 1945 года личный состав по приказанию начальника школы капитана Гиля выступил со школы по направлению запада, но куда он ушел, я не знаю.

Вопрос: При школе было ли оружие и взрывчатые вещества?

Ответ: Да, при школе было оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, обмундирование и продоволь-

ствие, предназначенное для слушателей школы, все это хранилось в 5—6 складах, расположенных недалеко от школы. Я должен сказать, что 7 мая 1945 года я получил приказание от капитана Гиля вырыть три ямы недалеко от школы, куда положить взрывчатку. Я вырыл три ямы: 1 яма в 1300 метрах от здания школы, возле отдельного домика по дороге к школе из города Еганcбад, от домика направо в 40 метрах в лесу. 2-я яма — в 2500 метрах от школы на северо-восток в лесу. 3-я яма — в 2800 метрах от школы на север, посередине леса. Во все три ямы я зарыл около 600—700 кг взрывчатки и схему расположения ям со взрывчаткой передал капитану Гилю. Кроме взрывчатки, я зарыл в ямы: 1) противотанковых мин — 10 штук; 2) гранат нового выпуска — 500 штук».

Из протокола допроса лейтенанта Е. Эрлибаха, сотрудника разведывательно-диверсионной школы «СС Ягдфербанд-Ост группа Б» в мест. Трутенау (Чехословакия): «...*Вопрос*: Где находились оружие, боеприпасы и взрывчатое вещество?

Ответ: Склады с оружием и боеприпасами находились при школе в подвале, целы ли они сейчас, сказать не могу. Склад со взрывчатыми веществами находился на горе в лесу, примерно в 2 км от школы; зарыт в трех ямах. Место, где хранится, могу показать лично. Подробно о складе со взрыввеществами может рассказать задержанный вместе со мной зав[едующий] лыжной мастерской школы ефрейтор немецкой армии Бергер Ганс».

Более полные сведения о разведшколе и планах на будущее руководства «СС Ягдфербанд» сообщил на допросе 4 августа 1945 года ее начальник капитан Герберт Гиль: «*Вопрос*: На предыдущем допросе вы показали, что в руководимой вами школе имелось всего 120 чел., из которых обучалось только 60 агентов. Эта цифра исчерпывала состав диверсантов, которыми вы охватывали всю Европейскую часть России?

Ответ: По плану школа моя была рассчитана на 800 агентов, но полностью укомплектована не была, и поэтому я имел всего 120 человек агентуры. Майор Аух и подполковник Скорцени обещали доукомплектовать мою школу, но из этого ничего не вышло.

...*Вопрос*: Каким образом производился набор агентуры для обучения в вашей школе?

Ответ: Агентура эта была навербована мною и моими представителями среди власовцев, состоявших на службе при 15-й немецкой армии...

Вопрос: Чем была вызвана необходимость заготовки продуктов питания и вооружения на полгода?

Ответ: Еще в феврале этого года меня вызвал (а возможно, я сам к нему приехал) к себе Аух и предупредил, что мне со своими диверсантами придется остаться в тылу советских войск, к чему я заранее должен подготовиться. Он обещал довести до 800 чел. личный состав школы (агентуру) и на все количество диверсантов прислать вооружение, продукты, однако ни того ни другого не прислал. Имея указания о том, что мне нужно будет остаться в тылу Красной Армии, и не получая ничего от Ауха, я решил сам заняться подготовкой. Через штаб войск «Герес группе Митте» (штаб среднего фронта) я получил 900 000 дневного рациона питания, 3400 литров водки, около 3000 кг взрывчатых веществ (пластид), фауст-патроны, мины различного действия (магнитные, замедленного действия и др.), пулеметы, гранаты, бесшумные пистолеты-автоматы и другое вооружение.

...*Вопрос*: Какой район был намечен для действия диверсантов в тылу советских войск?

Ответ: Примерно в начале апреля ко мне в школу приезжал майор Аух. Он был очень взволнован и, я бы сказал, даже растерян. Тогда он сказал мне, что крах немецкой армии неизбежен и что мы находимся накануне этого краха. На мой вопрос — каковы будут указания о моей дальнейшей деятельности, — Аух сказал, что вско-

ре Красная Армия продвинется на Запад, что я со своими диверсантами окажусь в тылу ее. Согласно указаниям Ауха я должен был обосновать свой штаб в горах Резенгебергер, действовать в районе Южной Силезии и северной Судетской области, взрывая мосты, разрушая пути подвоза, подрывая склады, нарушая связь и совершая террористические акты над офицерским составом Красной Армии. Тогда же он предупредил, что переезжает со своим штабом в район Фихтельгебирге, где я и смогу с ним связаться для получения дальнейших указаний. Снова обещал пополнить людьми мою школу, однако пополнения я так и не получил.

В последних числах апреля проездом в Вену (припоминаю, что это было в день занятия Вены советскими войсками) ко мне заехал подполковник Скорцени. Он был примерно в таком же моральном состоянии, как и Аух. Скорцени рассказывал мне, что накануне он разговаривал с Гиммлером, причем последний заявил ему, что Германия войну проиграла. Я сообщил Скорцени о посещении меня майором Аухом и передал, какие указания получил от него. Скорцени подтвердил, что я должен остаться в тылу советских войск, но заявил, что людей больше мне дать не сможет, т. к. все его резервы переданы в действующие части. Кроме этого, он предупредил меня, что в горах остаются воинские части генерала графа Штрахвица, которому я буду подчиняться».

Так как наш рассказ о противодействии разведывательно-диверсионным органам противника, действовавшим на Восточном фронте, дополним его информацию об истребительной части «Восток». В ее состав входили истребительные отряды СС (SS-Jägdeinsatz) «Остланд», «Руссланд» и «Польша».

В октябре 1944 года для ведения подрывной работы на освобожденных от немецкой оккупации республик Советской Прибалтики и северной части Польши был создан филиал «СС Ягдфербанд» под условным наименова-

нием «Ягдфербанд «Ост» (истребительное соединение войск СС Восток), состоявший из штаба, трех рот специального назначения и нескольких диверсионных групп, обычно дислоцировавшихся отдельно от штаба.

Каждая рота имела свое особое назначение и использовалась штабом по мере надобности как самостоятельная боевая единица. Так, одна рота в полном составе предназначалась для бандитских операций в тылу советских войск. Вторая, укомплектованная немцами фольксдойче, несла охрану территории штаба. Третья рота под командованием изменника Родины, бывшего жителя Ленинградской области оберштурмбаннфюрера СС Игоря Решетникова состояла из бывших советских военнопленных и предназначалась для борьбы с партизанами.

Кроме того, при штабе «Ягдфербанд «Ост» были две небольшие (по 17—18 человек) диверсионные группы под командованием унтершарфюрера СС Александра Рубина-Башко и оберштурмфюрера СС Бруно Тони. Они готовили диверсантов для переброски в тыл Красной Армии партиями по 3—4 человека. Все подразделения «Ягдфербанд «Ост» делились на две группы: Балтийскую («Ягдайнзатц «Балтикум») и Общерусскую.

Балтийская группа создавала повстанческие и диверсионные банды в Прибалтике, а также готовила широкую сеть агентуры на длительное оседание. Кадры группы вербовали в основном из членов антисоветских националистических организаций.

В августе 1944 года в Латвии сотрудниками «СС Ягдфербанд» была создана диверсионно-террористическая организация «Межа Кати» («Дикая кошка»), которая позже вошла в состав Балтийской группы. «Межа Кати» состояла из отдельных диверсионно-террористических отрядов, скомплектованных по принципу землячества, куда вербовали добровольцев латышских дивизий СС, полицейских и нацистских пособников — членов латыш-

ской националистической организации «Айзсарги». Отряды «Межа Кати» создавали в лесах тайные базы с продовольствием, оружием, боеприпасами. После капитуляции Германии они перешли на нелегальное положение.

Кроме «Межа Кати», в распоряжении Балтийской группы находились: подразделение диверсантов-латышей ротенфюрера СС Ионеса Рудынскиса и «эстонская рота СС» во главе с унтерштурмфюрером СС Густавом Алупкре (он же Алуперс). Обе группы были подготовлены для переброски в тыл советских войск для подрывной работы.

Общерусская группа «Ягдфербанд «Ост» имела в своем составе южнорусскую подгруппу, подгруппу Решетникова при штабе, подгруппу Сухачева из подготовленной агентуры в чешском городе Трутнов и украинскую подгруппу во главе с украинским националистом Бровцом («Тарас Бульба»).

Штаб «Ягдфербанд «Ост» и часть его подразделений до января 1945 года дислоцировалась в городе Иноврацлаве. Когда в январе 1945 года советские войска освободили город, «Ягдфербанд «Ост» был разгромлен, а значительная часть его руководящего состава убита или взята в плен. Из остатков «Ягдфербанд «Ост» весной 1945 года на территории Чехословакии были созданы две группы, которые вели подготовку к переходу разведоргана на нелегальное положение.

Агенты-диверсанты вербовались из числа лиц тех национальностей, куда они должны быть заброшены. К ноябрю 1944 года в диверсионно-террористических школах «СС Ягдфербанд» готовилось до 25 000 агентов-диверсантов разных национальностей, в том числе бельгийцев, болгар, голландцев, латышей, поляков, румын, русских, финнов, французов, чехословаков, эстонцев, югославов и других. Обучение в них проходили также «фольксдойче», т.е. немецкие колонисты из разных стран Европы.

В связи с подходом Красной Армии к местам дислокации диверсионно-террористических школ на территории Восточной Европы многие из них были переведены на территорию Австрии. В апреле 1945 года деятельность этих школ прекратилась, все курсанты были разбиты на группы и передислоцированы в другие районы Австрии, главным образом южнее Дуная. Все агенты-диверсанты должны были, зарыв оружие, боеприпасы, продукты и переодевшись в гражданское платье, выжидать развития международных событий, а затем, в случае вооруженного конфликта между союзниками и СССР, по сигналу «СС Ягдфербанд» приступить к активной подрывной деятельности в тылу советских войск в пользу англо-американской коалиции.

Планами также предусматривалось, что если война между союзниками по антигитлеровской коалиции не начнется до августа 1945 года, то все агенты, оставленные в тылу советских войск, должны были группами или в одиночку пробираться в американскую зону оккупации Австрии, в Линц, где связаться с резидентурой «СС Ягдфербанд». Предполагалось предложить услуги агентов-диверсантов американской и английской разведок для борьбы с СССР.

В целом за период войны на Восточном фронте действовало более 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных команд СД и Абвера, функционировало около 60 школ, подготавливавших агентуру для заброски в тыл Красной Армии. На четыре долгих года Великой Отечественной войны главным противостоянием на фронтах тайной войны спецслужб СССР и нацистской Германии стала борьба Особых отделов НКВД и контрразведки «Смерш» с военной разведкой вермахта Абвер и разведывательно-диверсионным органом РСХА «Унтернемен «Цеппелин».

Глава 2
«Фабрики» диверсантов

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫЕ ШКОЛЫ И КУРСЫ АБВЕРА

За несколько месяцев до начала нападения на СССР периферийные органы германской военной разведки — «Абверштелле» (АСТ) — в Кёнигсберге, Штеттине, Вене и Кракове организовали разведывательные и диверсионные школы (в мест. Брайтенфурт, Мишен, Криница, Дукла, Каменица и Барвинек, а также в Штеттине), в которых проводилась подготовка разведчиков-диверсантов, предназначенных для использования против Советского Союза.

Первоначально эти школы комплектовались агентурой, завербованной из белоэмигрантской молодежи и членов различных антисоветских националистических организаций (украинских, польских, белорусских и др.). Агенты, окончившие школы, забрасывались в тылы советских войск с разведывательными и диверсионными заданиями. Однако практика показала, что агенты из белоэмигрантской среды плохо ориентировались в советской действительности.

С началом боевых действий на советско-германском фронте германская разведка приступила к расширению разведывательно-диверсионных школ по подготовке квалифицированной агентуры. Такие школы были организованы при штабе «Валли» и «АСТ-Остланд», а также разведывательных и диверсионных абверкомандах, действовавших при армейских группировках «Митте», «Зюд» и «Норд» (в городах Варшаве, Валге, Стренчи, Борисове, Смоленске, Минске, Полтаве, в местечках Мыза Кумна, Кейла-Юа, Летсе и др.). Агентура для этих разведшкол набиралась в основном среди советских военнопленных, из антисоветского и уголовного элемента, проникшего в ряды Красной Армии и перешедшего на сторону германской армии.

Оперативную обстановку, которая сложилась в момент вступления советской контрразведки в «радиовойну» с германскими спецслужбами, описал один из участников драматических событий военных лет: «Весна 1942 года с точки зрения оперативной обстановки на лексиконе контрразведчиков могла бы быть с полным основанием названа «шпионским половодьем». Дело в том, что в строй действующих шпионских резидентур гитлеровской разведки, подготовленных за осенне-зимний период, становятся курсанты первых выпусков разведывательных и диверсионных школ, которые в спешном порядке направляются на выполнение боевых заданий в тылы Красной Армии. Основными поставщиками шпионских кадров для этих резидентур были Варшавская (центральная) и Борисовская (с филиалами в Катыни и Орджоникидзеграде) разведывательные школы. Переброску агентов с предварительным проведением всех необходимых мероприятий осуществляли: на северном направлении — разведывательный центр с условным обозначением «Марс», дислоцированный в Пскове; на центральном участке фронта — «Сатурн», дислоцировавшийся в Смоленске; на южном направлении — «Орион», дислоцировавший-

ся в Полтаве. Общее руководство деятельностью этих разведывательных органов осуществлял штаб «Валли», находившийся под Варшавой. Заканчивали подготовку первых выпускников шпионских кадров и другие, менее престижные разведывательные школы, созданные в осенне-зимний период 1941—1942 годов на всем протяжении советско-германского фронта от Крайнего Севера до Черного моря на временно оккупированной противником территории Карело-Финской, Эстонской, Латвийской, Литовской, Белорусской, Украинской союзных республик и восточных областей РСФСР»[1].

Агентура для обучения вербовалась в основном среди военнопленных и перебежчиков, а также среди антисоветски настроенных граждан, оставшихся на оккупированной территории СССР. В расчет принимались также профессия и личные качества кандидата, при этом преимущество отдавалось радистам, связистам, саперам и лицам, имевшим достаточный кругозор.

В Абвере считали, что агентуру из военнопленных можно быстрее подготовить для зафронтовой работы и легче внедрить в части Красной Армии. Агентура же из числа гражданского населения подбиралась по рекомендации и при содействии немецких контрразведывательных и полицейских органов. Базой для вербовки в школы являлись также различные антисоветские вооруженные формирования: РОА, «национальные легионы» и т. д.

Как правило, с каждым кандидатом перед вербовкой проводились индивидуальные беседы для выяснения его биографических данных, связей в Советском Союзе, личных качеств, отношение к Советской власти и немцам. К вербовке привлекалась также внутрилагерная агентура, которая проводила предварительное изучение и индивидуальную профашистскую обработку намеченных лиц.

---

[1] *Тарасов Д.П.* Большая игра (документальный обзор и художественно-документальный очерк). — М., 1997. С. 19—20.

Согласившихся работать на немцев немедленно изолировали от других военнопленных и направляли в специальные проверочные лагеря или непосредственно в школы, где проводилось окончательное оформление вербовки. После этого в большинстве школ на каждого агента заполнялась подробная анкета, отбиралась подписка о добровольном согласии сотрудничать с немецкой разведкой, присваивался псевдоним, под которым он числился в школе. В ряде случаев завербованные агенты приводились к присяге на верность Гитлеру.

Преподавательский и инструкторский состав школ комплектовался из белоэмигрантов и бывших офицеров Красной Армии — изменников Родины, проверенных ранее в работе в качестве агентов Абвера. Общее руководство школами осуществляли немцы — официальные сотрудники военной разведки.

Одновременно в разведывательных школах обучалось по 50—300 агентов, а в диверсионно-террористических — по 30—100. Срок обучения агентов в зависимости от характера их деятельности был различен: для разведчиков ближнего тыла — от двух до четырех недель; разведчиков глубокого тыла — от одного до шести месяцев; диверсантов — от двух недель до двух месяцев; радистов — от двух до четырех месяцев и более.

В диверсионных школах агенты изучали те же предметы, что и в разведывательных, но дополнительно получали специальную подготовку по проведению диверсии и террора: изучали свойства взрывчатых веществ и правила закладки их под намечаемый к разрушению объект, зажигательные средства и способы их применения, приготовление простейших взрывчатых и зажигательных веществ и правила обращения с ними, огнестрельное оружие и правила стрельбы из него. Полученные теоретические знания закреплялись на практических занятиях.

Агенты-радисты, кроме общих дисциплин, изучали радиодело: умение работать на ключе на слух, правила вступления в связь с радиоцентром, методы шифровки и дешифровки радиограмм. Радист считался подготовленным, если он мог принимать и передавать без ошибок 70—80 знаков в минуту.

Перед окончанием школы агентов знакомили с правилами заполнения документов прикрытия и пользования ими во время нахождения в советском тылу. Заброска подготовленной агентуры в тыл советских войск, как правило, производилась не самими школами, а абверкомандами или их филиалами на переднем крае.

Нередко выпускники разведывательно-диверсионных школ Абвера привлекались для борьбы с партизанским движением. Советские контрразведывательные органы, вместе с партизанами и подпольщиками проводили активные мероприятия не только по физическому уничтожению врага. Как отмечают историки, к 1943 году советские спецслужбы смогли не только внедрить своих агентов практически во все разведывательно-диверсионные школы противника, но и успешно занимались разложением слушателей[1].

Победы Красной Армии на советско-германском фронте, немецкая оккупационная политика, направленная на физическое уничтожение и ограбление мирного населения, изменили настроение народа в пользу партизан. К 1943 году система по привлечению русского населения на службу захватчикам показала свою несостоятельность, планы Абвера и СД по созданию массовой «пятой колонны» на территории России потерпели провал.

---

[1] *Ковалев Б.Н.* Работа советских спецслужб по разложению коллаборационистских формирований в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность. — М.: Великий Новгород, 1999. С. 96.

ПОДГОТОВКА ГЕРМАНСКИМИ СПЕЦИАЛЬНЫМИ СЛУЖБАМИ ДИВЕРСАНТОВ ИЗ ЧИСЛА СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

С конца 1941 года в концентрационных и фильтрационных лагерях немцы стали проводить анкетирование и первичную «селекцию» военнопленных. Затем отобранные кандидаты направлялись в концлагеря на территории Германии и Польши для формирования диверсионно-разведывательных подразделений, которые предполагалось использовать в военных действиях на стороне Германии. Крупными центрами, в которых производился отбор кандидатов, были также концлагеря Бухенвальд, Заксенхаузен, Освенцим (Аушвиц) и др. В фильтрационных и концентрационных лагерях для советских военнопленных гитлеровцы создавали нечеловеческие условия для жизни.

В концлагерях специальные команды, состоящие из офицеров Абвера, СС и СД, а также эмигрантов, хорошо знавших русский язык, занялись вербовкой кандидатов для диверсионно-разведывательной работы в тылу советских войск. Вот как описывал очевидец, перешедший в последствии к партизанам, методику работы этих комиссий: «Каждый прибывший военнопленный вызывался в отдельный кабинет к членам комиссии. Члены комиссии, просматривающие дело военнопленного, знакомились с ним и путем вопросов перепроверяли данные, полученные в момент анкетирования в лагере. Затем отобранных кандидатов отправляли в концлагерь, в местечко Бухенвальд, что в 8 км от г. Веймара. Этот концлагерь действует давно, капитально отстроенный, с высокими кирпичными стенами. Каждый барак обнесен в два ряда проволокой. У стены лагеря также несколько рядов проволоки, расположенной ступеньками. Наверху — тоже несколько рядов проволоки. По линиям этих

проволочных заграждений пропущен электрический ток среднего и высокого напряжения. Через каждые 100 м установлены вышки для часовых и усиленная охрана. По приблизительным подсчетам, в этом концлагере размещено около 50 000 чел. От недоедания и палочной дисциплины заключенные ходят как тени, худые, избитые, их бьют палками и резиновыми дубинками, над ними издеваются, как кому захочется и из охраны, и из административно-обслуживающего персонала». Из таких, доведенных до отчаяния голодом и издевательствами советских военнопленных, немецкая разведка вербовала кадры для «борьбы против большевиков».

Перебежчики, сумевшие прорваться к партизанам, рассказывали о мужественном поведении советских офицеров и генералов в немецком плену. В частности, один из них поведал о героическом поведении в концлагере Замостье (Замосць), в 120 км юго-западнее Варшавы, доктора технических наук, лауреата Сталинской премии, генерал-лейтенанта инженерных войск Дмитрия Михайловича Карбышева (1880—1945), который на вопрос нацистов о том, победит ли Германия в войне против Советского Союза, ответил: «Победит большевизм, несмотря на то что немецкая армия имеет временный успех». Стоит добавить, что, кроме Карбышева, в этом лагере было еще 13 генералов (на 1 декабря 1941 года), из которых к маю 1942 года в живых остались лишь трое.

При отборе особое внимание обращалось на сведения биографического характера кандидатов и выявление их «политической физиономии» (где и кем работал, где проживал до армии, образование, специальность, принадлежность к партии большевиков, к комсомолу и отношение к Советской власти). Спрашивали, не репрессировался ли сам или кто из родственников, выявляли среди анкетированных работников железных дорог ДВК[1], Ура-

[1] Дальневосточный край.

ла и знание промышленных центров СССР. После этого из отобранного «контингента» формировали группы по 600—700 человек и отправляли для последующей подготовки в Германию. По прибытии на место кандидатам улучшали питание, вместо 150—200 граммов хлеба выдавали 400 граммов хлеба в сутки, незначительное количество жиров и регулярно горячую пищу, приготовленную из более качественных продуктов. Следует отметить, что таким тщательным поиском военнопленных в этот лагерь занимались до июня месяца 1942 года, а потом отбор производился по «наружно-физическому» состоянию военнопленных. С первого же дня у кандидатов улучшили рацион питания.

Все завербованные в концлагерях разбивались на две группы: политическую и боевую. В боевую группу набирались лица из уголовного элемента, из ранее репрессированных Советской властью, как самих, так и их родственников, малоразвитых политически, с ограниченным кругозором, не имеющих достаточного образования и т. д.

В политическую группу подбирались кандидаты из репрессированных (самих или их родственников) Советской властью, имеющих неполное среднее, среднее и высшее образование, с большим кругозором, знающие хорошо военные объекты Советского Союза, имеющие обширные связи и знакомства среди лиц, подвергшихся репрессиям и, как правило, отрицательно настроенных против большевиков.

Советская контрразведка чутко реагировала на изменения в деятельности германских спецслужб. В частности, на Лубянке не оставили без внимания новый подход к массовой заброске агентуры, которую, в отличие от первого периода войны, немецкие «вербовщики» стали тщательнее отбирать и обучать искусству подрывных действий.

Организаторы немецкого шпионажа, видимо, не предполагали или не хотели замечать, что агенты, завербованные ими среди советских военнопленных и граж-

данского населения оккупированных областей, слишком хорошо узнали жестокость «нового порядка», который принесли на своих штыках солдаты вермахта.

Военнопленные, с которыми обращались, как со скотом, измученные голодом, издевательствами и тяготами плена, во многих случаях соглашались на вербовку в национальные легионы и на службу немецкой разведке только с той целью, чтобы любыми способами возвратиться к своим, а еще лучше — иметь реальную возможность сражаться с захватчиками до победы.

Надо отметить, что эффективность работы гитлеровцев по созданию разведывательно-диверсионной резидентуры в тылу СССР, по их же словам, была невысокой. Так, заместитель главы Абвера генерал-лейтенант Пикенброк, давая показания в советском плену после войны, вынужден был признать, что «Россия — самая тяжелая страна для внедрения агентов вражеской разведки... После вторжения германских войск на территорию СССР мы приступили к подбору агентов из числа военнопленных. Но трудно было распознать, имели ли они действительно желание работать в качестве агентов или намеревались таким путем вернуться в ряды Красной Армии... Многие агенты после переброски в тыл советских войск никаких донесений нам не присылали».

Слова генерала Пикенброка подтверждались данными, полученными советскими спецслужбами. В первой половине 1942 года каждый третий германский агент после перехода линии фронта спешил добровольно сдаться представителям советских властей. К 1943 году советскими органами безопасности было арестовано 185 выпускников Варшавской разведшколы, из них 99 — после явки с повинной. Эти лица стали активно использоваться сотрудниками «Смерша» в радиоиграх с противником.

Армейские чекисты, профессионально почувствовавшие новые оперативные возможности, стали увереннее проводить острые контрразведывательные операции с

использованием агентуры из числа тех, кто добровольно являлся с повинной, не желая выполнять задания германской разведки. При этом очень важным было то обстоятельство, что органы госбезопасности добились правовой возможности освобождать от ответственности за шпионаж.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕРМАНСКОЙ РАЗВЕДКОЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ ДЛЯ ПОДРЫВНОЙ РАБОТЫ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

К началу войны против СССР немецкое командование уже имело определенный опыт борьбы с партизанской войной, полученный в 1939—1940 годах в Польше. Одним из наиболее эффективных способов борьбы германской контрразведкой с польскими патриотами было признано создание националистических формирований из пронемецки настроенных поляков, действующих под руководством германских спецслужб. Одной из таких организаций были, например, польские «Батальоны смерти». Создание таких формирований раскалывало патриотическое подполье, распыляло его силы и приводило к борьбе подпольных групп между собой.

С первых месяцев войны с Советским Союзом руководство германских спецслужб предприняло попытки создать из предателей Родины и советских военнопленных подобные отряды с целью их последующего использования против Красной Армии, партизанского движения и диверсий в тылу. При этом немецкая контрразведка особое внимание уделяла созданию национальных воинских подразделений, кадры которых можно было эффективно использовать в послевоенном устройстве завоеванных государств.

Германское командование настойчиво проводило работу по созданию националистических союзов и органи-

заций на оккупированной территории СССР, формированию на их основе воинских подразделений для борьбы с частями Красной Армии и партизанским движением. Таким формированием являлись, например, бригада Локотской милиции, позже получившая громкое наименование «Русская освободительная народная армия» (РОНА), «1-я Русская народная армия», бывшая ядром т.н. Боевого союза русских националистов (БСРН) и т. п.

В числе первых националистических формирований подобного рода был «Боевой союз русских националистов». Штаб «БСРН» располагался в Берлине, в здании Управления войск СС. Представители штаба приезжали для вербовки кандидатов в Бухенвальд и другие концентрационные лагеря.

Перед «кандидатами» ставился выбор: или идти бороться с большевизмом вместе с организацией БСРН, или оставаться в концлагере. Кроме того, «Боевой союз русских националистов» имел радиостанцию, находившуюся в здании Зимнего дворца в Потсдаме, работавшую в диапазоне средних и коротких волн, передававшую ежедневные сводки о положении на фронтах и клевету против СССР. Радиостанция находилась под постоянным контролем штабов войск СС и СД. Издавалась и своя газета — «Новое русское слово». Непосредственно формирование подразделений производилось в местечке Веселое, в 20 км от Варшавы (там же формировались подразделения нацменьшинств).

Организатором «Боевой дружины русских националистов» был полковник Гиль-Родионов. В сентябре 1942 года первая дружина в количестве до 400 солдат и офицеров из военнопленных была направлена в один из районов Смоленска для борьбы с партизанами. В этом же месяце другой офицер из числа военнопленных — капитан Блажевич — получил разрешение на формирование 2-й дружины, которая была укомплектована в Люблине (Польша) и затем в местечке Лужки слилась с

первой дружиной. Таким образом, в Лужках было сосредоточено до 1300 человек солдат и офицеров. Немцы переодевали личный состав боевых дружин русских националистов в гражданскую одежду, и днем они действовали в лесах как партизаны, а ночью заходили в деревни. Использовался личный состав и в качестве агитаторов, разбрасывали в деревнях листовки с призывами к партизанам переходить на сторону немцев. Впоследствии, в марте 1943 года, из двух дружин был сформирован «Русский национальный полк».

Рядовой и командный состав дружин получал немецкую военную форму: пилотку немецкого образца, на которой спереди была эмблема «Мертвая голова», а над ней одноглавый орел. Комсоставу выдавались хромовые сапоги польского образца. У всего личного состава на правом рукаве кителя — шеврон черного цвета, в котором располагался равносторонний, трехцветный (бело-сине-красный) треугольник вершиной вниз, на левом рукаве — одноглавый орел. Погоны для рядового состава из черного материала с лычками желтого цвета (в зависимости от звания), для офицеров — черные с синими просветами (один — для младших командиров до майора, две — от майора и старше). У офицеров на погонах вместо «звездочек» — «квадраты». Офицерскому составу разрешалось также ношение золотых погон (как в царской армии).

В отряде «Боевой дружины русских националистов» была организована специальная офицерская рота, которая комплектовалась из числа военнопленных, имевших воинские звания от лейтенанта до полковника Красной Армии. Эта рота в декабре месяце 1942 года установила связь с партизанами, перебила идейно преданных нацистам командиров, разгромила немецкий штаб, разоружила два отряда, охранявших железную дорогу, и перешла к партизанам.

Один из перебежчиков «Боевой дружины русских националистов» к партизанам приводит сравнение

обещаний гитлеровцами их «нового порядка» и того, с чем в действительности столкнулись советские военнопленные в гитлеровской неволе. Так, по его словам, активист среди военнопленных Красной Армии Новак, родители которого были раскулачены, а сам он отсидел в советской тюрьме и исправительно-трудовых лагерях 10 лет, заявил: «Посмотрев на заключенных в лагере Заксенхаузен, на их состояние и отношение к ним фашистских лакеев и фашистов, я не могу сравнить наши исправительно-трудовые лагеря. Если людям фашисты говорят, что в Советском Союзе люди бесправные и томятся в лагерях, то, видя своими глазами, что творится у них, я окончательно, всем разочарован. И если первое время я верил фашистам, что они освободят, то теперь я вижу сплошную ложь. Даю слово, что при первой возможности я убегу. И теперь Советскую власть полюбил так, как ранее ее ненавидел».

А вот так описывал свое поведение и чувства в плену, а также методы подготовки, используемые гитлеровцами, другой перебежчик, перешедший к партизанам: «...Я и многие другие товарищи, которые еще остались в лапах фашистов, рассуждали и рассуждают так: для борьбы с врагом всякие методы хороши. Вот, исходя из этого, предпочли лучше пойти на обман, чем умереть в фашистских лапах, не принеся пользы нашей Родине, нашему народу и всему рабочему классу».

В этом лагере группа в количестве 1000 чел. была обмундирована в чешское обмундирование и с немецким оружием проходила учебу и одновременно вела борьбу с партизанами на территории Польши. Командный состав 1-го боевого отряда Союза состоял из русских националистов из числа среднего и старшего комсостава Красной Армии. При этом отряде было два штаба, во главе стоял немецкий штаб, который возглавлял комендант и несколько средних офицеров. Сам комендант назначался из числа старшего комсостава войск СС и СД.

Другой штаб назначался из числа комстостава бывших военнопленных офицеров Красной Армии.

Члены «Боевого союза русских националистов» никакой присяги никому не давали, за исключением обещания, данного представителям «Боевого союза русских националистов», — вести активную борьбу с большевизмом, за осуществление идей фашизма, построение «новой России». В середине августа 1942 года этот отряд выехал в район г. Могилева, Быхова и др. жел[лезно] дор[ожные] пункты на борьбу с партизанами и усиление охраны ж[елезной] д[ороги].

Политическая группа была направлена в концлагерь Заксенхауз, в предместье Ораниенбург[1]. Эта группа предназначалась для работы в тылу Красной Армии.

Все участники «политической группы» должны были пройти идеологическую и специальную подготовку в разведшколе по особой программе, которая включала в себя следующие пункты.

Пункт первый — «Экономика Германии», второй — «Программа и устав националистической социалистической партии», третий — «Большевизм и русский народ», четвертый — «Новый с/х устав в «освобожденных областях». Пятый пункт программы — «Работа в тылу Советского Союза» — был более насыщенный по содержанию. Он включал в себя несколько подпунктов: а) разведка и контрразведка; б) разложение населения и восстановление его против Советской власти; в) диверсионно-террористическая работа; г) изучение и практическая работа по приему и передаче радиограмм и изучение шифра (только для радистов).

К началу занятий собралось до 200 человек, все прибывшие были из к/л Бухенвальда. Слушатели этой школы именовались «активистами» «Боевого союза русских националистов». «Активисты» школы выпускались груп-

---

[1] В апреле 1943 г. недалеко от Заксенхаузена, в замке Фриденталь, было начато формирование диверсионных подразделений СД.

пами в зависимости от успеваемости и усвояемости дисциплин, а затем направлялись в два лагеря, в которых подбирались в группы по 2—4 чел., доучивались, инструктировались и получали задание в определенной территории в тылу Красной Армии. Им присваивался псевдоним, т. е. другая фамилия, на которую изготовлялись документы на вновь присвоенную фамилию военнослужащего, так и гражданские, в объеме образования. После чего группы выбрасывались в тыл Красной Армии».

Диверсанты, забрасываемые в тыл РККА, имели следующую экипировку: бумага для печатания листовок; оружие любой системы; деньги советские (в неограниченном количестве); продовольствие на месяц; военное и гражданское обмундирование (старое и новое); топографические карты местности, на которую забрасывается группа; радиостанция; взрывчатые вещества английского производства; вазелин с наждаком для порчи многооборотных машин; таблетки для разжижения масла в машинах; химический порошок для раздражения кожи в тепле.

Как видно из приведенного перечня (последние три позиции), руководство германских спецслужб при организации диверсионной работы в тылу Красной Армии уже тогда использовало, по современной терминологии, «оружие несмертельного действия» (ОНСД). После войны «ценный» опыт гитлеровских диверсантов взяли на вооружение спецслужбы многих стран — членов блока НАТО. Особое место в диверсионно-подрывной деятельности уделялось специальным психологическим операциям для разжигания антисоветских настроений. В этих целях, для «обработки» общественного мнения в советском тылу, применялись антисоветские листовки, газеты, брошюры, плакаты.

Для связи со своими разведцентрами немецкие спецслужбы обеспечивали агентурные группы, забрасываемые на советскую территорию, портативными коротковолновыми радиостанциями. С помощью

приемо-передающей аппаратуры агентами противника передавались шифрованные радиограммы о результатах разведывательно-диверсионной деятельности и получались новые задания. В случаях когда заброска агентов проводилась в глубокий тыл, немецкая разведка пыталась организовать устойчивую коротковолновую радиосвязь путем создания ретрансляционных пунктов, оснащенных более мощными радиостанциями, которые обеспечивали связь с разведцентром более мелким агентурным группам. Причем в непосредственный контакт с ретрансляционным пунктом агентурные группы не входили, а передавали всю информацию в эфир в полной уверенности, что работают напрямую.

Документы, которыми обеспечивались диверсанты, подразделялись на военные и гражданские: 1) военные: военный билет; удостоверение личности комсостава или командировочное удостоверение; денежная книжка комсостава; вещевая книжка комсостава; командировочное удостоверение (комсостава или красноармейское); литер для проезда по железной дороге; врачебное удостоверение выздоравливающего (с любого госпиталя); 2) гражданские: паспорт с пропиской любого города; «белый билет» после прохождения врачебной комиссии; шоферские права; ордена с орденскими книжками; комсомольское предписание от Наркомата РККА; аттестаты продовольствия. Об эффективности действий этих вояк было рассказано выше словами немецкого разведчика.

Обеспечение заброшенных групп оружием, фиктивными документами, обмундированием, снаряжением и продовольствием осуществлялось в основном по воздуху. В тех случаях, когда агентура не смогла обеспечить прием грузов, сбрасываемых с самолетов, или подготовить площадку для посадки, германская разведка посылала особо доверенных курьеров. Такая же практика использовалась немецкими спецслужбами и для проверки действий агентурных групп.

Глава 3

Ответный ход советской контрразведки

В январе 1941 года руководитель Абвера контр-адмирал Вильгельм Канарис и начальник отдела Абвер I (разведка) полковник Ганс Пикенброк получили приказ от начальника оперативного отдела ОКВ генерал-полковника Альфреда собрать развединформацию о группировке Красной Армии, дислоцированной на западной границе Советского Союза.

Во исполнение это приказа филиалам Абвера в европейских странах были даны инструкции об активизации разведывательной работы против Советского Союза по всем линиям, в том числе по заброске агентов на его территорию. Примерно за три месяца до нападения на СССР Абвером был создан специальный орган, получивший кодовое наименование штаб «Валли».

С началом военных действий против Советского Союза, в соответствии со ставкой на «блицкриг», действовала и немецкая разведка. В ходе первого этапа войны на Восточном фронте германские спецслужбы выполняли следующие задачи: 1) проведение агентурной разведки на линии фронта и ближнем тылу Красной Армии; 2) срыв эвакуации промышленных предприятий, прежде всего военного значения; 3) проведение диверсий на

коммуникациях в прифронтовой полосе; 4) распространение провокационных слухов и создание паники среди мирного населения.

Вскоре после нападения на СССР германские спецслужбы предприняли энергичные попытки создать из предателей Родины и военнопленных диверсионно-разведывательные подразделения с целью их последующего использования для организации диверсий в тылу Красной Армии, сбора разведсведений о дислокации воинских подразделений, передвижениях военной техники и грузов, оборонном потенциале СССР. При этом особое внимание было уделено подбору кадров, которых, по мнению немецкого командования, можно было эффективно использовать для проведения шпионских заданий в глубоком тылу.

В мемуарах начальника разведслужбы послевоенной Германии Райнхарда Гелена ситуация, сложившаяся на Восточном фронте в начале 1942 года, в целом описана довольно объективно. Естественно, что Гелен не забыл посетовать и на «плохую погоду, лютые морозы» и т. п., хотя это была и не главная причина поражений вермахта на советско-германском фронте: «Обстановка на начало 1942 года характеризовалась тем, что нам удалось на всех участках групп армий «Центр» и «Юг» стабилизировать фронт, прорванный в зимние месяцы. Контрнаступление русских привело на отдельных направлениях к оставлению нами значительных территорий. Имелись существенные потери в снаряжении и боевой технике. Но самым тяжелым было, пожалуй, то, что немецкий солдат после двух лет побед впервые столкнулся если не с поражением, то с мощными контрударами противника. А это повлекло за собой опасные психологические последствия, хотя вина за случившееся падала в первую очередь на погодные условия — непролазную грязь и морозы до минус 56 градусов, а также нехватку, особенно

вначале, зимнего обмундирования и сильно поредевший боевой состав частей и подразделений»[1].

Правда, в воспоминаниях Скорцени, который, в отличие от Гелена, был участником осенне-зимней кампании 1941-го на Восточном фронте, речь шла о 30-градусных морозах[2]. К тому же не только мороз «прорядил» боевые порядки зарвавшихся вояк.

По мере нарастания сопротивления гитлеровским войскам со стороны Красной Армии, срыва плана «молниеносной войны» немецкому командованию пришлось перестраивать и деятельность разведывательных служб. Этим в первую очередь объясняется возросший интерес Абвера к вопросам политического и экономического характера, промышленному потенциалу СССР, расположенному в глубоком тылу. Другое новое направление в деятельности германских разведслужб — это транспортные узлы и коммуникации в Центральной и Восточно-Европейской части Советского Союза, поставлявшие на фронт войска, боевую технику и другие необходимые грузы.

Немецкая разведка пыталась создать в этих районах свои разведывательные резидентуры для обеспечения повседневного наблюдения за стратегическими перевозками военных и народнохозяйственных грузов по железным и шоссейным дорогам, состоянием железнодорожного хозяйства, пропускной способностью, районами строительства новых или расширением старых путей. Наблюдая за воинскими перевозками, немецкая разведка старалась разгадать замыслы советского Верховного командования, выяснить мобилизационные ресурсы и возможности, районы формирования новых соединений, установить места дислокации эвакуированных оборонных заводов, характер и количество выпускаемой

---

[1] *Гелен Р.* Война разведок. С. 11.
[2] *Скорцени О.* Секретные задания. С. 31.

продукции, тактико-технические характеристики новейших образцов военной техники и вооружения.

Особое внимание немецкая разведка уделяла районам сосредоточения основных оборонных и промышленных объектов на Урале, в Сибири, республиках Средней Азии и Закавказья. С этой целью абверовские агенты забрасывались в глубокий советский тыл с самолетов с заданием обосноваться в крупных городах и следить за работой промышленных предприятий, за наличием стратегических сырьевых, продовольственных и топливных ресурсов.

В результате коренного перелома на фронтах Великой Отечественной немецкое командование сосредоточило основные усилия своей разведки на выяснении планов советского Верховного Главнокомандования, на вскрытии стратегического направления главного удара. В связи с этим многим агентам ставилась задача выяснить, на каком участке фронта находятся знаменитые советские военачальники Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, которых противник считал «генералами наступления».

С расширением числа разведывательных задач, Абверу вменялась в обязанности организация диверсионной работы в прифронтовой полосе и на различных стратегических объектах, расположенных в глубоком тылу Советского Союза с тем, чтобы ослабить экономический потенциал и облегчить положение своим войскам на советско-германском фронте. Наряду с подготовкой диверсий немецкие разведывательные службы большое внимание уделяли подготовке террористических актов против членов высшего государственного, военного и партийного руководства СССР.

Немецким спецслужбам удалось хорошо поставить работу службы радиоперехвата, что позволило получать различного рода оперативную информацию. Внимательному анализу подвергались трофейные документы, захваченные в штабах и учреждениях РККА, скрупулезно анализировались личные документы попавших в плен и убитых

советских солдат и офицеров — все это давало необходимый материал для активных действий против СССР.

Стремясь подорвать Советское государство изнутри, сковать часть сил Красной Армии, Абвер и СД потратили немало сил, пытаясь организовать в некоторых республиках и районах СССР повстанческие, националистические движения. В этих целях на территории самой Германии создавались многочисленные «национальные комитеты», грузинские и армянские «легионы», калмыцкий «корпус» доктора Долля, «ост-мусульманские батальоны»[1] и т. п.

Для борьбы против Советского Союза гитлеровские спецслужбы широко использовали белоэмигрантские организации «Народно-трудовой союз нового поколения» (НТСНП), «Боевой союз русских националистов», «Братство русской правды» (БРП), «Организацию украинских националистов» (ОУН)[2] и другие. Примером

---

[1] Формирование мусульманских частей войск СС было начато в 1944 г. с благословения Великого муфтия Иерусалима Амин аль-Хусейни. Первым подразделением мусульманских частей войск СС стал Восточно-мусульманский полк СС (Ostmuselmanische SS-Regiment). Его ядром стали добровольцы-мусульмане, ранее служившие в расформированных частях вермахта (450, 480 и 1-й батальон 94-го полка). В феврале 1944 г. полк был переброшен в Белоруссию для проведения контпартизанских операций.

[2] *Организация Украинских Националистов* (сокр. ОУН) организована в Берлине в январе—феврале 1929 г. на первом конгрессе украинских националистов («Великий збір»), на котором были приняты ее программа и устав. Лидером организации был бывший полковник австро-венгерской армии и петлюровский атаман Е. Коновальц. Основной целью ОУН, созданной на средства и по заданию германской разведки, являлась диверсионно-террористической борьба против Советского Союза. Военной структурой и наиболее активной частью ОУН являлась Украинская повстанческая армия (УПА). Основная материальная и людская база ОУН находилась в Галиции и на Волыни, входивших в то время в состав Польши. После воссоединения Западной Украины главари ОУН бежали на территорию генерал-губернаторства, в г. Краков, куда и был перенесен центр всей националистической деятельности. Со временем ОУН стала главным рычагом мобилизации враждебных элементов в интересах Германии. После гибели в 1938 г. Коновальца руководство ОУН перешло к А. Мельнику и С. Бендере.

того, насколько серьезной была опасность, грозившая советскому тылу и всей обстановке на фронтах в 1944 году, может служить следующий эпизод. Весной 1944 года германская разведка подготовила для заброски на территорию бывшей Калмыцкой АССР специальный десантный корпус из изменников Родины — калмыков по национальности. На корпус возлагались задачи: объединить, действовавшие в Калмыкии мелкие повстанческие группы и организовать восстание калмыков против Советской власти; провести крупные диверсионные акты с целью разложения советского тыла. Попытка немцев перебросить «калмыцкий корпус» на территорию СССР была сорвана активными мероприятиями органов военной контрразведки «Смерш» ГКО СССР. Всего в калмыцких степях германская разведка планировала высадить 36 эскадронов численностью более 4 тысяч человек. Подробнее об этом будет разказано в главе, посвященной радиоигре «Арийцы».

С началом войны немецкая разведка создавала специальные подразделения, по преимуществу укомплектованные личным составом, хорошо владевшим русским языком, для захвата узлов коммуникаций, организации диверсий, распространения панических слухов и т.п. Тактика действий таких «абверкоманд» по мере продвижения линии фронта на запад существенно изменялась. Они стали маскироваться под передовые части наступающей Советской армии, якобы вступавшие в освобожденный от гитлеровцев населенный пункт, объявляли регистрацию лиц, желающих с оружием в руках продолжить борьбу с оккупантами, коммунистов, партизан, а затем их уничтожали.

Так как наш рассказ в основном будет посвящен специальным операциям советской контрразведки, относящимся к периоду 1944—1945 годов, несколько слов скажем о планах «тайной войны», которые были у германской разведки. Современному читателю покажется фан-

тастичным, что в то время, когда вермахт на советско-германском фронте терпел одно поражение за другим, в недрах VI Управления РСХА зрели планы проведения широкомасштабных диверсионно-подрывных операций в советском тылу: от покушения на Сталина до раверты-вания псевдопартизанского движения.

На самом деле в этом нет ничего удивительного. Таковы законы «тайной войны». Психология диверсанта-разведчика диаметрально противоположна психологии солдата и офицера любого другого вида вооруженных сил любой армии мира. Если мышление пехотного командира оперирует в основном дихотомичными категорями «наступление—оборона», то командир спецвойск мыслит, если можно так выразиться, «стереоскопически». Для него понятие «оборона» лишь вынужденная форма ведения боевых действий, причем только в том случае, если операция потерпела поражение.

Другими словами, когда пехота и танки могут или наступать, или обороняться, то бойцы спецподразделений всегда идут только вперед, для них само понятие «линия фронта» — иллюзорно. Пребывание в тылу врага — это «жизненная среда», в которой диверсант должен чувствовать себя как рыба в воде. Весь процесс боевой подготовки «спецназовца» направлен на то, чтобы в экстремальной ситуации он мог вести себя естественно. Другими словами, война для бойца спецподразделения не имеет «линии фронта». Постоянная готовность встретить опасность лицом к лицу — сущностная черта психологии «спецназовца». Отсюда и жесткие, а порой и жестокие формы и методы ведения боевых действий.

Одновременно с ликвидацией Абвера и переподчинения его структур РСХА часть личного состава «бранденбуржцев», наработанные формы и методы подготовки и нереализованные планы диверсантов Канариса стали достоянием «СС Ягдфербанд». Заметим, что примерно за год до того момента, когда Абвер перестал существо-

вать, командиру первого диверсионного подразделения СД «Фриденталь» (на тот момент еще почти никому не известному) гауптштурмфюреру СС Скорцени удалось переманить в свои ряды нескольких оптыных «бранденбуржцев», имевших за плечами четырехлетний опыт проведения диверсионных операций в Греции, Голландии, Норвегии и других странах, в том числе и на советско-германском фронте в 1941—1943 годах.

Вот лишь некоторые из планов, которые витали в головах руководителей германской разведки. В 1944(!) году немцы планировали направить в глубокий советский тыл диверсионно-повстанческие отряды, численностью по 120—170 человек каждый, с целью организовать восстание против Советской власти в Средней Азии, перебросить на самолетах 36 батальонов для восстания в Калмыкии, создать широкомасштабное псевдопартизанское движение на освобожденной от оккупантов территории, взорвать стратегические мосты через Волгу, чтобы перерезать снабжение советских войск продукцией военных заводов Урала и Сибири...

Однако реализации этих амбициозных планов помешали Красная Армия, высокий професионализм и мужество советских контрразведчиков. В тот период перед советской контрразведкой встала серьезная задача — не только нейтрализовать действия вражеской агентуры в советском тылу и прифронтовой полосе, разоблачать засылаемых диверсантов и шпионов, но и взять инициативу в свои руки, обратить оружие, созданное противником, против него самого.

РАДИОИГРЫ ЛУБЯНКИ

Победа советского народа в годы Великой Отечественной войны слагалась не только из героических подвигов на полях сражений, на заводах и фабриках в тылу, но и на фронтах «тайной войны». Война, развернувшая-

ся между спецслужбами Германии и Советского Союза, также приняла невиданные до этого масштабы.

Порой именно успехом или неуспехом на невидимых полях сражений определялась победа в той или иной стратегической операции на фронтах Великой Отечественной. Наряду с традиционными боевыми действиями на суше, на море и в воздухе разгорелась настоящая битва в радиоэфире.

Радиоигры[1] со спецслужбами противника были взяты на вооружение и советскими спецслужбами в лице НКВД и ГУКР «Смерш». В документах советской военной контрразведки такие специальные операции получили для обозначения заглавную литеру «Э», по первой букве слова «эфир».

При помощи радиоигр советской военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны удалось решить следующие задачи: эффективно дезинформировать германскую разведку, оказывая тем самым большую помощь командованию Красной Армии на полях сражений; перехватывать каналы связи разведки противника со своей агентурой, заброшенной в советский тыл, и тем самым парализовать подрывную деятельность его агентуры в прифронтовой полосе и глубоком тылу; вызывать на нашу территорию агентов Абвера и СД с последующей нейтрализацией или перевербовкой; «подставлять» германской разведке наших агентов под видом содержателей явочных квартир или других лиц; внедрять своих агентов непосредственно в разведорганы противника, в том числе в школы по подготовке разведчиков-диверсантов и радистов; своевременно выявлять действующие в советском тылу резидентуры врага, созданные как в довоенный период, так и в годы войны; создавать необходимые условия для проведения

---

[1] О радиоиграх НКВД–НКГБ и «Смерш» см. также: *Макаров В.Г., Тюрин А.В.* Так начинался «Опыт» // Военно-промышленный курьер. 2007. № 37(203).

контрразведывательной работы в выгодном для советской разведки направлении и др.

«Радиовойну» с германскими спецслужбами советская контрразведка активно начала в 1942 году. Первое время эту работу одновременно вели: 4-е Управление НКВД СССР под руководством П.А. Судоплатова, 1-й (немецкий) отдел 2-го Управления, возглавляемый П.П. Тимофеевым, в составе которого функционировало специальное отделение по радиоиграм (начальник — Н.М. Ендаков). Наряду с IV и II Управлениями НКВД СССР в радиоиграх с противником активное участие принимали и территориальные подразделения органов госбезопасности.

Первой работой, на страницах которой в документально-художественной форме отечественному читателю рассказано о радиоиграх советской контрразведки в 1942—1945 годах, стала книга почетного сотрудника госбезопасности полковника Дмитрия Петровича Тарасова. О первых организаторах радиоигр советской контрразведки Д.П. Тарасов писал: «Зачинателями радиоигр с использованием захваченных агентов-радистов разведывательных органов фашистской Германии, первопроходцами в этом важном деле, его организаторами являлись два замечательных, к великому сожалению, уже ушедших из жизни чекиста: начальник отдела центрального аппарата советской контрразведки генерал-майор (тогда майор госбезопасности с одним ромбом в петлицах) Петр Петрович Тимофеев и начальник отделения этого же отдела генерал-майор (тогда капитан госбезопасности с тремя шпалами в петлицах) Барышников Владимир Яковлевич... У Барышникова В.Я. было три заместителя, являвшиеся руководителями направлений. Одним из них, возглавлявшим направление, занимавшееся использованием захваченных вражеских агентов с рациями, был ныне покойный Ендаков Николай Михайлович, бывший особист авиации, носивший по привычке летную форму с двумя шпалами в петлицах.

В свои тридцать два года он заслужил репутацию бывалого человека, имевшего весомый опыт оперативной работы. Достаточно сказать, что уже в возрасте 27—28 лет (1936—1937) он занимал пост комиссара авиации республиканской армии в Испании... Первоначально в подчинении Ендакова Н.М. было два работника: автор этих строк — оперативный уполномоченный с тремя кубарями в петлицах, вскоре повышенный в должности до старшего оперуполномоченного, и оперативный уполномоченный Лебедев Иван Павлович... Летом 1942 года в связи с увеличением объема работы группу пополнил еще один работник — оперативный уполномоченный Григоренко Григорий Федорович, 24-летний украинец, только что зачисленный в центральный аппарат контрразведки»[1].

* * *

В ходе радиоигр сотрудники НКВД-НКГБ постоянно совершенствовали формы и методы борьбы с противником, широко применяли новейшие оперативно-технические средства. В том числе большое внимание уделялось радиоконтрразведке и дешифровке полученных данных с использованием новейших оперативно-технических средств.

Уже в конце 1930-х годов органы безопасности приступили к созданию собственной радиоконтрразведывательной службы (РКРС), которая на вооружении имела самую мощную и совершенную по тому времени аппаратуру.

С началом агрессии нацистской Германии против СССР, в конце 1941 года, в расположении действующих частей Красной Армии была установлена радиостанция, работавшая на частотах и иных радиоданных (коды, позывные, шифры и проч.), применявшихся в советских воинских подразделениях, но отличавшихся четкостью и аккуратностью при работе на телеграфном ключе.

---

[1] *Тарасов Д.П.* С. 16—17.

Как выяснилось в ходе проверки, радиостанция использовалась немецкой агентурной группой. Немедленно во всех частях и соединениях Красной Армии и в Военно-морском флоте СССР были изменены радиоданные и установлены новые коды и шифры. Противник своевременно не обратил внимание на это обстоятельство, и органы НКВД в короткие сроки установили и обезвредили большое количество разведывательных и диверсионных групп, действовавших в советском тылу и продолжавших применять обнаруженную радиоконтрразведкой их радиомаскировку.

В годы войны РКРС вела постоянное наблюдение за работой радиостанций противника, дешифровала передаваемые и принимаемые им радиограммы. Вместе с органами военной контрразведки большую помощь командованию Красной Армии оказала служба радиоразведки и радиоперехвата органов НКВД—НКГБ. Полученные в результате этой работы сведения о дислокации и численном составе основных группировок германских войск, готовящихся наступательных и оборонительных операциях противника, сосредоточении резервов и т. п. оперативно передавались в Ставку Верховного Главнокомандования.

Для фиксации работы агентурных радиостанций противника на территории, занятой советскими войсками, формировались специальные розыскные радиопеленгаторные группы. На активизацию этой работы и координацию действий всех советских спецслужб нацеливал приказ НКВД СССР от 20 марта 1942 года, в котором говорилось: «...Учитывая необходимость усиления радиоконтрразведывательной работы, наркомам внутренних дел союзных и автономных республик и начальникам управлений краев и областей, где дислоцированы контрольно-слежечные радиостанции и пеленгаторные пункты, обеспечить тесную связь между 2-ми и 5-ми спецотделами для использования расшифрованных материалов радиоперехвата в интересах контрразведы-

вательной работы. В этих же целях обеспечить тесную связь вторых спецотделов со оперативными отделами и следственными частями... Кроме того, необходимо уделить серьезное внимание радиоразведывательным станциям и пеленгаторным пунктам и оказать необходимую помощь в их работе».

В июле 1942 года органы госбезопасности передали в Ставку разведывательную информацию о том, что германское командование создало на юге две крупные армейские группировки: «А» — в составе 1-й танковой армии, 17-й армии, 3-й румынской армии, итальянской армии, групп «Витерсхейм» и «Крым» и «Б» — в составе 2-й и 6-й армий, 4-й танковой армии и других соединений. Было сообщено, что группировка «А» будет наступать на Северный Кавказ, а группировка «Б» — наносить удар по частям Красной Армии между Доном и Волгой в направлении на Сталинград, прикрывая фланги армий, продвигающихся на Кавказ.

В августе 1942 года органы госбезопасности передали командованию Сталинградского и Донского фронтов сведения о том, что в 6-ю армию генерал-полковника Ф. Паулюса входят 8-й и 51-й армейские, 14-й и 24-й танковые корпуса, а в 4-ю армию Г. Гота — 4-й армейский, 48-й танковый и 6-й румынский армейский корпуса. 30 августа 1942 года органы госбезопасности информировали Советское командование о том, что 4-я танковая армия получила задачу к 1 сентября соединиться с 6-й армией и захватить Сталинград.

* * *

Первый год войны на советско-германском фронте позволил накопить ценный опыт противоборства с противником на фронтах «тайной войны». Наступательная тактика советских органов безопасности с германскими спецслужбами заключалась в первую очередь в выявлении местонахождения учебных центров Абвера,

установлении личности преподавателей и инструкторов и обучающегося в них контингента из числа советских военнопленных, определении характера разведывательно-диверсионных заданий.

Например, в связи с начавшимся наступлением на Сталинград в районе Воронежского и Донского фронтов противник был крайне заинтересован в получении разведданных о дислокации частей Красной Армии, строительстве оборонительных сооружений и воинских перевозках по Волге. Поэтому заброска вражеской агентуры в прифронтовую полосу резко возросла. Воспользовавшись этим обстоятельством, УНКВД Сталинградской области летом—осенью 1942 года провело несколько радиоигр с германской разведкой («Яковлев», «Доверенный», «Михайлов», «Алексеев» и др.).

На тот период руководство и сотрудники УНКВД Сталинградской области не имели достаточного опыта в проведении спецопераций в эфире, не обходилось и без ошибок. Так, например, во время радиоигры «Яковлев» (24 апреля — 29 июля 1942 г.) включенный в радиоигру агент Абвера Орлов ушел от наружного наблюдения и перебежал на сторону немецких войск. Позднее по показаниям задержанной агентуры германской разведки стало известно, что в 1943 году Орлов служил инструктором в Варшавской разведшколе.

* * *

В начальный период сражений на советско-германском фронте большой вклад в борьбу с разведывательно-диверсионной агентурой врага внесли контрразведчики областных управлений НКВД[1]. Именно им принадлежит

[1] О радиоиграх территориальных подразделений НКВД СССР в начальный период Великой Отечественной войны см. также: *Разин А.В.* Становление и развитие оперативных радиоигр с противником на начальном этапе Великой Отечественной войны // Лубянские чтения. 2005. С. 39—44.

заслуга в приобретении бесценного опыта в проведении радиоигр с противником, который успешно был развит легендарной военной контрразведкой «Смерш».

В наши дни об этих малоизвестных эпизодах противостояний советской контрразведки с Абвером можно порой прочитать на страницах юбилейных изданий, выпускающихся российскими органами безопасности, или региональных газет и журналов. Например, в книге, подготовленной Самарским управлением ФСБ России, рассказано об одной из таких операций: «Одна из таких успешных радиоигр, в ходе которой с берегов Волги в Абвер шло огромное количество дезинформации, была проведена Управлением НКВД СССР по Куйбышевской области. В начале 1942 года на территорию Куйбышевской области после окончания одной из разведшкол, находящейся под Варшавой, была заброшена группа агентов Абвера.

Интерес к Куйбышевской области немецкая разведка начала проявлять еще до начала войны. В ту пору г. Куйбышев, с его полумиллионным населением, становился одним из наиболее развитых промышленных центров страны. Но особый интерес стал проявляться после того, как город стал запасной столицей СССР, куда в октябре 1941 года эвакуировали аппарат ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР, Президиум Верховного Совета, а также более 40 крупнейших оборонных предприятий.

Выброшенная группа состояла из двух человек: Васильченко и Давыдова. Агент Васильченко еще в немецкой «учебке» решил, что сразу же после заброски в тыл придет с повинной, что он и сделал. Его же напарник Давыдов оказался полной противоположностью — бывшим уголовником и настоящим предателем. После ареста и допроса Довыдова переправили в Москву, а вместо него к Васильченко приставили старшего оперуполномоченного НКГБ СССР Фортуната Козика.

Их группа получила кодовое название «Кустарник». Разведчики выходили в эфир два раза в сутки, составляли шифровки, учитывая обстановку на фронте. Их «деза» казалась настолько правдивой, что немцы стали проверять благонадежность источника. Наконец пришел ответ: «Благодарим за работу, продолжайте собирать информацию».

Дом в Сызрани на ул. Интернациональной, где жили Козик и Васильченко, находился под постоянным наблюдением чекистов: нужно было взять агента — связника. Но немцы о нем пока ничего не сообщали. И только после того, как сигнал рации стал совсем слабым (садилось питание), пришла шифровка, что связник уже прибыл и скоро появится на конспиративной квартире.

Вновь прибывшим агентом оказался Береговой, который учился в одной школе с Васильченко и считался одним из лучших по диверсионной подготовке. По прибытии на явочную квартиру связник был арестован. Сведения, полученные от него, прояснили секреты операции «Цеппелин». Получая дезинформацию из Сызрани, немцы до последнего верили своей «восточной» агентуре.

К оперативным результатам «Кустарника» можно отнести следующее: в 1942 году немецкая разведка благодаря нашей дезинформации допустила крупный просчет, не заметив сосредоточение советских войск под Сталинградом; ни один из объектов диверсионных устремлений вражеских агентов, заброшенных в область, не был уничтожен; чекисты захватили разведчиков-диверсантов, агентов-связников, от которых, помимо другой ценной информации, получили точные координаты Варшавской разведшколы, где они проходили подготовку. Данные передали авиации, и «центр подготовки» был подвергнут бомбардировке»[1].

Другая «игра в эфире» — под кодовым наименовани-

---

[1] Крепость на Волге. 85 лет УФСБ РФ по Самарской области. — Самара, 2003. С 43—44.

ем «Хозяин» — проводилась вологодскими контрразведчиками. Вблизи станции Кипелово в Сокольском районе Вологодской области были сброшены на парашютах три вражеских агента-разведчика. После приземления они явились с повинной в ближайший орган советской контрразведки.

Об этой радиоигре, проводившейся вологодскими контрразведчиками в том же 1942 году, эмоционально рассказала журналист Юлия Лаврова: «Восемь месяцев 1942 года вологодские чекисты «водили за нос» офицеров рейха, передавая им ложную информацию. Эта легендарная операция даже вошла в учебники по подготовке разведчиков. «Ваши документы!» — козырнул военный патрульный. Молодой офицер остановился на привокзальной платформе в Бабаеве и протянул военный билет. «Орлов Николай Васильевич, лейтенант Красной Армии» — значилось в документе. С фотографии серьезно смотрел человек с открытым, добрым лицом. Документы были в полном порядке, но патрульный все же пригляделся к Орлову внимательней: слишком напряженным был его взгляд, а руки нервно теребили ремешок вещмешка. Через день на допросе в вологодском НКВД Николай Орлов назвал свою настоящую фамилию и цель, с которой он был заброшен в район железнодорожной станции Бабаево. В феврале 1942-го Николай Алексеенко в составе разведывательно-диверсионной группы из трех человек был заброшен в Вологодскую область — для сбора информации о передвижениях военных эшелонов. Именно через Вологду шла одна из главных железнодорожных магистралей, обеспечивающих до 30 % нужд фронта. Вологодчина являлась важнейшим тыловым стратегическим пунктом, здесь были оборудованы огромные склады боеприпасов, обмундирования, продовольствия.

Как только Алексеенко дал первые показания, чекисты отправились в Бабаевский район и задержали

остальных членов группы — Диева (псевдоним «Крестцов») и Лихогруда (псевдоним «Малиновский»). Они отказались сотрудничать с НКВД и 25 мая 1942 года по приговору военного трибунала были расстреляны. Алексеенко же поселили на конспиративной квартире и установили связь с его непосредственным командиром — начальником Абвергруппы 104 полковником Гемприхом. Николай Алексеенко был в группе радистом, что значительно облегчило задачу вологодским чекистам. В немецком разведцентре знали его позывной «Орлов» и индивидуальный радиопочерк. Уже в марте 1942-го Гемприх получил первую радиограмму от «Орлова»: «Прибыли на место, приступаем к выполнению задачи».

В течение 8 месяцев на «Орлова» работал целый аналитический отдел НКВД. Дезинформация являла собой тонкую, филигранную работу мысли. Ни разу за то время, что продолжались радиоигры с немцами, «Орлова» не заподозрили в связи с советской разведкой.

До сих пор в архиве УФСБ [России] по Вологодской области хранится журнал работы радиостанции. В одной из радиограмм, к примеру, проходит сообщение о мифическом сотруднике штаба 457-й стрелковой дивизии старшем лейтенанте Сергее Аполлонове — большом болтуне и любителе выпить. В другой содержится намек на активизацию повстанческого движения: высланные в Вожегодский район украинцы «открыто говорят против Советской власти и за возрождение Украины».

Вологодские чекисты не знали, сколько еще диверсионных групп могут работать в нашей области, поэтому каждая шифровка в штаб Абвера сопровождалась прикрытием. Например, советские войска готовили наступление на юге, а «Орлов» передает в разведцентр, что военные эшелоны с провиантом и боеприпасами движутся на север. И на самом деле несколько составов оборудовали муляжами танков и «самоходок», поставили на вагонах медицинские кресты, а внутрь посадили

одного-единственного человека, который топил печку, чтобы пар валил из всех окон. Создавалось впечатление, что действительно готовится наступление на севере. Ночью же настоящие снаряженные эшелоны уходили на юг.

...Немцы в изобилии снабжали агента документами, батареями для радиостанций и деньгами. В то время «Орлов» получал с авиагрузом до 14 тысяч рублей! Правда, деньги эти были чистой «липой». Гитлеровцы успешно освоили производство высококачественных фальшивок и в изобилии снабжали ими завербованных агентов. Самолеты на большой высоте перелетали через линию фронта, сбрасывали груз в заранее оговоренном месте — где-нибудь в сокольских лесах — и возвращались обратно. А Орлов рапортовал: «Деньги и документы получил!»

Иногда ценные посылки передавались из рук в руки. 7 декабря 1942 года немцы направили к Алексеенко курьера-связника, перебросив последнего через линию фронта на самолете. Курьер вез фиктивные документы, теплые вещи, оружие, 60 тысяч рублей. По требованию Москвы обезвреженный агент по фамилии Баракшин был срочно этапирован на Лубянку.

Кстати, московские коллеги, узнав о радиоигре вологжан, взяли на вооружение некоторые ее элементы, а позже операция под кодовым названием «Хозяин» (так вологжане окрестили полковника Гемприха) вошла во все учебники по подготовке разведчиков. ...Алексеенко был выведен из игры в начале 1943-го под предлогом того, что вынужден уехать из Вологды — якобы появился риск разоблачения. Немцы и на сей раз ему поверили. На самом деле его отправили в Вологодскую тюрьму, где он и находился до 1944 года. Особым совещанием Военного трибунала Николай Алексеенко был приговорен к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. Но по ходатайству вологодских чекистов срок наказания снизили

до 3 лет. О дальнейшей его судьбе известно лишь то, что после освобождения он вернулся в Вологду...»[1].

Постепенно в игру включались все новые радиостанции, расширялся и географический регион шпионской работы, который интересовал германские спецслужбы. Эти новые каналы, вплоть до капитуляции Германии, использовались для дезинформации противника. Об этой радиоигре подробно рассказано в документальном телефильме «Засекреченная любовь. Жажда жизни», который был показан на телевидении в начале 2007 года.

Получаемые от советской контрразведки сведения помогали командованию Красной Армии своевременно принимать правильные решения о проведении стратегических операций на фронтах Великой Отечественной войны. С каждым годом войны ширились масштабы дезинформационных операций, в том числе совершенствовалась и тактика проведения радиоигр с противником.

Вместе с тем анализ допущенных ошибок при организации проведения радиоигр позволил накопить ценный опыт, которым впоследствии в полной мере воспользовался 3-й отдел ГУКР «Смерш» НКО СССР.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ «МОНАСТЫРЬ—КУРЬЕРЫ—БЕРЕЗИНО»[2]

Однако часть подобного рода акций все же осталась в НКВД—НКГБ СССР. К ним относится и одна из крупнейших из радиоигр советской контрразведки периода

---

[1] *Лаврова Ю.* Момент истины // Премьер. 2005. 3—10 марта. № 3(383).

[2] Об операции «Монастырь» см. также: *Тюрин А.В., Макаров В.Г.* Поединок Лубянки с Абвером. Радиоигра под названием «Монастырь» // Независимое военное обозрение. 2005. № 15; *Макаров В.Г., Тюрин А.В.* Неизвестные страницы легендарной операции «Монастырь» // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. II. — М., 2006. С. 194—253.

Великой Отечественной войны, получившая кодовое наименование «Монастырь». Она проводилась IV Управлением НКВД–НКГБ СССР под руководством генерал-лейтенанта П.А. Судоплатова и продолжалась почти всю войну: с осени 1942-го по весну 1945 года.

Учитывая большой масштаб оперативных мероприятий задуманной легенды, из «Монастыря» выделили материалы в два самостоятельных дела. По одному из них — «Курьеры» — проводились дальнейшие оперативные мероприятия по задержанию немецких агентов, прибывавших в Москву в качестве разведчиков и курьеров. По другому — «Березино» — легендировалось наличие крупной немецкой воинской части под командованием подполковника Шерхорна, скрывающейся в лесах Белоруссии и пытающейся установить связь с командованием германской армии. Не случайно в своих воспоминаниях Судоплатов отмечал: «Радиоигра, планировавшаяся вначале как средство выявления лиц, сотрудничавших с немцами, фактически переросла в противоборство между НКВД и Абвером»[1].

От «Треста» к «Монастырю»

По своему стратегическому замыслу «Монастырь» можно считать логическим продолжением легендарной операции «Трест», проведенной КРО и ИНО ГПУ/ОГПУ в 1921—1927 годах. Тогда, в начале 1920-х годов, контрразведчики молодой Республики Советов столкнулись с планами эмигрантских монархических организаций, мечтавшими осуществить государственный переворот в России. Не принимать во внимание замыслы монархистов чекисты не имели права.

Революция, а затем и Гражданская война вынудили миллионы наших соотечественников покинуть Родину.

---

[1] *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. — М., 1997. С. 243.

В их числе оказались и те, кто с оружием в руках сражался с большевиками. По подсчетам специалистов, несмотря на большие потери, которые понес офицерский корпус Белой армии в Гражданской войне, в эмиграции оказалось до 80—100 тысяч офицеров[1]. Кроме того, невзирая на трудности, Белая армия во многом сохранила свою структуру в виде рассеянного по разным странам Российского общевоинского союза (РОВС). В 1921—1922 годах из военизированных белогвардейских структур ушло лишь 16 % офицеров и 25 % рядового состава. Среди оставшихся же укрепился корпоративный дух, презрение к покинувшим армию, взаимовыручка и поддержка офицеров и солдат, верных законам войскового товарищества[2]. С такой силой нельзя было не считаться.

Зная о планах «заграничных» монархистов и экстремистских группировок развернуть террористическую деятельность в Советской России, руководство ГПУ (с 1923 года — ОГПУ) решило легендировать существование нелегальной организации «Монархическое объединение Центральной России», сокращенно МОЦР. В эмигрантских кругах на Западе она получила название «Трест».

Неизвестные страницы рождения самого плана грандиозной операции недавно опубликованы В. Карповым: «В глуши Смоленской губернии проживал генерал-лейтенант царской армии Владимир Джунковский, который в свое время был... шефом Отдельного корпуса жандармов. От своих сослуживцев этот генерал отличался высокой порядочностью и честностью. ...В декабре 1917 года он, уже при большевиках, вышел в отставку с сохране-

---

[1] См. подробнее: Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. — М., 1993. С. 56—57; *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. — М., 1987. С. 26—32.

[2] *Устинкин С.В.* Офицерский корпус Белой гвардии и его вклад в сохранение русской культуры в эмиграции // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: новые документы и материалы. — М., 2001. С. 108.

нием мундира и пенсии, а в ноябре 1918 года выступил свидетелем на процессе провокатора Малиновского. Председатель ВЧК Ф. Дзержинский убедил Владимира Федоровича стать консультантом ВЧК в борьбе с контрреволюцией, тогда же состоялось его знакомство с А. Артузовым. В. Джунковский вместе с начальником КРО разработал операцию «Трест», которая вошла в учебники всех спецслужб мира. Работая над операцией, он пояснил, что чекистам не следует гоняться за отдельными террористами и контрреволюционерами, ибо это ничего не даст. Необходимо создавать легендированные организации, членами которых якобы являются реально существующие лица, хорошо известные белой эмиграции. Так родилась легендированная чекистами «Монархическая организация Центральной России» (МОЦР), которая использовалась ими для оперативной игры с Высшим монархическим советом. Шесть лет шла оперативная игра с использованием в качестве «эмиссара» МОЦР А. Якушева. Шесть лет изо дня в день Джунковский вместе с Артузовым вели этот опасный эксперимент, вводили в игру новые лица, организовывали «инспекционную поездку» в СССР В. Шульгина, создавая тем самым на Западе авторитет легендированной организации. Для придания большей убедительности «всемогуществу» МОЦР для представителей Запада и русских монархистов велась дезинформация о том, что «ярыми антибольшевиками» являются видный деятель партии Пятаков, «красный маршал» Тухачевский, бывшие царские генералы Потапов, Свечин, полковник Шапошников и др.»[1].

Сторонники реставрации монархии в России хорошо понимали, что без поддержки внутри страны их планы обречены на провал. Поэтому они были внутренне готовы и сами искали возможности установить контакты с

---

[1] *Карпов В.* Гроссмейстер спецслужб // Новости разведки и контрразведки. 2000. № 23—24. С. 2—3.

монархическим подпольем в РСФСР. Советская контрразведка «учла» эти пожелания и сделала первый ход.

С целью внедрения в эмигрантские монархические группировки к сотрудничеству с ГПУ был привлечен дворянин по происхождению, ответственный работник Наркомата внешней торговли А.А. Якушев. При выборе исполнителя на роль курьера между МОЦРом и монархической эмиграцией на Лубянке, вероятно, учли, что в характере русского дворянина важнейшая черта — это служение Отечеству. В какой-то мере ментальность «служивого» сословия и вообще людей такого сорта объясняют слова другого человека, принявшего предложение сотрудничать с НКВД, полковника польской армии Леопольда Окулицкого: «Будет Польша красной — хорошо, пусть будет, лишь бы только была»[1].

К началу 1920-х годов противостояние «красные—белые» пошло на спад. Все хотели одного — мира. И в эмиграции, и в новой России понимали, что большевики представляют из себя единственную и реальную власть в стране, как следствие — сотрудничество с Советами не воспринималось как предательство «классовых интересов». Пореволюционые течения, такие, как «сменовеховство» и «евразийство», способствовали осознанию эмигрантами того, что Россия не погибла, а значит, есть надежда на ее возрождение и возвращение на Родину. Все это, возможно, повлияло на согласие Александра Якушева пойти на сотрудничество с советской контрразведкой.

По заданию ГПУ он внедрился в эмигрантские монархические круги и установил постоянную связь с великим князем Николаем Николаевичем, председателем РОВСа П.Н. Врангелем и председателем Высшего монархического совета Н.Е. Марковым. Авторами идеи создания

---

[1] *Окулицкий Л.Б.* Мои личные показания о деятельности польской нелегальной организации СВБ на оккупированных Германией и СССР территориях, а также представление моей личной деятельности в этой организации // Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939—1941 гг. Варшава-Москва, 2001. С. 1210.

МОЦРа были известные чекисты В.Р. Менжинский, А.Х. Артузов, В.С. Кияковский, В.А. Стырне, Н.И. Демиденко и другие сотрудники КРО ГПУ/ОГПУ. Формально МОЦР возглавлял хорошо известный в эмигрантских кругах, оставшийся в Советской России бывший царский генерал А.М. Зайончковский.

Подлинный же «штаб» подпольной организации располагался на пятом этаже дома № 2 на Большой Лубянке. В результате операции «Трест» к концу 1920-х годов ОГПУ удалось глубоко внедриться в эмигрантские военно-политические организации, контролировать активность РОВСа, своевременно пресекать диверсии и террористические акты на территории СССР. Фактически активные действия советской контрразведки сорвала планы по развязыванию очередной кровавой авантюры в России.

Заметим, что эта операция проведена ОГПУ исключительно гуманно, с минимальными человеческими жертвами, но нанесла значительный урон планам военизированных белоэмигрантских организаций организовать массовый террор в России. Об этом же писал один из невольных участников операции В.В. Шульгин: «Резюмируя деятельность «Треста» относительно эмиграции, нужно признать, что Федоров—Якушев и компания, если верили Опперпуту, фантастически ловко многих из нас одурачили. Но тут же надо признать и другое, что деятельность этой «легенды» относительно русской эмиграции не была кровожадна. На душе ее лежит гибель Сиднея Рейли и то, если верить Опперпуту, с некоторыми смягчающими обстоятельствами. Из русской же эмиграции, насколько я знаю, не погиб никто. «Трест» аккуратно возвращал знатных и незнатных путешественников обратно в эмиграцию[1], находя, по-видимому, особое удовольствие в этом издевательстве над проницательно-

[1] Например, так же как и В.В. Шульгин, беспрепятственно вернулся после нелегальных поездок в Советскую Россию известный «евразиец» П.Н. Савицкий.

стью доверчивых людей, которые летели, как бабочки на огонь, на немеркнущий огонь России...»[1].

В результате действий чекистов была парализована не только террористическая, но, по существу, любая другая военная активность эмигрантских кругов, не потерявших надежд силой оружия свергнуть большевистский режим в России. А это означало, что были спасены десятки, а может быть, и сотни тысяч жизней наших соотечественников. Различие же между «провокацией» и «чекистской комбинацией» убедительно показал в фильме «Доверие и вероломство» из документального сериале «Мифы без грифа» известный историк спецслужб А.А. Зданович. При таком подходе «Трест» предстает не грандиозной провокацией, а высокогуманной акцией (пусть это и звучит парадоксально!), предотвратившей очередное кровопролитие в многострадальной России.

Британская «Энциклопедия шпионажа» так оценила эту стратегическую комбинацию российских чекистов: «Трест» — операция дезинформации, организованной советской разведкой в первые годы своего существования. Пришедшие к власти в России в результате революции 1917 года большевики легендировали существование организации «Трест», якобы боровшейся за свержение установившегося в стране режима. Легендированная организация (ее официальное название — Монархическая Ассоциация Центральной России) была предназначена для выявления и нейтрализации антибольшевистских сил. Общее руководство операцией «Трест» осуществлял лично Феликс Эдмундович Дзержинский. «Трест», как магнит, притягивал к себе антисоветчиков-эмигрантов, которые возвращались в Россию, не подозревая о том, что их заманивают в ловушку»[2].

Обратим внимание на некоторые особенности опе-

---

[1] *Шульгин В.В.* Послесловие «К трем столицам» // Сегодня. 1927 г. 18—20 октября. №№ 235—237.

[2] Энциклопедия шпионажа. — М., 1999. С. 639—640.

рации «Трест». Во-первых, согласно замыслу ключевую роль в них должен сыграть человек, пользующийся доверием в монархических эмигрантских кругах, т. е. дворянин по происхождению. Во-вторых, объект операции — «монархическое подполье». В-третьих, комбинационное решение — под прикрытием монархического «плаща» агент должен был внедриться в лагерь противника. Наконец, в-четвертых, в числе названных выше «других сотрудников КРО ГПУ/ОГПУ», участвовавших в операции «Трест», был будущий заместитель начальника 4-го Управления НКГБ СССР Наум Эйтингон.

В операции «Монастырь» прослеживаются те же основные комбинационные ходы, что и в операции «Трест». Легенда операции «Монастырь» (первоначально предполагалось назвать ее «Дворянское гнездо»[1]) основывалась на использовании официальной доктрины германской разведки о существовании в СССР «пятой колонны». То есть и в 1921-м, и спустя 20 лет советские контрразведчики вновь «пошли навстречу» своим противникам и «выдали желаемое за действительное». Человеком, выступившим перед Абвером в качестве представителя якобы существующей «церковно-монархической организации, действующей в Москве и руководимой поэтом Садовским», выступил дворянин, сын казачьего есаула Александр Демьянов. В качестве лидера несуществующего «подполья» использовалась фигура поэта и литературоведа Бориса Садовского, еще до революции широко известного своими монархическими взглядами. Таким образом, налицо явные совпадения в планах и проведении операций, что и дает основания считать «Монастырь» логическим продолжением «Треста». К тому же, примерно такой же точки зрения придерживаются и некоторые другие авторы[2].

---

[1] Об этом упоминалось в рапорте начальника 1-го отделения 2-го отдела начальнику 2-го отдела НКВД об отправке «Гейне» за линию фронта от 16 января 1942 г.

[2] *Дамаскин И.А.* 100 великих операций спецслужб. — М., 2003. С. 294.

Операция «Монастырь» имела несколько направлений. Одним из них являлось вскрытие прогерманских настроений среди «старой» интеллигенции. Эта работа проводилась по линии Секретно-политического отдела ОГПУ. Еще с начала 1930-х годов советские контрразведчики наблюдали за Садовским, вокруг которого постоянно вращались монархически настроенные единомышленники. Так, 23 января 1942 года начальники 3-го и 4-го управлений НКВД СССР Николай Горлинский и Павел Судоплатов совместно докладывали заместителю наркома внутренних дел СССР Богдану Кобулову: «В 1933 году органами НКВД была вскрыта и ликвидирована монархическая группа молодежи, группировавшаяся вокруг Садовского, сам Садовский арестован не был. Ликвидированная группа уже тогда ориентировалась на германский фашизм. Вторая группировка, созданная Садовским, была ликвидирована в 1935 г., и, наконец, третья группа (Раздольского) была вскрыта СПУ НКВД СССР в начале 1941 г. ...» Этот документ, по существу, стал базовым для легенды операции «Монастырь», направленной на борьбу с немецкой разведкой в годы Великой Отечественной войны.

Посланник «Дворянского гнезда» проникает в Абвер

«...Первоначально операция «Монастырь» разрабатывалась нашей группой и Секретно-политическим управлением НКВД, а затем, с июля 1941 года, в тесном взаимодействии с ГРУ. Целью операции «Монастырь» являлось наше проникновение в агентурную сеть Абвера, действовавшего на территории Советского Союза. Для этого мы создали прогерманскую антисоветскую организацию, ищущую контакты с германским верховным командованием» — так в общих чертах описал цели этой чекистской «игры» с опасным противником П.А. Судоплатов[1].

---

[1] *Судоплатов П.А.* Спецоперации. С. 239.

По плану операции «Монастырь», разработанному 4-м Управлением НКВД СССР, предлагалось воспользоваться желанием Садовского установить связь с немцами. Операция преследовала решение следующих задач: 1) создание канала, по которому можно будет забрасывать нашу специальную агентуру в Германию; 2) дезинформация немцев о положении в СССР и 3) выяснение круга вопросов, интересующих немцев. Для проникновения в разведывательные структуры германской армии советская контрразведка решила перебросить через линию фронта, в качестве курьера «церковно-монархической группы Садовского», советского агента «Гейне».

По словам Судоплатова, в операции принимали участие следующие «действующие лица»: «...Для придания достоверности операции «Монастырь» в ней были задействованы поэт Садовский, скульптор Сидоров, которые в свое время учились в Германии и были известны немецким спецслужбам, их квартиры в Москве использовались для конспиративных связей. Как я уже упоминал, наш замысел сводился к тому, чтобы создать активную прогерманскую организацию «Престол», которая могла бы предложить немецкому Верховному командованию свою помощь при условии, что ее руководители получат соответствующие посты в новой антибольшевистской администрации на захваченной территории. Мы надеялись таким образом выявить немецких агентов и проникнуть в разведсеть немцев в Советском Союзе»[1].

О главных действующих лицах операции «Монастырь» другие авторы сообщают более подробные, но менее правдоподобные сведения: «...Кандидаты в подпольную монархическую организацию вскоре нашлись — они все были на учете в НКВД. Ими стали бывший предводитель Дворянского собрания Нижнего Новгорода Глебов, член-корреспондент Академии наук Сидоров, поэт Садовский и другие. Все они, по прихоти судьбы, жили на террито-

---

[1] *Судоплатов П.А.* Спецоперации. С. 243.

рии Новодевичьего монастыря, в своего рода «Вороньей слободке», были безобидными ворчунами, и НКВД их не трогал, а иногда и пользовался их услугами. Наиболее яркой фигурой был поэт Садовский, жена которого гадала на картах и давала сеансы спиритизма. Ее посещали жены высокопоставленных деятелей, например супруга члена Политбюро А.И. Микояна. В СССР Садовский как поэт не был известен, но в Германии издавались его поэмы, в том числе и та, в которой он восхвалял немецкую армию. Из этих лиц с помощью агентуры и была создана организация «Престол»; по месту жительства ее членов получившая оперативное наименование «Монастырь»[1].

В приведенной цитате правда густо перемешана с вымыслом. Во-первых, кроме Садовского, на территории Новодевичьего монастыря никто из указанных лиц не жил. Во-вторых, Садовский был широко известным в России поэтом и публицистом еще дореволюционной поры, другом Брюсова и Блока, знакомым почти со всеми известными в стране поэтами и писателями. В-третьих, произведения Садовского, в которых «он восхвалял немецкую армию», ни в Германии, ни в какой другой стране не издавались вовсе. В-четвертых, в 1941 году Сидоров не был «членом-корреспондентом Академии наук». В-пятых, о том, кто такой «Глебов», сам господин Шарапов может узнать, внимательно прочитав собственное произведение. Наконец, указанные лица никак не могли быть «безобидными ворчунами», которых «НКВД не трогал». Как в таком случае их могли задействовать в важнейшей операции?

К «портрету» Садовского можно добавить характеристику его творчества, данную С.В. Шумихиным в предисловии к сборнику его стихотворений и пьес: «В стихах Садовского (как и в его прозе) постоянно мелькают на заднем плане некие инфернальные тени, веет легким, но отчетливым запахом тлена и могилы»[2].

---

[1] *Дамаскин И.А.* Указ. соч. С. 294.

[2] *Шумихин С.В.* Узоры Бориса Садовского // Борис Садовский. Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи. — СПб., 2001. С. 9.

Любопытные сведения о личности другого «ворчуна» — «члена-корреспондента Академии наук Сидорова», ссылаясь на информацию интернетовских сайтов, приводит в недавно вышедшей книге Э.П. Шарапов: «Агент Старый — Алексей Алексеевич Сидоров — бывший дворянин, сын помещика, расстрелянного в 1919 году Харьковским губчека, профессор, доктор искусствоведческих наук, беспартийный, с органами ОГПУ—НКВД сотрудничает с 1928 года, характеризуется положительно. Пользуется доверием Садовского. Сидоров Алексей Алексеевич (Старый) родился 13 июля 1891 года в селе Николаевка Путивильского уезда Курской губернии. Окончил Московский университет в 1913 году и продолжил специальное образование в Италии, Австрии и Германии. Заведовал граверным кабинетом Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина с 1927 по 1936 год. Преподавал в университете и художественных вузах Москвы. Создал учебный курс «История оформления русской книги». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1943 года за активное участие в операции «Монастырь» награжден орденом «Знак Почета». Автор ряда научных изданий и монографий о крупнейших мастерах графики и книги. В 1946 году избран членом-корреспондентом Академии наук СССР... В 1947 году присвоено звание «заслуженный деятель искусств России». Умер 30 июня 1978 года в Москве»[1].

В этой связи стоит рассказать о том, как воспринимали свое участие в борьбе с немецкими шпионами и диверсантами наши агенты. В 1941-м враг рвался к столице. Положение на фронтах было крайне тяжелое и складывалось не в пользу Красной Армии. Москва начала всемерно готовиться к обороне. Но чекисты предусмотрели и самый неблагоприятный вариант — сдачу города. На этот случай был выработан так называемый Москов-

---

[1] *Шарапов Э.П.* Судоплатов против Канариса. — М., 2004. С. 35.

ский план[1]. Для участия в реализации мероприятий этого плана были привлечены лучшие сотрудники резидентуры НКВД. В случае взятия столицы под ногами оккупантов должна гореть земля, улицы и переулки — стать смертельными ловушками для немецких солдат и офицеров, а заминированные промышленные и хозяйственные объекты, административные здания, гостиницы, театры — братскими могилами. Разведывательно-диверсионные отряды 4-го Управления заранее планировали и теракты в отношении высших руководителей рейха.

Один из них таких сотрудников Лубянки в автобиографии писал: «...Я готов всеми силами до конца и без страха служить трудовому народу, великому делу советской разведки». Когда враг был отброшен от стен Москвы, некоторые из них приняли активное участие в операции «Монастырь» и других поединках на фронтах «тайной» войны с Абвером.

Подчеркнем, что Садовский был вовсе не случайно выбран в качестве лидера нелегальной прогерманской монархической организации в Москве. На Лубянке имели подробное представление о литературном творчестве, о политических взглядах и практических намерениях Садовского по их претворению в жизнь: «...Под столом у него старинный кожаный чемодан с его рукописями, приготовленными для печати. Литературные произведения Садовского — нечто единственное в своем роде. В художественной форме, порой высокого качества, в них прославляются русские цари, проповедуется православная церковность самого узкого и реакционного типа, выявляется ярчайший антисемитизм, связанный с такой ненавистью к революции, которую никогда не высказывал никто из писавших на русском языке. У Садовского есть программа, которая сводится чуть не к восстановлению

---

[1] О «Московском плане» подробнее см.: Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. — М., 2002.

крепостного права, во всяком случае, к восстановлению в полном объеме прав помещиков. Садовский ненавидит всю интеллигенцию, всю передовую мысль, все «либеральное». Он полностью приветствует «сильную руку», немецкое начало в русской истории, поэтому и Гитлера».

В справке «О Садовском и его группе», подготовленной 2-м отделом НКВД СССР в декабре 1941 года, говорилось: «Кадры русских монархистов были разбиты и рассеяны еще в первые годы революции. В эмиграции многие физически вымерли. Вряд ли много осталось в живых и в СССР. Тем более интересно отметить существование и жизнь одного, явного монархически антисоветского гнезда, долго уже существующего в Москве, хорошо известного органам нашей разведки, с начала войны в известной мере активизирующегося. Изучению его была посвящена моя работа последнего полугодия. Его территориальным центром является б[ывший] Новодевичий монастырь в Москве. Здесь, в ряде корпусов, бывших ранее кельями монахинь, погребами, склепами монастыря, живут в большей мере «бывшие люди», поселенные здесь в свое время Наркомпросом времен А.В. Луначарского. При последнем все здания б[ывшего] Новодевичьего монастыря были национализированы, частично превращены в музей, частично предоставлены под квартиры персональных пенсионеров, деятельность которых так или иначе касалась органов Наркомпроса. Под флагом «потомков Лермонтова» (скорее дальних родственников поэта) поселились здесь графы Шереметьевы[1]. Нашли себе здесь приют разные бывшие чины императорского двора, и в числе других здесь же приютился переехавший в Москву из г. Горького, тогда еще Нижнего Новгорода, разбитый параличом писатель Садовский Борис Александрович. Здесь он в 1927 году,

---

[1] В Напрудной башне Новодевичьего монастыря проживал Павел Сергеевич Шереметьев с супругой Прасковьей Васильевной, урожд. княжной Оболенской.

«спасаясь» от возможного ареста в Нижнем Новгороде, обрел себе покойное прибежище, познакомился с бывшей фрейлиной императрицы Александры Федоровны — Воскобойниковой Надеждой Ивановной и женился на ней (брак этот, конечно, фиктивен. Б.А. Садовский с первого года революции лишен ног, сидит в кресле, имеет исковерканные параличом руки, т. е. является безнадежным инвалидом)».

Садовский с долей цинизма рассказывал своим знакомым о том, как ему выделили жилье на территории Новодевичьего монастыря. Из справки о Б.А. Садовском 4-го Управления НКВД СССР от 29 апреля 1941 г.: «В Новодевичий монастырь Садовский попал через Наркомпрос. «За меня некоторые писатели тогда хлопотали, — говорит он, вспоминая. — Меня поддержали тогда Алексей Толстой, который теперь такой негодяй, и Сергей Городецкий, который дурак, и Корней Чуковский, который трусливый, как заяц, и сейчас удрал. Порядочный человек был только что умерший Иван Евдокимов, но и он продался большевикам. По-настоящему порядочна только Мариэтта Шагинян, но она кругом в долгах».

Чекисты также составили «портрет» Садовского, внимательно изучили его поведение и круг близких друзей и знакомых: «Сам Садовский производит странное впечатление. Он паралитик, но лицо его и голова не затронуты. У него особая мысль, четкий голос... Одет Садовский в черный без воротника халат, в черную, с высоким воротником рубаху, вместо пуговиц пришиты какие-то медные бляхи, сам Садовский лысый, лицо продолговатое — худое, очень бледное, носит бороду, аккуратно подстриженную клином, на руках кольцо... От жильцов дома известно, что Садовского выносит жена из квартиры только летом на солнце, все свое время он проводит за книгами и чего-то пишет, человек он добродушный, случаев, чтобы он не пускал в свою комнату кого-либо из людей, — не наблюдалось. Известно также, что за счет домоуправ-

ления в его квартире производили ремонт — переборку полов и побелку стен... Вместе с Садовским Б.А. проживает его жена Садовская Надежда Ивановна, 1889 г.р., урож[енка] гор. Ленинграда, пенсионерка Фрунзенской страховой кассы. По внешнем виду Садовская Н.И. неопрятная, очень грязная, волосы рыжие — длинные, как будто месяц непричесанные; одета в грязную рваную белую кофточку и черную, также рваную юбку».

В материалах дела сохранилось колоритное описание места, давшего названию всей операции: «...Новодевичьий монастырь с его разбросанными корпусами, наполненными маленькими комнатками, бывшими кельями, производит странное впечатление какого-то затхлого места, свалки человеческого мусора. Здесь живут бывшие люди, и тянутся сюда люди с определенными антисоветскими чувствами...»

Не менее интересно и описание интерьера квартиры, которую занимал Садовский: «...Проживает Садовский в подвале церкви Новодевичьего монастыря. В подвал имеется отдельный вход, его квартира составляет 60—70 кв. метров. До 1929 г. в этом подвале помещался «красный уголок» данного домоуправления, впоследствии отошел под квартиру Садовского, который в ней и проживает с 1929 г. ...При входе в квартиру Садовского с правой стороны двери висит голова — чучело волка, с левой стороны — чучело тетерева, далее квартира перегорожена 7—9 фанерными ширмами, из-за которых виднеются шкафы с книгами, на некоторых шкафах стоят человеческие черепа. Одна стена комнаты завешена куском материи, из которой шьют поповские рясы, на правой стене комнаты висит большой портрет женщины наподобие иконы».

В подтверждение германофильских взглядов Бориса Садовского можно привести стихотворение, написанное им после нападения Гитлера на СССР. Комментарии тут, как говорится, излишни:

Немцам

Христос Воскрес! Спешите, братья!
Из мглы кровавой октября
Мы простираем к вам объятья
Зовем свободу, ждем царя!

Он возвратит нам рай святыни,
Свободный труд и честный торг,
Забьют фонтанами пустыни,
В сердцах заискрится восторг!

Да сгинет шайка негодяев,
Кем опозорена Москва,
Кто нас учил, как попугаев,
Твердить дурацкие слова!

Христос Воскрес! Отныне снова
Пребудет с нами, как и встарь,
Заветное, святое слово:
Самодержавный русский царь.

(Сочинено Б.А. Садовским в июне 1941 г.)

11 января 1942 года состоялось знакомство Бориса Садовского с «Гейне», тем самым советским разведчиком, которому предстояло проникнуть в Абвер. Из справки на агента 2-го отдела НКВД СССР «Гейне» от 16 января 1942 года:

«Демьянов Александр Петрович, 1910 года рождения, уроженец города Калуги, русский, беспартийный, образование высшее, по специальности инженер-электрик, изобретатель, в 1932 г. арестовывался ОГПУ по подозрению в организации коллективной читки мемуаров Шаляпина, освобождается без последствий. С 1933 г. работал в системе кинематографии, в настоящее время уволен по сокращению штатов и нигде не работает. Отец «Гейне» — быв[ший] есаул Кубанского войска, убит на войне в 1915 г. Мать — Бунакова Анна Михайловна — из княжеской семьи, до революции 1917 г. работала преподавателем женской гимназии,

после революции заведующая школой... Дед — Бунаков Н. — бывший полковник Гренадерского полка, дворянин, умер в 1918 г. Дядя — Бунаков Александр Михайлович — артиллерист, до 1917 г. служил в царской армии, после революции до 1922 г. работал в Кремлевской артшколе, затем в ВСНХ. В 1926 г. арестован ОГПУ как участник антисоветского заговора в военной промышленности, возглавляемого академиком-артиллеристом Михайловым, являвшимся другом Бунакова А.М., находясь под следствием, Бунаков А.М. умер в Ярославском изоляторе. Дядя — Демьянов Евгений Тимофеевич — бывший казачий офицер, в период оккупации белыми г. Анапы работал в контрразведке. После установления Советской власти в 1919 г. был арестован и этапирован в г. Архангельск. По дороге заболел тифом и умер... До 1914 г. «Гейне» вместе с семьей проживал на границе с Ираном в местечке Геок-Тепе, затем переехал в гор. Каменец-Подольский и впоследствии в г. Анапу, где у его деда (по линии отца) имеется собственный дом. В 1921 г. «Гейне» переехал в Москву, где проживает до настоящего времени. В 1934 г. Демьянов Александр Павлович завербован ОГПУ... За время работы с нами показал себя инициативным, волевым, способным, любящим разведывательную работу агентом. «Гейне» знает подрывное дело, хорошо знаком с электро- и радиотехникой. Был подготовлен для работы в Москве на случай захвата ее немцами. Изъявил согласие выполнять любое боевое поручение. В настоящее время проходит спецобучение... «Гейне» согласен идти в тыл врага для выполнения специального задания по агентурному делу «Монастырь».

Вероятно, выбором в качестве псевдонима фамилии знаменитого немецкого поэта Гейне послужил следующий эпизод, возникший в ходе операции. Познакомившись, по заданию советской контрразведки, с поэтом Б.А. Садовским, Демьянов, великолепно владевший немецким языком, по просьбе последнего перевел с

русского его ряд стихотворений, для передачи их на «ту сторону». Это и послужило основанием для присвоения Демьянову псевдонима «Гейне». Однако в литературе, посвященной этой операции, существуют и другие версии о происхождении псевдонима[1].

По легенде, наш агент должен был добиться свидания с немецким командованием и по возможности установить контакт с «германским правительством» для выяснения «реальной возможности действительного прихода немцев в Москву и определения в этой связи задач группы». Принимая во внимание лихорадочные усилия немцев для анализа неудач на Восточном фронте, «Гейне», как бы между прочим, должен был упомянуть, что, по мнению Садовского, одной из причин «временных неуспехов» является то, что они «не установили контакт с действующими на советской территории подпольными антибольшевистскими силами», а также всеми силами постараться вызвать интерес и доверие у немецкой разведки к легендированной «группе Садовского». Кроме того, агенту была поставлена задача «осесть» у противника. Согласно разработанному плану, «Гейне» уведомляет немецкую разведку о лично им сконструированном радиопередатчике и приемнике, установленном в Москве, и просит немцев передать радиограмму — условное сообщение Садовскому о своем благополучном прибытии.

Перед заброской Демьянова в тыл врага, 31 января 1942 года, один из сотрудников 4-го Управления посетил квартиру Садовских: «...Н.И. Садовская возвращается с картами, начинает «гадать» А[лександру] П[етровичу], по ее словам выходит — «трудный путь, но блестящий успех». Я прощаюсь. Садовские берут с меня слово, что перед «поездкой» А[лександр] П[етрович] обязательно побывает у них...»

Перед своей отправкой «Гейне» действительно посетил Бориса Садовского и его жену. Сохранилось тро-

---

[1] См.: *Шарапов Э.П.* Указ. соч. С. 26.

гательное описание их разговора и минуты прощания: «...Самое «важное» произошло в конце вечера. После «гадания» Садовский маленькой иконкой благословил «А[лександра] П[етровича] и трижды его облобызал» (благословил «на служение делу восстановления монархии». — *Прим. авт.*). Сделано это было определенно Садовским как «главой движения». Как «вождь» Садовский себя все время и держал».

Итак, «Гейне» был готов к заброске в тыл врага. Его чувства и душевное состояние в тот ответственный момент отражены в рапорте сотрудника 4-го Управления, обеспечивающего переброску Демьянова за линию фронта: «Переброска обеспечивалась ОМСБОНом войск НКВД (начальник — полковник Орлов). Предполагалась 14 февраля 1942 г., осуществлена — 17 февраля 1942 г. в районе боевых действий 36-й стрелковой бригады 5-й армии Западного фронта». За организацию переброски по линии 4-го Управления отвечал начальник 9-го отделения 2-го отдела лейтенант ГБ Комаров. Из рапорта Комарова Судоплатову от 17 февраля 1942 года: «...В течение всего времени, занимавшего подготовку к операции, «Гейне» чувствовал себя хорошо, настроение его было бодрое, приподнятое, чувствовалась твердая уверенность в успешном выполнении задания».

Как и рассчитали на Лубянке, «Гейне» как представитель антисоветской подпольной организации заинтересовал Абвер. Прежде чем поверить легенде, немецкая контрразведка тщательно проверила Александра Демьянова, вплоть до имитации расстрела. Однако выдержка, логичность легенды, скрупулезно разработанной НКВД, подкрепленная реально существующими лицами, были настолько убедительны, что абверовцы довольно скоро поверили нашему разведчику. Спустя два дня после заброски «Гейне» в расположение немецких войск, 19 февраля 1943 года, в 4-е Управление из 2-го спецотдела поступило сообщение о том, что условный сигнал от нашего агента получен. О подтверждении благополучного

прибытия «Гейне» Судоплатов в тот же день доложил заместителю наркома внутренних дел СССР Всеволоду Меркулову. Таким образом, путь в «Сатурн» (разведорган группы армий «Центр») был проложен, игра с Абвером началась. В дальнейшем вся информация, поступавшая от корреспондента «МБМ» — «Гейне», немедленно докладывалась Судоплатовым Меркулову и Лаврентию Берия.

В Смоленске, куда доставили Демьянова, немецкие контрразведчики обучили работе на ключе, снабдили шифром, разработали условия связи с Центром. Почти через месяц, 15 марта, «Гейне» еще с одним немецким диверсантом был выброшен на парашюте в советском тылу. На следующий день Судоплатов доложил наркому Берия, что от заместителя начальника УНКВД по Ярославской области по «ВЧ» поступило сообщение о явке в УНКВД агента IV Управления «Гейне», приземлившегося на парашюте в 24-00 15 марта в районе селения Аболкино Орешинского района. «Гейне» сообщил, что вместе с ним был сброшен агент немецкой разведки «58/6» с радиостанцией и вооруженный наганом. НКВД приняла необходимые меры к задержанию второго парашютиста.

19 марта «Гейне» представил Судоплатову подробный, 85-страничный доклад о «визите» в Абвер и своем путешествии по оккупированной территории. Так, например, «Гейне» поведал о непредвиденных обстоятельствах, с которыми он столкнулся при переходе через линию фронта: «...Когда разведчики ушли, я постарался подальше отойти от места, где с ними расстался, т.к. опасался, что немцы смогут обнаружить следы многих лыж. По словам разведчиков, до немецкой огневой точки от места расставания было не больше ста — ста пятидесяти метров... Когда окончательно рассвело, я привязал на палку полотенце, встал и пошел в сторону немцев. Как только я вышел из кустарника, по мне начали стрелять, при этом огонь вели не только с той огневой точки у левого конца проволочного заграждения, но и с двух высот, на которых

также были две огневых точки, вопреки данным нашей разведки. При этом выяснилось, что до ближайшей огневой точки у конца проволочных заграждений не меньше шестисот метров. Приседая, когда огонь усиливался, и размахивая палкой с полотенцем, я двигался вперед. Огонь не причинил мне никакого вреда и прекратился, когда я подошел ближе. Мне стали видны темные фигурки немцев, высыпавших к краю проволочного заграждения, которые что-то кричали и махали руками. Подойдя еще ближе, я понял, что они хотят дать мне понять, чтобы я забирал левее. Подойдя к концу заграждения, я был окружен немецкими солдатами, которые повели меня по ходам сообщения, вырытым в снегу. Обыска они не производили, а только один из них на ломаном русском языке спросил, есть ли у меня оружие, на что я ответил отрицательно. Привели меня в блиндаж, куда сейчас же явился переводчик... Офицер через переводчика задал мне вопросы: кто я такой? Откуда и почему перешел линию фронта? На это я ответил, что инженер из Москвы, прибыл сюда с важным сообщением для германского командования. Все это офицер немедленно стал сообщать по телефону, который был в блиндаже, при этом я обратил внимание, что он несколько раз подчеркнул, что я штатский, инженер, интеллигент и что я шел по минному полю, которое было перед проволочными заграждениями. Оказывается, когда я к ним приближался, кричали о том, что там прохода нет. Очень велико было их удивление, что я благополучно миновал минное поле». Судьба, видимо, покровительствовала отважному разведчику.

В рассказе «Гейне» особое внимание НКВД привлекла информация о результатах бомбежек советской авиации Минска, особенно в районе Дома правительства, где разместились высшие оккупационные власти. «...Налет советской авиации производит на противника сильное впечатление. Каждый налет вызывает большую панику среди солдат и офицеров, пытающихся скрыться куда попало и поднимающих беспорядочную стрельбу из ав-

томатов и винтовок. Немецкие солдаты и местные жители, с которыми беседовал источник, говорят, что «прицельность советской авиации гораздо выше немецкой, так же как и качество советских бомб». На документе сохранились резолюции: 1) «Насчет результатов бомбежек послать тов. Сталину. Л. Берия. 23/III [19]42 г.»; 2) «Исполнено — сообщено тт. Сталину, ком[андующему] Военно-возд[ушными] силами Кр[асной] Армии т. Жигареву и нач[альнику] Дальней авиации т. Голованову за № 495/б от 27/III-[19]42 г. Копия сообщения хранится в 9-м отделении 2-го отдела. Маклярский. 28/III-[19]42 г.»

Немецкая разведка присвоила «Гейне» псевдоним «Макс» и отправила на нашу территорию, снабдив радиопередатчиком, деньгами и другим шпионским оборудованием. Задание «Макса—Гейне» состояло в следующем: во-первых, активизировать антисоветскую пропаганду среди населения, всячески восхваляя гитлеровскую армию и «новый европейский порядок»; во-вторых, вести агитацию за немедленное окончание войны; в-третьих, развернуть диверсионную и саботажническую деятельность, и в пятых, приступить к созданию подпольных ячеек организации в промышленных и областных городах СССР. Ответный ход НКВД заключался в попытке вызвать интерес Берлина к «Монастырю» и вызове постоянного представителя немецкой разведки в Москву для переговоров с «антибольшевистским подпольем».

Первый сеанс радиосвязи «Макса—Гейне» с Центром состоялся 9 апреля 1942 года: «Сбросили вместо Пушкино в районе Рыбинск, оттуда с трудом добрался 30. Ваши указания о работе переданы руководству. Никого сейчас не присылайте, ибо контроль всюду усилен. Слушайте меня между 15 и 20 этого месяца. Александр». (Позывной «Гейне» — And (сокращ. от «Александр»), немецкого разведцентра в Смоленске — «Rzd»). В ответ 30 апреля пришла радиограмма с заданием от Центра: «Нам интересно формирование новых частей, транспорт

с отметкой направлений, даты, грузовые колонны». Приказание Абвера была «исполнено», немецкая разведка в больших количествах стала получать дезинформацию, подготовленную 4-м Управлением совместно с Разведупром РККА.

Вскоре «чужим» сообщили о недостатке бумаги для листовок, оружия, взрывчатых веществ и денег. Предупредили, что радиограммы впредь будут подписываться «Престол» (позывной руководителя организации Садовского). В ответной радиограмме Центр просил подыскать место для сброса «материала».

11 июня 1942 года немцам была передана очередная порция «дезы»; в шифровке сообщалось: «Из военных кругов известно: большевики собираются организовать массовый воздушный налет на Германию с новыми бомбами большой взрывной силы, предназначенный для разрушения промышленных предприятий. В этих целях на Сибири и Алтае подготовлен специальный воздушный флот, тренирующийся сейчас полетах на больших высотах. Большевистские газеты полны подробностями об английских налетах на Кельн и Эссен. Престол».

С целью недопущения массированного налета на Москву в годовщину вторжения в СССР, 20 июня в Центр передана радиограмма: «В Москве распространены слухи о готовящемся на город большом налете. Из достоверных источников известно, что в Москве и окружающих ее районах в июне мес. велась интенсивная подготовка по обеспечению к 22 июня необходимых средств противодействия массового налета авиации на Москву. В самом городе и вокруг него сконцентрировано большое количество новой истребительной авиации и зенитных средств, по качеству и количеству во много раз превышающих зимний период 1942. По линии ПВО будут применены новые технические средства, позволяющие на широком фронте и большой высоте порядка 7—8 километров перехватывать самолеты».

9 июля — следующая «деза»: «Осведомленное лицо сообщило, что в конце июля ожидается прибытие около двух тысяч самолетов из Англии и Америки. Американские самолеты будут якобы доставляться через порты и воздухом. Советская авиапромышленность улучшила свою работу, выпуск самолетов системы Як, МиГ, Ил достигает примерно 2500—3000 штук в месяц. Александр».

2 августа: «По словам инженера танкопромышленности июне выпущено 4500 танков, превалируют КВ и Т-34. В городе среди населения воинских частей принимаются активные меры химической защиты, проводится подготовка на случай химического нападения. Военные говорят, готовится мощный ответный удар, если немцы прибегнут к химии. Александр». Вероятно, в целях проверки искренности «Гейне», Центр попросил уточнить, что за учреждение находится в Москве — Кировская улица номер двадцать шесть — и чем оно занимается? «Гейне» в ответ 9 августа радировал: «Кировская, 26. Главный почтамт. Нужен портативный сетевой передатчик на сто двадцать вольт пятьдесят герц, мощностью около двадцати ватт. Случае отсутствия энергии желательно также батарейный. Престол».

Немцы полностью поверили в информацию, получаемую от «Гейне»—Александра. В начале августа 1942 года «Гейне» сообщил немцам, что имеющийся в организации передатчик приходит в негодность и требует замены. 24 августа на явочную квартиру прислали двух немецких агентов, переодетых в форму лейтенантов Красной Армии, которые привезли «Гейне» 10 тыс. рублей, продукты, радиостанцию и пр. Ими оказались Станкевич И.П. и Шакулов И.Е. Они сообщили о месте спрятанной ими рации. Первая группа немецких агентов оставалась на свободе в течение десяти дней, чтобы чекисты смогли проверить их явки и узнать, не имеют ли они связей еще с кем-то. Потом связников негласно арестовали, доставленную ими рацию нашли. А немцам «Гейне» радировал,

что курьеры прибыли, но переданная рация повреждена при приземлении. Это стало еще одним подтверждением, что Абвер доверяет своему «агенту».

Через два месяца из-за линии фронта явились еще два связника с двумя радиопередатчиками и различным шпионским снаряжением. Они имели задание не только помочь «Гейне», но и самим обосноваться в Москве, собирать и передавать по второй рации свою развединформацию. 7 октября 1942 года в Москву явились еще два курьера (Зобач и Шалаев). Оба агента были перевербованы, а в абверовский разведцентр сообщили, что связники добрались успешно и приступили к выполнению задания. С этого момента операция развивалась по двум направлениям: с одной стороны — от имени монархической организации «Престол», с другой — от агентов Абвера Зобача и Шалаева, якобы опиравшихся на собственные связи в Москве. По существу, это стало началом новой фазы операции, позднее получившей наименование «Курьеры».

В Берлине были очень довольны работой Макса и внедренной с его помощью агентуры. 18 декабря 1942 года Вильгельм Канарис поздравил своего московского резидента с награждением «Крестом военных заслуг» с мечами 2-го класса (в бронзе). О «награждении» Демьянова лично адмиралом Канарисом рапортом в тот же день начальники 4-го и 2-го управлений НКВД доложили наркому внутренних дел СССР. В документе говорилось: «18 декабря с.г. по известному Вам агентурному делу «Монастырь» немцы передали адресованную «Гейне» следующую радиограмму: «За вашу храбрость вам и Б. (немецкий псевдоним — «Березкин» — Станкевич) присвоили орден с мечами, с радостью ожидаем день выдачи вам этой декорации[1] «...Орден Kriegsverdienstkreuz (Крест за военные заслуги) с мечами выдается за отличия при боевом соприкосновении с противником, без

[1] Так в документе.

мечей этот орден выдают за военные заслуги, несвязанные с непосредственным соприкосновением с врагом (образец ордена прилагается)...»

В ответ немцам радировали: «Награждение нашего молодого друга нас всех глубоко тронуло. Ваша награда свидетельствует, что наш скромный вклад в дело борьбы с большевиками помогает славным вооруженным силам Германии. Александр с любовью вспоминает дни, проведенные у Вас, и это воодушевляет его на подвиги во имя нашего общего дела. Да здравствует освобожденная Россия — союзница великого Германского государства. Престол»

Добавим, что, в свою очередь, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1943 года «за образцовое выполнение заданий правительства по охране государственной безопасности в условиях военного времени» А.П. Демьянов награжден орденом Красной Звезды.

Несмотря на тяжелое положение, в котором оказалась страна в первые месяцы войны, советской контрразведке материальные трудности не угрожали. В конце октября 42-го Маклярский докладывал Судоплатову рапортом свои предложения о расходовании денежных средств, полученных от Абвера: «В результате проведенной комбинации по агентурному делу «Монастырь» у четырех арестованных немецких шпионов изъято 57 005 р. 50 к. (пятьдесят семь тысяч рублей 50 к.). Прошу Вашего разрешения о выдаче вознаграждения из отобранных денег работавшим по этому делу агентам... Через агента «Гейне» вручить писателю Садовскому 1000 (одну тысячу) рублей (разновременно). Для будущих расходов по делу «Монастырь» оставить фонд в 20 000 рублей. Остальные деньги в сумме 28 005 руб. 50 коп. сдать в Госфонд». Таким образом, немецкая разведка невольно взяла на свое «финансовое довольствие» контрразведывательные мероприятия Лубянки.

Принимая во внимание потребности противника в

информации о железнодорожных перевозках через Москву, чекисты затребовали все более крупные денежные суммы. Так, в шифровке, переданной немцам 22 ноября 1942 года, с гордостью сообщалось: «...Реализуя указания направить усилия на сбор военных сведений, мы достигли некоторых успехов, обзаведясь соответствующими источниками... Присланные нам 25 тысяч рублей настолько мизерная сумма, что ни о каком развертывании работы не может быть и речи. Источник из НКПС, занимающий там ответственную должность и имеющий доступ к военным перевозкам по России, вчера заявил, что в дальнейшем он может работать с нами только за деньги... Как нам быть? На развертывание работы, оплату лиц, которых мы используем, на содержание «Б» и его связей нам нужно 500 тысяч рублей. Всего мы хотели бы получить 800 тысяч рублей, ценности и материалы для пропаганды... Престол». Поставленные условия германский разведцентр принял, но посетовал, что доставить требуемую сумму сможет только двумя посылками...

Одновременно Лубянка получила подтверждение того, что передаваемая по линии «Монастыря» дезинформация достигла цели. Радиоконтрразведка НКВД перехватила и расшифровала радиограмму из Смоленского разведцентра Абвера, адресованную в свой Ржевский филиал: «Надежный агент разведки передает 17.II. [1942] сведения, полученные от доверенного лица в Комиссариате Путей Сообщения: «Прибывающие с востока эшелоны с войсками немедленно переводятся в Москву на окружную дорогу и идут дальше, главным образом в южном направлении». Армейская группа оповещена». В этой связи 27 ноября Судоплатов докладывал Берии: «1. Приведенные в этой депеше сведения являются нашей «дезой», которую мы передали немцам по указанию Генерального штаба Красной Армии. 2. «Надежный агент» разведки — это наш агент «Гейне». 3. «Доверенное лицо в НКПС» — наша подстава. Для перехвата

очередных курьеров германской разведки считаем целесообразным дать явку немцам в гор. Горьком...».

В том же ноябре 1942 года в ответ на запрос «чужих» о возможности расширения географии организации «Престол» за счет городов Ярославля, Мурома и Рязани и направления туда агентуры для дальнейшей работы «Гейне» передал, что лучше подходит Нижний Новгород, где создана ячейка «Престола».

Немцы согласились на это, а наши контрразведчики, в свою очередь, позаботились о «встрече» курьеров. Удовлетворяя запросы абверовцев, чекисты продолжали направлять немцам обширную дезинформацию, готовившуюся в Генштабе Красной Армии, а на подставные явочные квартиры вызывались все новые и новые агенты вражеской разведки.

Дезинформация, передаваемая немцам, строилась с расчетом, чтобы германская разведка не потеряла интереса к получаемым сведениям. Так, например, 29 мая 1943 года была передана шифровка: «Источник из НКПС передал нам, что, со слов близкого знакомого, ответственного сотрудника Управления Казанской железной дороги, 27 мая из Москвы в направлении Ростова специальным поездом выехал маршал Жуков, которого сопровождают несколько генералов. В составе поезда три платформы с зенитными пушками и пулеметами». Текст «дезы» подписал лично заместитель начальника Генштаба Красной Армии генерал-полковник Антонов с пометкой: «Указанный текст необходимо передать противнику не позднее 29 мая 1943 г.». Передачу санкционировал замнаркома Кобулов. «Игра» с Абвером набирала обороты...

«Курьеры» Абверкоманды-103

На основании результатов оперативной разработки «Монастырь», в целях парализации действий Абвера в Москве и дальнейшего захвата немецкой резидентуры, было принято решение о заведении самостоятельного

дела. Следующая фаза тайного поединка с германской разведкой, развивавшаяся параллельно с операцией «Монастырь», получила наименование «Курьеры».

В рамках начавшейся новой «игры» с Абвером, 7 октября 1942 года на конспиративной квартире «Гейне» был задержан немецкий курьер Шалаев Анатолий Иванович, прибывший вместе с радистом — Кондратьевым (Зобач Григорий Григорьевич). Немецкие агенты, кроме доставки «посылки», получили задачу легализоваться в Москве и приступить к самостоятельной шпионской работе. Полученные разведданные о Красной Армии по своей рации они должны были передавать в «Сатурн». Чекистам удалось перевербовать немецких агентов и включить в радиоигру.

Немцам было передано несколько радиограмм о том, что Шакулов и Зобач восстановили ранее имевшиеся у них связи в Москве и запросили документы и деньги. В «Сатурне» поверили в легенду и потребовали организовать тщательное наблюдение за передвижением войск через Москву и заняться сбором сведений о формирующихся в городе войсковых частях. В дальнейшем, принимая во внимание тот факт, что один из агентов имел указание от немцев возвратиться обратно, на Лубянке решили скомпрометировать Шакулова в глазах германской разведки.

В этих целях 18 октября 1942 года «чужим» сообщили, что Шакулов «ничего не хочет делать, трусит, много пьет». Указание немецкого разведцентра поступило через три дня: «...Всеми средствами его без сентиментальностей уничтожить. Передайте, как с этим справились».

В немецкий разведцентр стала передаваться военная дезинформация, подготовленная Генштабом Красной Армии. Таким образом, под контролем советской контрразведки оказались сразу две радиостанции противника. Немецкая агентура, направлявшаяся в Москву, в основном проходила подготовку в Катынской и Борисовской разведшколах Абвера. Как правило, это были

проверенные и испытанные «в деле» агенты, которые имели на своем счету не одну вылазку за линию фронта. Но в столице их уже ждали. Прибывавших со шпионскими заданиями курьеров немецкой разведки сотрудники IV Управления брали под «тщательное, но осторожное наружное наблюдение».

После установления связи с немецким разведцентром на Лубянке активно приступили к «выполнению» его директив. Так, в ответ на задание предоставить сведения о порядке оформления паспортов в г. Москве, в начале января 1943 года было послано сообщение следующего содержания: «Контрольные листки имеют серии и номера ЧД 267044, ЧЖ 163048, ЧК 148087. Контрольные листки прикрепляются к последней странице — обложке паспорта. Выдаются во всех отделениях г. Москвы. Подписывают листки — в 50-м отделении Черкасов и Кадимиров, в 46-м — Гужов и Бортуев, в 9-м — Никонов и Кунаков. Фамилии подписывающихся часто меняются. Печать обыкновенная, любого отделения милиции г. Москвы».

Эти данные были подготовлены II Управлением НКВД совместно с начальником Главного управления милиции. Они содержали правдоподобную информацию, за исключением фамилий подписывающих. Фамилии были искажены таким образом, что сохранены лишь три первых и последняя буквы подлинных фамилий начальников отделений милиции Москвы. Понятно, что по прибытии немецких агентов и постановке их на учет сотрудникам советской контрразведки было нетрудно их выслеживать.

«Чужие» были удовлетворены информацией, получаемой от «агентов», и регулярно посылали следующие партии своих агентов с деньгами, питанием для рации и другим снаряжением. Чтобы не вызвать подозрения, «агенты» периодически сообщали немецкой разведке о смене своих конспиративных квартир, а вновь прибывшие попадали в чекистские засады. За «верную службу рейху» 12 января 1943 года немцы наградили Зобача и Шалаева орденом «За храбрость» 2-го класса с ме-

чами[1]. 20 января были задержаны очередные связники Абвера, которые привезли для Зобача 100 тыс. рублей, документы и блоки питания. Связники были взяты под непрерывное наблюдение. Ими оказались Иван Еркин и Виктор Ильин.

19 января 1943 года Ильин явился на квартиру «Гейне» и доставил 226 тысяч рублей и новые документы. После выполнения заданий курьеры были арестованы. По прибытии курьеров, 21 января, немцам передали радиограмму: «Курьер вчера вручил 260 800 рублей, из этой суммы 150 т.р. переданы источнику из НКПС. Присланные для Б[2]. документы неудовлетворительные, пользоваться ими нельзя, как быть? Когда можно ожидать курьера в Горький. Благодарим за внимание. Александр».

Немецкие разведчики клюнули на «наживку», оценив информацию о получении «источника» в НКПС «полным успехом», и 25 января прислали директиву, требующую начать систематическую работу с сотрудником наркомата путей сообщения, который должен снабжать немцев точными сведениями обо всех транспортах, проходящих через Московскую окружную железную дорогу или отходящих из Москвы в южном или западном направлении.

В Абверкоманде 103[3] проявляли повышенный инте-

---

[1] Речь идет о немецкой военной награде — ордене «Крест за военные заслуги». Орден *«Крест за военные заслуги с мечами»* (*нем.* Kriegsverdienstkreuz) — немецкая награда, которой награждались за отличия при боевом соприкосновении с противником, без мечей этот орден выдавали за военные заслуги, не связанные с непосредственным соприкосновением с врагом. Орден имел два: II класс в бронзе, I класса — в серебре.

[2] Б. — немецкий разведчик Березкин, арестованный 24 августа 1942 г. в ходе мероприятий по делу «Монастырь».

[3] *Абверкоманда-103* — до июля 1943 г. именовалась Абверкомандой 1 В. Была придана группе армий Центр («Митте»). Позывной — «Сатурн». *Начальники*: подполковник *Феликс Герлиц* (до мая 1944 г.), капитан Бивербрук (Бернбрух) (май 1944 г. — март 1945 г.), лейтенант Борман (март — апрель 1945 г.). В ходе операции «Монастырь» в 1942—1944 гг. шифровки с разведзаданиями для «Гейне» подписаны радиопозывным Герлица — «Капп». На особо важные участки фронта выделялись т.н. ЦБФ-группы (отряды особого назначения), которые занимались переброской агентуры и ее приемом после выполнения задания.

рес ко всему, что имело отношение к Красной Армии: от введения погон до передислокации воинских частей, настроения населения и транспортных потоков. Они требовали сообщать о перевозках в район Сталинграда, появлении новых авиационных частей в Москве. 15 февраля 1943 года от «чужих» поступило требование: «Наблюдайте точно все движения, особенно от Сталинграда. При транспортах войск, кроме рода их, сообщайте по возможности также номер или номер полевой почты. Положитесь на нас крепко, как мы Вам верим. Не будьте слабыми. Как раз теперь можете показать, что являетесь основой новой дружбы с Германией России».

Другой немецкий агент, Борзов, направленный курьером к Кондратьеву (Зобачу) — Сорокин Владимир Зиновьевич (советский — Сурба; арестован 1 марта 1943 года), получивший от немцев задание узнать расположение лагерей немецких военнопленных (Моршанский лагерь военнопленных Тамбовской области), был арестован, а затем также включен чекистами в игру с Абвером.

В сеансах связи с немцами агенты сообщали об «опасностях», которым они подвергались при выполнении задания: «6 мая «Шурин» попал под облаву военного коменданта на рынке, был задержан, и у него отобрали документы. Ему удалось уйти из комендатуры без удостоверения личности и одной командировки. Сейчас скрывается на квартире... Ему нужно уходить. Посоветуйте, каким образом и где ему лучше переходить к вам».

Вскоре был обезврежен очередной посланец «Сатурна» с фиктивными документами на имя Рыбина Михаила Сергеевича (Быбченко Михаил Сергеевич; немецкий псевдоним — «Шурин») к «Кондратьеву» (Зобачу). По прибытии в Москву его разместили на заранее подготовленной чекистами квартире и взяли под наблюдение. Понаблюдав за ним некоторое время, под видом «очередной ночной проверки милицией», 12 мая 1944 года он был арестован. В роли «милицейского патруля» выступили переодетые в форму милиции оперсотрудники

IV Управления. В целях соблюдения секретности операции Быбченко поместили в отдельную камеру внутренней тюрьмы под условным номером.

На допросах перехваченные агенты немецкой разведки давали подробные сведения о формах и методах подготовки, в том числе и идеологической, которую Абвер проводил в разведшколах. В частности, один из них показал: «...руководителями школы велась систематическая работа по привитию антисоветских настроений. Для этого всем разведчикам регулярно давали читать фашистские газеты на русском языке, издающиеся в Смоленске и Борисове (речь идет о Катынской разведшколе Абвера. — *Прим. авт.*), брошюру Альбрехта[1] «В подвалах ГПУ». Кроме того, систематически проводились беседы о значении фашизма, в процессе которых разведчикам доказывали преимущество фашистского строя Германии по сравнению с советской системой. Большое внимание уделялось пропаганде антисоветских настроений. Разведчикам постоянно доказывали, что в государственном аппарате Советского Союза, а также в НКВД руководящую роль играют евреи, которые являются «исконными врагами русского народа». Как правило, такая подготовка в разведшколах продолжалась два–три месяца, после чего диверсантов забрасывали для выполнения задания в советский тыл.

Вскоре советскую контрразведку ждала неожиданная удача. 15 мая 1943 года в районе Минск—Борисов в партизанский отряд был доставлен неизвестный с документами на имя разведчика разведотдела штаба Западного фронта майора Красной Армии Потемкина Дмитрия Михайловича. По прибытии в партизанский отряд задержанный передал важные документы о деятельности Абверкоманды–103. В их числе были: альбом из 141 фотокарточки агентов немецкой разведки с указа-

---

[1] Возможно, речь идет о кадровом сотруднике немецкой разведки майоре *Фрице Альбрехте*.

нием их настоящих фамилий, псевдонимов и подложных документов, с которыми они были заброшены на территорию СССР; 96 фотокарточек разведчиков, обучавшихся в разведшколе; оттиски поддельных печатей, проставленных в фиктивных документах германских шпионов, и т. п.

8 июня 1943 года начальнику контрразведки «Смерш» НКО СССР комиссару 2 ранга Виктору Абакумову направлена докладная записка № 1027/м наркома госбезопасности СССР комиссара госбезопасности 1 ранга Меркулова в которой сообщалось, что в ближайшие дни в Москву ожидается прибытие очередных курьеров немецкой разведки. В связи с этим НКГБ просил уведомить «Смерш» о случаях задержания или явки с повинной германских агентов и передать их в распоряжение IV управления НКГБ СССР.

Ждать курьеров пришлось недолго. 21 июля 1943 года замнаркома внутренних дел комиссару госбезопасности 2 ранга Круглову поступило сообщение начальника УНКВД МО комиссара госбезопасности 3 ранга Журавлева № 1/1073 о задержании немецкого парашютиста Воробьева А.Ф., 1924 года рождения, бывшего красноармейца 30-й лыжной бригады, который передан в IV Управление НКГБ СССР.

Немецкий агент сообщил, что вместе с ним в самолете находился еще один парашютист — некто Потапов Василий Игнатьевич (кличка «Попов»). Вскоре начальник 6-го отдела II Управления НКГБ полковник ГБ Новобратский сообщил начальнику 2-го отдела IV Управления НКГБ подполковнику Маклярскому о задержании 26 июля того же года Управлением контрразведки «Смерш» Калининского фронта в Талдомском районе Московской области агента германской разведки Потапова.

Перевербованные немецкие агенты Г.Г. Зобач и В.З. Сорокин (наш псевдоним «Борзов»), участвовавшие в операции «Курьеры», «за образцовое выполне-

ние специальных заданий» Указом ПВС СССР от июня 1943 года награждены медалью «За отвагу».

Между тем с неба продолжали «сыпаться» немецкие агенты. Служебной запиской № 1473/м от 6 августа Меркулов докладывал в ГКО Берии, Молотову и Сталину: «В дополнение к № 156/м от 10 мая и № 301/м от 23 мая т.г. НКГБ СССР докладывает: «В результате дальнейшего легендирования германских разведывательных органов от имени якобы существующей в Москве контрреволюционной монархической организации нам удалось в июле т.г. заполучить еще трех агентов немецкой разведки при следующих обстоятельствах: 6 июля т.г. мы сообщили немцам, что заброшенная ими ранее агентура якобы нуждается в документах и, в случае задержки в их получении, агенты вынуждены будут выехать из Москвы и прекратить связь с немцами.

8 и 18 июля противник ответил, что документы готовы и «при первой возможности будут доставлены» по адресу подставленной нами квартиры. 21 июля в Талдомское РО НКВД Московской области добровольно явился сброшенный на парашюте с германского самолета агент немецкой разведки с документами на имя Филимонова А.Ф., младшего сержанта Красной Армии... 27 июля т. г. к председателю колхоза деревни Таксино Высоковского района Московской области явились двое неизвестных в форме младших командиров Красной Армии, вооруженные винтовками. Неизвестные заявили, что они являются германскими разведчиками и в ночь на 27 июля сброшены на парашютах с немецкого самолета.

На допросе парашютисты сообщили о себе следующие сведения: 1. Кончиц Петр Григорьевич, 1908 года рождения, русский, член ВКП(б) с 1938 года, до войны работал председателем сельсовета деревни Михайловка Боготольского района Красноярского края. Быв[ший] сержант Красной Армии и секретарь партийной организации учебного батальона 228-й стрелковой дивизии.

24.VII [19]42 г. в боях под Ростовом Кончиц после ранения был захвачен в плен немцами... 2. Чернышев Гавриил Тарасович, 1906 года рождения, русский, уроженец Мелеузовского района Башкирской АССР, со средним образованием, быв[ший] кандидат в члены ВКП(б). В 1932 году осужден к 5 годам ИТЛ за хулиганство (в пьяном виде вырвал язык у колхозной лошади), в 1936 году из заключения освобожден. До призыва в Красную Армию работал в качестве товароведа на хлопковом заводе № 87 в гор. Курган-Тюбе Сталинабадской области Таджикской ССР. В Красную Армию призван 9 сентября 1941 года в качестве рядового взвода связи 2-го батальона 1268-го полка 385-й стрелковой дивизии. 27.III. [19]43 года в районе гор. Людиново был захвачен немцами в плен после ранения... Кончиц и Чернышев показали, что они получили от германской разведки задание пробраться в Москву и явиться по адресу: Климентьевская улица, дом № 8, квартира № 9, спросить «Валентину Владимировну» и передать посылку «для Татьяны из Алма-Аты». Адрес, названный прибывшими курьерами, является конспиративной квартирой НКГБ СССР, подставленной нами германской разведке... В результате настоящей агентурной разработки нам удалось заполучить от немцев 11 агентов германской разведки, включая ранее задержанных. Легендирование и радиоигра с германскими разведывательными органами продолжается».

Проявляя инициативу, летом 1943 года один из включенных в операцию бывших немецких разведчиков Кондратьев (Зобач) написал письмо М.Б. Маклярскому, в котором сообщил свои предложения по активизации работы с германской разведкой: «Михаил Борисович, я Вас очень прошу, примите во внимание мой план дальнейшей работы. Я считаю, что если мы и в дальнейшем будем так работать с немцами, то мы надоедим им просьбами о запрашивании курьеров или однообразными сводками, которые им тоже надоедят. ...Вы мне вернули жизнь, Вы меня наградили. С какими глазами я сейчас

могу смотреть на такую малорезультативную работу. У меня сейчас одно желание как можно быстрей добить гитлеровских бандитов, к тому же я сейчас имею все возможности. Они мне верят, они ничего не подозревают. Им ничего не известно, и поэтому я очень удачно выполню любое задание, которое мне поручит наше правительство, я уверен, если мне дадут задание, то я больше принесу пользы для нашей Родины за один месяц, чем за эти девять.

...Я считаю, что лучше всего, если по приходе курьера, которого они обещают, мы не сообщим им, что он пришел, а еще связи три или четыре поштурмуем их, что они нас обманули, что к нам никто не приходит, дадим им другой адрес, чтобы они срочно выслали нам документы и все, что мы просили, так как если они действительно послали курьера и мы им об этом напишем, то в случае его провала попадется и Сергей Захарович. Поэтому мы адрес для всякого случая сменили и ждем не больше как дней десять. Они вышлют еще, но мы им тоже не сообщим, и после этого всего я через месяц или сколько угодно времени должен перейти к ним и со всей обидой обрушиться на них за то, что нам обещали прислать документы и все, что мы просили, а не прислали, только обманули. ...Они мне по-прежнему все доверят, начнут меня усиленно готовить по разведке, чтобы добывали те сведения, которые им нужны, а не эти, что мы давали, дадут выбрать мне каких только захочу лучших двух разведчиков и могут дать еще одну группу москвичей, если я соглашусь устроить их в Москве. Денег я возьму сколько захочу и что захочу, и не позже как через месяц они нас выбросят в Москву для дальнейшей работы. ...Михаил Борисович, я Вас и всех, от кого зависит, прошу, очень прошу, пусть мне разрешат это сделать, мне очень стыдно жить, кушать и давать эту незначительную пользу, я любитель живой работы и ценной, чтобы сделать, так сделать, а особенно у меня желание появилось после возвращения мне жизни и награды, передо мной сейчас

одна задача — или грудь в орденах, или голова в кустах, а не такая, еле живая, работа, — особенно в период, когда тысячи людей, сражаясь с немецкими варварами, кладут свои головы, а я сижу, ничего не делаю и отъедаюсь. Нет, я не хочу этого. Я не желаю во время такой войны быть и жить как на курорте, дайте возможность работать и приносить больше пользы и помочь нашей доблестной Красной Армии быстрей добить этих ворвавшихся псов. Я Вас очень и очень прошу, дайте мне эти возможности».

План дальнейшей игры с противником, предложенный Зобачем, был принят. Однако «Сатурн» отказался прислать связника и сообщил, что все необходимое будет сброшено с парашютом в районе Костромы. Для встречи «посылки» было решено направить группу опер-сотрудников в указанный район. В городе была оборудована конспиративная квартира с радиостанцией, на которую переехали, под видом выздоравливающих после ранения военнослужащих, Зобач и Шалаев.

Из Костромы, для того чтобы активизировать принятие решения о переходе к немцам, сообщили: «Господин Доктор. За год работы с вами мы передавали много сведений, и вы нас хвалили... В Костроме мы сидим больше дома, ходить с нашими документами опасно... Питание у нас на исходе, положение очень тяжелое. Срочно пришлите посылку и сообщите, куда нам ехать после получения документов. Ждем ответа. Мы готовы выполнить любое ваше задание так же, как и до сих пор».

Только к октябрю из «Сатурна» поступил приказ Зобачу передислоцироваться в районы Вязьма, Смоленск, Кричев, Рославль, а Шалаеву выехать в Челябинск. Одновременно немцам периодически сообщалась дезинформация военного характера, которая получила высокую оценку в «Сатурне». В начале февраля 1944 года «Кондратьев»—Зобач сообщил немцам, что ему удалось установить связь со скрывающейся в лесу группой де-

зертиров под командованием «лейтенанта» и «капитана Терентьева»[1].

15 февраля 1944 года от «Доктора» пришла радиограмма: «Мы готовим группе дезертиров посылку с оружием, боеприпасами и деньгами... Вы к группе не присоединяйтесь, ибо связь с большой группой повредит вашему заданию...» Позже немцы передали пароль для встречи с курьером. В ответной шифровке с Лубянки сообщили о «произошедшей перестрелке между патрулем и неизвестным лейтенантом, оказавшимся парашютистом».

Наконец, немцы приняли предложение о возвращении Кондратьева (Зобача). 15 марта от них пришла радиограмма: «Судьба нашего геройского курьера тем более печальна, как и ваше дальнейшее пребывание там стало невозможным, так как он бланки вашей части при себе имел. Мы вам укажем место перехода фронта к нам с вашими документами, так как ваша тамошняя работа не имеет той пользы, как до сих пор. Считаем лучшим, если придете на отдых, будем рады встречать. Привет». Место для перехода немцы указали в районе юго-восточнее Витебска, пароль для перехода линии фронта — «Париж».

И чекисты решились на рискованное развитие игры. Немцам сообщили, что создан диверсионный отряд из дезертиров. В последующем в «Сатурн» полетели шифровки с описанием «боевых подвигов». Чтобы привлечь внимание немецкой разведки 10 мая 1944 года сообщили, что «отряд капитана» напал на конвой, убили 2 конвоиров и захватили 4 арестованных, из которых трое — дезертиры, а четвертый — капитан германской армии»[2]. Немцы не сразу поверили в освобождение Ханштейна и попросили передать дополнительные сведения о нем, в частности, сообщить фамилию тещи и указать, где посещал школу.

---

[1] Фамилия вымышленная.

[2] Речь идет о немецком военнопленном *Гюнтере Ганштейне*.

После уточнения необходимых данных в «Оберкомандо» ушла шифровка: «Сейчас переправить капитана Гюнтера фон Ганштейна через линию фронта трудно, нет документов для прохода к фронту, а без документов идти нельзя. На всех дорогах стоит охрана из войск НКВД и тщательно проверяет документы. Части НКВД также осматривают леса и вылавливают дезертиров. Так как капитан не знает русского языка, то хорошо бы снабдить его документами из чешской или польской армии и одеть его в эту форму. Отряд этого сделать не может. С такими документами капитан не возражает идти через фронт. Фамилия тещи капитана Минна Зайдель, урожденная Мюллер, проживает во Франкфурте-на-Одере. Там же живет и жена, и дети капитана. Капитан учился в полицейской школе в Бранденбурге, в 1941 году — в летной школе в Рейхенберге, на курсах переподготовки при воздушной школе в Берлин-Гатов и в ноябре 1943 года на курсах ротных командиров в Баравухе под Полоцком. Капитан имеет важные сведения, которые хочет срочно сообщить Верховному командованию германской армии, но не знает, как это сделать. Кондратьев».

В ответной радиограмме 14 июня 1944 года разведотдел штаба Центрального фронта (Heeresgruppe mitte) потребовал уточнить, где дислоцируется «группа капитана», чтобы направить туда надежного связного, который бы вывел Ганштейна через линию фронта, а также сообщить, в чем нуждается отряд. «Запросы» чекистов были скромные: прислать винтовочных патронов, штук 50 ручных гранат, 15 автоматов и винтовок, «толу сколько можно», денег и документы.

Параллельно немцев продолжали «снабжать» военной дезинформацией и очередной порцией своих «диверсионных подвигов»: захваты подвод с продовольствием, расстрелы активистов и т.п. Не забывали передавать приветы от капитана фон Ганштейна, в частности, последний поинтересовался, получает ли его семья «фами-

лиенунштютцунг»[1]? Тем временем «отряд капитана» якобы совершал «трудный переход» из-под Смоленска в белорусские леса. В целях повышения скрытности группа, якобы разбилась на две группы, каждая со своей рацией.

Из «Сатурна» пришла радиограмма, в которой сообщалось, что документы на Ганштейна и Кондратьева (Зобача) готовы и в скором времени будут переправлены самолетом. Чекисты «попросили» сбросить еще и радиста во второй отряд. 7 сентября выброску груза предложили провести на высохшее болото в 13 км южнее местечка Кобыльник, в четырех километрах западнее озера Нарочь. Немецкая разведка осторожно запросила, имеются ли в лесах «литовцы, русские солдаты или кто еще». Им ответили, что в Нарочских лесах скрываются вооруженные группы из бывших солдат и офицеров РОА, а также «от нас на восток бродят неорганизованные группы немецких солдат» и что с одной из таких групп, численностью до роты, с помощью капитана Ганштейна пытаемся установить контакт (намек на «группу Шерхорна»).

Немцы запросили, можно ли организовать наблюдение за железной дорогой Молодечно—Вильно и не нужна ли одежда для Ганштейна. Это была дополнительная проверка личности фон Ганштейна. Чекисты незамедлительно ответили, что обмундирование Ганштейна сильно износилось, и сообщили его рост и размер сапог (182 см и сапоги 44-го размера). Интерес же германской разведки к грузопотокам через Вильнюс был вполне понятен. 13 июля 1944 года столица Литвы была освобождена от оккупантов, а в результате завершения Белорусской наступательной операции[2] советские войска

---

[1] Содержание семье военнослужащего.

[2] Белорусская операция 1944 г. — одна из крупнейших стратегических наступательных операций Великой Отечественной войны, проведенная 23 июня — 29 августа советскими войсками. Планирование и подготовку Белорусской операции Ставка ВГК и штабы фронтов начали весной 1944 г. Целью операции был разгром группы армий Центр и освобождение Белоруссии. Исходя из военно-политической обстановки и предложений военных советов фронтов, Генштаб разработал план операции (условное наименование «Багратион»). После его всесто-

вступили на территорию Польши и вели жестокие бои на подступах к Варшаве. Красная Армия неудержимо приближалась к границам «Тысячелетнего рейха».

В начале 1944 года наши контрразведчики захватили одного из преподавателей Катынской и Борисовской разведшкол Матюшина И.И. Из его допросов Лубянке стали известны дополнительные подробности о формах и методах работы противника. В частности, Матюшин показал, что для борьбы с партизанами и разведывательно-диверсионной работы в советском тылу немецкие спецслужбы привлекают подростков и стариков: «...в Катынской школе в 1942—1943 гг. были 4 человека подростков в возрасте от 13 до 15 лет и один старик, фамилии и приметы которых не знаю. Все они в январе 1943 года были посланы штабом «Сатурн» в партизанские отряды».

От регулярно прибывавших немецких агентов чекисты узнавали свежие данные о разведцентрах противника, вновь создаваемых разведшколах, их руководителях, преподавателях и биографиях, псевдонимах и численном составе агентуры. К середине 1943 года советская контрразведка имела свои источники и в «Сатурне». Поэтому чекисты проявляли «заботу» не только о своих разведчиках, но и командовании Абверкоманды-103.

роннего обсуждения на совещании в Ставке 22—23 мая было принято окончательное решение на проведение стратегической наступательной операции в Белоруссии. Ее замысел предусматривал одновременный прорыв обороны врага на 6 участках, окружение и уничтожение фланговых группировок в районах Витебска и Бобруйска, разгром оршанской и могилевской группировок. Затем планировалось сходящимися ударами трех Белорусских фронтов в общем направлении на Минск окружить и уничтожить основные силы группы армий Центр. В дальнейшем, наращивая удар и расширяя фронт наступления, советские войска должны были выйти к западной границе Советского Союза. Предусматривалось также использовать успех советских войск в Белоруссии для перехода в наступление 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. ...Советские войска 17—18 июля пересекли границу Советского Союза с Польшей. Вместе с ними на родную землю вступили воины 1-й Польской армии. К 29 августа советские войска достигли рубежа западнее Елгавы, Добеле, Шяуляя, Сувалки, Острув-Мазовецки, предместья Варшавы Прага, р. Вислы и вынуждены были перейти к обороне.

Так, 3 июня 1943 года докладной запиской Судоплатов сообщал замнаркому госбезопасности Кобулову о ситуации, сложившейся в «Сатурне»: «...Капитан Брониковский, зондерфюрер Абверкоманды-103, согласно имеющимся у нас материалам, непосредственно руководил работой германских разведчиков, направлявшихся в Москву по делу «Монастырь». Снятие его с работы может отразиться на доверии немцев к легендируемой нами организации и линии Зобача...»

В середине 1944 года сотрудниками «Смерша» во время инспектирования агентуры, оставляемой для шпионской работы в советском тылу, был задержан и один из руководителей Катынской и Борисовской разведшкол зондерфюрер Эрвин Брониковский. Он дал ценную информацию не только о системе подготовки агентуры, но и о ситуации в руководстве Абвера после отставки Канариса и переподчинения военной разведки Гиммлеру: «...Многие разведчики, в особенности имеющие большой практический опыт разведывательной работы, проявляют недовольство подчинением военной разведки Гиммлеру и принимают все меры к уходу в армию на строевые должности. Так, полковники Генерального штаба фон Герцсдорф и Штефан заявили, что в подчинении Гиммлера они работать не будут, а такие видные разведчики, как полковник Пиккенброк и Бентевиньи, уже ушли из разведки... Вместе с этим Гиммлер снял с работы ряд начальников разведывательных органов, действующих на Восточном фронте, и заменил их эсэсовцами, членами фашистской партии. Так, за период мая—июня 1944 года Гиммлером были сняты: подполковник Герлиц — начальник разведки Центрального фронта, подполковник Шиммель — начальник разведки Северного участка фронта, майор Корчек — начальник разведки Южного участка фронта, майор Альбрехт — начальник разведывательной школы[1] у Корчека и ряд других».

---

[1] Речь идет о майоре германской военной разведки *Фрице Альбрехте*, возглавлявшем с марта 1944 г. Полтавскую разведшколу.

С целью оживления «игры» 23 сентября немецкой разведке направили шифровку о том, что удалось установить связь с «разрозненной группой немецких солдат». Результат не заставил себя долго ждать...

3 октября из разведцентра немцев поступила радиограмма, в которой сообщались сигналы для самолета (четыре костра в форме квадрата на расстоянии 50 м один от другого) и пароль для разведчика и радиста — «Смоленск», а также уведомили, что у капитана Ганштейна все в порядке. Однако прибытие самолета задерживалось. 17 октября пришло новое сообщение, в котором говорилось, что выброска груза и связника с радистом произойдет 18-го между 21 и 23 часами по московскому времени, а в середине условленного квадрата из костров должен быть «машущий факел». Между тем немцам пошла «деза» о движении поездов по маршруту Молодечно—Вильно.

Выброска в связи с нелетной погодой произошла только 26 октября. Тут же в «Оберкомандо» ушло сообщение о «благополучном приземлении и благодарностью за посылку». Одновременно уведомили, что «Кондратьев» и фон Ганштейн ушли на встречу с отрядом немецких солдат. Также попросили по рации вновь прибывшего радиста (позывной «Каменев») дополнительно, если будет самолет, прислать боеприпасы, оружие, гранаты и «курево».

Прибывших агентов немецкой разведки оперативно захватили на месте приземления, и вскоре задержанные начали давать показания. Ими оказались разведчик Гуляев А.П., 1917 года рождения, и радист Орлов А.П., 1922 года рождения. «Лозунгом» для шифровки была выбрана фраза: «Отважные солдаты не боятся преграды». У агентов немецкой разведки оказалось письмо, адресованное лично капитану Ганштейну[1]: «Многоува-

[1] Приводится текст перевода письма.

жаемый господин фон Ганштейн, так как мне поручено предоставить Вам возможность возвратиться на родину, я Вам адресую эти строчки. Сейчас настал момент, что Вы вместе с радистом, который наладил связь, можете вернуться. Для этого я Вам посылаю техника-лейтенента броневой группы Бусыгина, проверенного солдата. Документы такие, что вы можете со спокойной совестью пуститься в путь. Вы — капитан Гельмут Ганштейн, попали 15-01-[19]44 г., работали при восстановлении Смоленска при дорожном строительстве. Летом Вас попутно спросили, не хотите ли Вы добровольно, как специалист по немецким оружиям и приборам, работать в Красной Армии. 20-09-[1944] Вас перевели из военного плена в отношении вольной помощи (Ильфсвили генфельштнц). Требуемая проверка произошла раньше... Вы состоите в трофейном отделении 39-й армии. Эти два офицера, с которыми Вы едете, должны исполнять задание на фронте. Приказы, которые дают им эту возможность, выданы Красной Армией. Так, многоуважаемый господин фон Ганштейн, с доверием в бога и с уверенностью, начинайте. Мы надеемся снова Вас встретить здоровым на границе Восточной Пруссии. Сейчас уже 5 месяцев как мои мысли и мысли моей служебной конторы с Вами. Пусть Вам потом будет суждена счастливая встреча в кругу Вашей семьи. С храбростью, предусмотрительностью и доверием к этим двум русским офицерам Вы сумеете это задание выполнить. Да здравствует фюрер. Хайль Гитлер. Подписал: Вассеро».

14 ноября 1944 года в «Сатурн» передали, что Ганштейн вернулся, но связь с немецким отрядом установить не удалось, и скоро они с «Кондратьевым» будут выдвигаться к линии фронта. Кроме того, уведомили, что Ганштейн «капризничает», говорит, что «в лагере он никогда не слышал, чтобы русские пользовались услугами военнопленных немцев и их офицеров», хочет идти к линии фронта только в форме польского офицера, а то

«русские поймают его и расстреляют, как бежавшего из плена».

Следующая выброска груза произошла 19 декабря 1944 года. В «посылке» находились миниатюрная рация с комплектом питания, теплые вещи, продукты и документы. Для подкрепления легенды о наличии «группы Шернхорна»[1] немецкой разведке 3 февраля 1945 года послали шифровку, в которой, как бы невзначай, упомянули, что «в 50 километрах южнее нашей стоянки появился большой вооруженный отряд, в составе которого много поляков, русских и немецких солдат», а Ганштейн продолжает «капризничать», не желая с такими документами идти к фронту.

Только 6 апреля 1945 года немцам сообщили, что «капитан Ганштейн и Кондратьев, взяв с собой радиста, ушли на запад, с намерением перейти линию фронта...». Этим самым чекисты рассчитывали провести сложную комбинацию, которая позволила бы вывести «курьера» в район Восточной Пруссии с тем, чтобы получить от немецкой разведки явки к действующему в этих районах нацистскому подполью.

Для руководства деятельностью «курьера» и его прикрытия была создана оперативная группа в составе 10 бойцов и радиста. Руководителем группы был назначен майор ГБ Киселев Николай Алексеевич, начальник отделения 4-го Управления НКГБ СССР. В последующем чекисты неоднократно пытались установить связь с «чужими», но в эфир никто не выходил. В это время Красная Армия с боями неудержимо наступала на Берлин... Близился Победный май 1945-го.

В ходе разработки операции «Курьеры» за период с октября 1942 года по 1945 год IV Управлением были получены следующие результаты:

---

[1] Легендированный советской контрразведкой отряд, который, якобы попал в окружение и пытается выйти к линии фронта. Подробный рассказ об этой операции — в следующем параграфе.

Арестовано немецких агентов-курьеров	12 чел.
Пособников немецкой разведки	5 чел.
Получено советских денег от немцев	1 295 091 руб.
Радиостанций	3 шт.
Винтовок	15 —"—
Револьверов	10 —"—
Патронов более	500 —"—
Обмундирование (военное) летнее	14 компл.
Белья нательного	10 —"—
Фуфаек ватных	6 шт.
Брюк ватных	8 —"—
Шапок ушанок	6 —"—
Валенок	6 пар
Бурок	1 пара

В дальнейшем «Монастырь» и «Курьеры» получили новое направление. Началась операция «Березино».

Оперативная игра «Березино»[1]

К середине 1943 года инициатива на советско-германском фронте перешла в руки командования Красной Армии. Под Сталинградом и на Курской дуге советские войска нанесли сокрушительные удары по гитлеровским агрессорам. После резкого изменения обстановки на театре военных действий в пользу советских войск немецкому командованию было необходимо определить, на каком участке фронта готовится новый удар Красной Армией.

В связи с этим германские спецслужбы стали проявлять повышенный интерес к транспортной системе, к перевозкам, продовольственным и топливным ресурсам СССР, т. е. оккупанты перешли к методу глубокой разведки. Одновременно командованием вермахта перед разведорганами была поставлена задача — расширить

[1] Об операции «Березино» см. также: *Тюрин А.В., Макаров В.Г.* Лубянка обвела вокруг пальца матерого диверсанта. Легендарный поход «группы Шернхорна» по советским тылам // Независимое военное обозрение. 2005. № 16.

диверсионную и повстанческую работу на территории СССР. С помощью повстанцев-диверсантов, навербованных из предателей Родины, оккупанты пытались облегчить положение своих армий на Восточном фронте.

В то время агентурные позиции советских органов безопасности в прифронтовых органах Абвера, особенно по линии «Смерш», были довольно прочные. Советские контрразведчики своевременно вскрыли замысел врага и нанесли ответный удар. В числе операций, направленных на срыв замысла немецких спецслужбы создать в советском тылу свое «партизанское движение», можно назвать, например, такие радиоигры, как «Арийцы», «Десант», «Янус», проведенные «Смершем»[1]. Включился в эту борьбу с вражеской разведкой и наркомат госбезопасности. Поэтому новым, совершенно неожиданным и рискованным продолжением «Монастыря» и «Курьеров» стала оперативная комбинация «Березино»[2].

В рамках радиоигр «Монастырь» и «Курьеры» 18 августа 1944 года противнику была передана радиограмма следующего содержания: «В Москву приехал из Белоруссии Александр. Его часть находится сейчас в м. Березино, что в 100 км западнее Могилева. Александр рассказывает, что в районе Березино в лесах скрывается крупная германская часть, полк или больше, не желающая сдаваться большевикам. Александр беседовал с пленным обер-ефрейтором из этой части, захваченным во время разведки на шоссе, который ему сообщил, что во главе этой части стоит подполковник Шерхорн.

Часть намерена пробиться на Запад. Однако в силу наличия более 150 тяжелораненых и отсутствия вооружения, боеприпасов и продовольствия, ее продвижение задерживается. Часть в настоящее время скрывается в

---

[1] См. так же: «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. С. 191–210.

[2] О радиоигре «Березино» см. также: *Зданович А.А.* Радиоигра с «Сатурном» // Игра на чужом поле: Сборник. — М., 2001. С. 211–226.

глубине лесного массива, в одном из оставленных советскими партизанами лагерей. Небольшие группы из этой части, по словам пленного, изредка нападают на отдельные автомашины и конные обозы, в основном с целью захвата продовольствия. Пленный сообщил Александру, что на допросе он ничего о местонахождении своей части не рассказал. Получив эти сведения, Александр специально добился командировки в Москву, чтобы сообщить Вам. Александр считает, что если Вы в этом заинтересованы, то он через своих людей в Березино сможет наладить связь с этой частью. Срок пребывания Александра в Москве кончается 28 августа. ПРЕСТОЛ». Так началась следующая фаза стратегической радиоигры «Березино».

Через пять дней, 23 августа Центр повторно был проинформирован короткой радиограммой, на этот раз от «Гейне»: «Прошу ускорить ответ с тем, чтобы я его получил до моего отъезда из Москвы. Срок моей командировки истекает 28 августа. Больше задерживаться не могу. АЛЕКСАНДР». Противник не выдержал, и 25 августа пришел долгожданный на Лубянке ответ: «Благодарим Вас за Ваше сообщение. Просим Александра связаться с этой немецкой частью. Мы намерены сбросить для них различный груз. Мы также могли бы послать радиста, который мог бы оттуда связаться со здешними руководящими органами. Для этого мы должны знать местонахождение этой части, где наш радист может найти ее и где имеется подходящее место для сброски багажа. Этой части нужно было бы сообщить о прибытии к ним радиста, чтобы он не был задержан этой частью, так как радист придет в обмундировании Красной Армии. Пароль бы скоба (искажено пять групп) скоба. Когда мы можем рассчитывать на ответ, и как Вы хотите передавать нам сообщения. ПРИВЕТ».

К 28 августа германский Центр был проинформирован о способе связи, необходимых финансовых средствах и о скорейшей присылке радиопередатчика для

Александра. Для скорейшей передачи немцам сообщения об установлении связи с «группой Шерхорна» из Москвы в Минск с Александром должна якобы поехать его жена. На следующий день, 29 августа, заместитель наркома госбезопасности СССР Б.З. Кобулов утвердил составленный начальником 3-го отдела IV Управления Маклярским и согласованный с начальником IV Управления НКГБ СССР Судоплатовым «План мероприятий по организации ложной базы, якобы действующей в нашем тылу воинской части и обеспечению приема грузов, курьеров, радистов, которые должны были быть направлены немецкой разведкой в данную базу». Радиоигра «Березино» началась.

7 сентября немцам радировали, что жена «Гейне» вернулась из Минска и сообщила об установлении Александром связи с «группой Шерхорна», о помощи продовольствием, медикаментами, боеприпасами, уточнили место приема самолетов и подтвердили, что «дух солдат по-прежнему боевой». Были также оговорены сигналы для встречи «багажа»: при подлете самолета, если все в порядке, — белая ракета и зажжено четыре костра, если есть опасность — красная. Немцам также сообщили, что «часть» дислоцируется в районе озера Песчаное Червенского района Минской области, и указали координаты площадки для выброски груза и радиста. Одновременно в заданный район выехала чекистская опергруппа в составе 20 автоматчиков из состава ОООН НКГБ СССР[1]; по линии IV Управления операцию на месте возглавляли капитан госбезопасности Леонов[2] и старший оперуполномоченный майор госбезопасности Борисов. Связь Лу-

---

[1] Приказом НКВД СССР от 27 октября 1943 г. ОМСБОН был расформирован. На его основе приказом НКГБ СССР от 5 октября 1943 г. сформирован Отдельный отряд особого назначения (ОООН НКГБ СССР). Приказом НКГБ № 50 от 24 февраля 1944 г. ОООН НКГБ СССР включен в состав действующей армии.

[2] Возможно, речь идет о Д.С. Леонове (впоследствии — генерал-лейтенанте).

бянки с опергруппой осуществлялась по рации (позывной Борисова — «Назар»).

Для успешного проведения операции было необходимо включение в состав легендируемой немецкой войсковой части кадровых военнослужащих вермахта. Это диктовалось рядом соображений: во-первых, только с их помощью можно было составлять донесения противнику по принятым в немецкой армии стандартам; во-вторых, немецкие офицеры известны своему командованию и при случае могли бы укрепить версию чекистов; в-третьих, они могли бы оказать помощь в «приеме гостей».

В задачу опергруппы входило подобрать одну из использовавшихся во время оккупации партизанских баз, где укрывается легендируемая немецкая часть; приготовить площадки для возможного приема самолетов, груза и парашютистов. К проведению операции также были привлечены антифашистки настроенные немецкие военнопленные (сам подполковник Шерхорн о предстоящей операции не оповещался).

Местом для базы «группы Шерхорна» была выбрана площадка в 30 км северо-западнее Березино (в 2 км северо-восточнее сожженной деревни Синетово и полутора км северо-западнее оз. Луково) — бывший партизанский аэродром. Причем о существовании этого аэродрома немецкому командованию стало известно еще в период оккупации Белоруссии. Все подступы к площадке тщательно охранялись войсковыми патрулями. На случай непредвиденных осложнений в районе площадки было замаскировано несколько зенитных установок. В трехстах метрах от площадки была разбита палатка — «штаб Шерхорна», в которой Шерхорн, под контролем наших контрразведчиков, беседовал с вновь прибывшими. Рядом со «штабом Шерхорна» находилась палатка, в которой размещалось оперативное руководство НКГБ СССР.

На площадке было организовано круглосуточное дежурство бойцов и оперативных сотрудников НКГБ. В их числе находилось 10 человек, немцев по национальности, переодетых в немецкую форму, которые непосредственно участвовали в «приеме» парашютистов. В нескольких километрах от площадки, в глухом лесу, было создано подобие лагеря, скрывающейся «немецкой части»: разбито несколько палаток, сооружены землянки, в которых находились бойцы опергруппы.

20 сентября Шерхорн направил германскому командованию длинную радиограмму: «Связь через русского капитана из Березино установлена 3 сентября. Дислоцируюсь: лес северо-западнее озера Луково, 3 км. сев. Маконь, по дороге Чернявка—Маконь—Смиловичи. Ко мне присоединились подполковники: Михаэлис и Эккардт, майор Дитманн и еще 16 офицеров и 250 рядовых. Общее количество людей в настоящее время около 1500, из них 184 раненых (частично тяжело), кроме того, двести русских полицейских. С русским капитаном было условлено, что выброска будет произведена после 19-го, выброска состоялась в ночь с 14 на 15 сентября, поэтому на месте выброски не было ни постов, ни сигналов. Питание и боеприпасы найдены около Потичево в незначительном количестве. Позднее около Дуброво найдены 3 места со снаряжением. Для кого это? Из двух выброшенных вами около Маконь связистов один при окрике моим постовым бежал. Другой надежен, но не может быть использован как радист. Газеты получил, желательно еще. Полученных продуктов питания совершенно недостаточно. Положение критическое, если не будет сброшено достаточного количества питания и боеприпасов. Пока что никакая активность невозможна. Срочно требуются: взрывчатые вещества, 15 пулеметов, 100 автоматов и 5 средн[их] гранатометов с достаточным количеством боеприпасов. Боеприпасы для пулеметов и винтовок — так же и русские — 2 радиоаппарата, 2 радиста

(немецких), 1 врач. Перевязочный материал, медикаменты (морфий). Питание для 1800 человек на 10 дней. Обмундирование, особенно шинели и одеяла, а также брюки и гимнастерки для раненых. Карты для пути следования к собственным линиям. Указать, где можно успешно прорваться на запад и где этот прорыв может быть вблизи от фронта поддержан тяжелыми орудиями и танками. Пытаюсь вновь установить связь через русского капитана, в виду того что сброшенная мне рация при выброске разбилась. На месте выброски — как условлено, начиная с 29/IX, — будут выставлены посты и при приближении нашего самолета выброшены условленные сигналы. Пароль — ПРОРЫВ. Шерхорн, подполковник».

Однако немецкая контрразведка не сразу поверила в существование крупной группировки в советском тылу. Параллельно, для проверки фактического существования «группы Шерхорна», немецкое командование в октябре 1944 года выбросило две разведывательные группы по четыре человека в каждой. Во главе одной из команд был поставлен кадровый разведчик, немец по национальности (или «фольксдойч»), которому приданы по три агента из числа бывших советских военнослужащих, завербованных немецкой разведкой. В своем составе команда имела подготовленного радиста с радиопередатчиком для связи с Центром. Об их вылете Шерхорн проинформирован не был. «Проверочные» команды приземлись 9 октября 1944 года в районе озера Песчаное, которое было выбрано местом встречи в экстренных обстоятельствах. При десантировании из-за сильного ветра парашютистов раскидало в разные стороны.

Засадами обе группы были обезврежены. При задержании с одним из «гостей» произошел курьезный случай. Выйдя 11 октября к озеру Песчаное, командир одной из групп увидел на берегу человека, который умывался, брился и делал зарядку. Не соблюдая необходимых в таких случаях элементарных мер безопасности, диверсант

спрятал в кустах оружие, снаряжение и, взяв с собой только пистолет, вышел из лесу на открытую местность. Предполагая, что попал к «своим», диверсант окликнул увиденного бойца: «Ком, ком...» Красноармеец, на мгновение опешивший от встречи с противником, однако, не растерялся. В ответ также последовало: «Ком, ком!» Как только «гость из Фриденталя» приблизился, наш боец ловким приемом обезоружил и задержал врага. Во время борьбы диверсант пытался покончить с собой, так как специально имел при себе ампулу с ядом (цианистый калий).

Пленником оказался унтер-офицер 1-го полка специального назначения дивизии «Бранденбург» Христов Крушнинг, уроженец Латвии, который с 1940 года проживал в Германии. На допросе чекисты спросили арестованного, почему он так беспечно вел себя на территории противника. В ответ пленник заявил, что ему «всю жизнь внушали, что русские заросли бородами, не моются и т. п., поэтому, когда я увидел человека, который на берегу замерзшего озера бреется, делает гимнастику, я был уверен, что попал к своим, поэтому так смело подошел к нему». На следующий день были нейтрализованы и остальные парашютисты группы Крушнинга, а также радист второй группы «Веденин» с радиостанцией и шифродокументами. Вторая группа шпионов также была полностью захвачена.

Чекисты разработали последовательную процедуру встречи «гостей»: после приземления парашютистов направляли в палатку к командиру группы. В ходе беседы с «гостями» Шерхорн выяснял цель прибытия, полученные задания и отправлял в сопровождении оперативников, одетых в немецкую форму, в «лагерь части». По дороге, проходящей через лес, прибывшие парашютисты, вместе с сопровождающими, задерживались патрулями опергруппы, одетыми в красноармейскую форму, и доставлялись в штаб опергруппы, дислоцировавшийся в деревне Градно.

Приняв радиограммы от «проверочных» команд о наличии «группы Шерхорна», немцы выбросили трех военнослужащих с рациями для установления связи. Пароль старшему группы для встречи с Шерхорном — «Ганновер». 23 октября в расставленные чекистами «сети» попали сразу три радиста-немца, подготовленные Абверкомандой-103: Фридрих Шмитс (радист, старший группы), Курт Киберт и Рудигер Ханк. Для опознания подполковника Шерхорна Шмитс имел при себе его фотографическую карточку.

Во время беседы с Шерхорном старший группы также сообщил, что о «группе Шерхорна» доложено Гитлеру и Герингу, которые заявили, что будет сделано все необходимое для спасения. Другой радист, Киберт, рассказал, что немецкая разведка решила 25 октября послать Шерхорну врача и авиаспециалиста для подготовки посадочной площадки военно-транспортных самолетов типа «Арадо»[1]. При помощи этих машин предполагалось доставлять специальные инструменты, оружие, боеприпасы и вывозить больных и раненых. Из рассказов пленного чекисты также узнали и о планах немецкого командования предоставить право вызова транспортников самому подполковнику Шерхорну. Противнику радировали о трудностях, связанных с оборудованием посадочной полосы, и активности советской авиации в районе дислокации лагеря.

Пленные радисты рассказали, что каждый из них получил указание от разведцентра, независимо друг от друга, на следующий же день после приземления выйти в эфир и сообщить по своей рации, что «группа Шерхорна» действительно существует. Немецкая разведка предусмотрительно снабдила направляемых в наш тыл радистов условным сигналом провала, который мог быть от-

---

[1] Вероятно, речь шла о специальном самолете, созданном немецкими авиаконструкторами для проведения десантных операций в глубоком тылу противника типа «Арадо-232».

правлен незаметно для контролера. Пленные на допросе сообщили ценные сведения о способах передачи радиосигналов, принятых в Абверкоманде-103, командирах и личном составе и условных сигналах, предназначенных для передачи в Центр в случае провала. После личной беседы с генерал-майором Эйтингоном, Шмитс и Киберт без колебаний согласились на сотрудничество с советской контрразведкой и были включены в радиоигру. Шмист получил псевдоним Пчела, а Киберт — «Муха». О третьем радисте, Гансе Рудигере, немцам сообщили, что он тяжело ранен. За работой перевербованных немцев-радистов при радиосеансах с Центром всегда находился опытный сотрудник контрразведки, который внимательно следил за каждой «точкой-тире», переданной в эфир.

«Чужие», получив подтверждение от радистов о действительном наличии «группы Шерхорна» в белорусском лесу, «характер которой не вызывает сомнения», 27 октября выбросили на площадку новое пополнение — врача, капитана Ешке, и унтер-офицера Люфтваффе Гарри Вильда. По опробованному «сценарию» Ешке и Вильд были встречены с Шерхорном, которому они при личной встрече передали директивное письмо от 26 октября 1944 года главнокомандующего группы армий Центр генерал-полковника Рейнгарда и письмо от 23 октября начальника Абверкоманды-103 старшего лейтенанта Барфельда. Ешке и Вильд доложили Шерхорну, что лично рейхсмаршалом Германом Герингом дано распоряжение о выделении четырех военно-транспортных самолетов типа «Арадо» для доставки грузов и вывоза раненых.

Для оборудования посадочной площадки унтер-офицеру Вильду поручено оборудовать площадку для посадки этих самолетов (см. специальную инструкцию). 28 октября в расположении группы Шерхорна приземлились специалист по аэродромному оборудованию и врач. Немецкое командование настаивало на создании

временного аэродрома и направило свои требования к обеспечению безопасности при посадке самолетов в «группу Шерхорна». В принятой от «чужих» радиограмме сообщалось: «№ 99. Предусмотрен день 28.11. При посадке первой машины следует строго соблюдать следующее: 1. Отметить границы площадки 3 кострами с каждой стороны. Костры должны гореть ярко, но, как только машина найдет площадку, должны быть слегка потушены. Все солдаты, включая и офицеров, должны стоять группами у костров — за границами площадки. 2. Машина садится, поворачивается, идет к посадочному [кругу], разворачивается так, что останавливается с работающим мотором в направлении старта. Вильд без сопровождения направляется к машине и заходит с левой стороны вокруг левого крыла к боковому люку в направлении полета[1] и лично указывает пилоту место остановки машины. 3. До того как будут остановлены моторы, на площадке не должно находиться ни одного человека, за исключением Вильда, солдата, подающего сигнал на конус стартовой площадки, и, может быть, радиста. 4. Как только все моторы будут заглушены, подполковник Шерхорн подходит с начальниками разгрузочной и погрузочной команд к машине».

О результатах радиоигры и планах ее дальнейшего развития нарком госбезопасности СССР В. Меркулов служебной запиской от 4 ноября 1944 года уведомил ГКО СССР[2]. Руководством советской контрразведки предлагалось несколько вариантов продолжения операции. Первый — принять предложение «чужих» о присылке одного-двух транспортных самолетов с грузом и за-

---

[1] В тексте «в направлении к полету».

[2] Выдержки из сообщения НКГБ СССР № 4843/М в ГКО о ходе операции по легендированию перед Верховным командованием Германии наличия немецкой воинской части, скрывающейся в лесах Белоруссии от 4 ноября 1944 г. опубликованы: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том пятый. Кн. 2. С. 543—550.

хватить их вместе с экипажем. В таком случае доверие немцев к «группе Шерхорна» будет подорвано и «игру» придется прекратить. Однако, учитывая стремление немецкого командования во что бы то ни стало вывести «окруженцев» на соединение с германской армией, было принято другое решение. Под предлогом открытия немцами одного из участков обороны для прохода «части Шерхорна» ввести в образовавшееся «окно» переодетых в немецкую форму советских военнослужащих и прорвать линию фронта. Для реализации этого замысла даже предлагалось передать немецкой разведке дезинформацию о том, что «частью Шерхорна» в прифронтовой полосе захвачена советская штабная машина с документами, среди которых обнаружены важные «оперативные планы» Советского командования. На следующий день В.М. Молотов синим карандашом написал резолюцию: «По-моему, второй вариант (тянуть дело дольше) — лучше. В. Молотов. 5/XI [1944]».

Чекисты также рассчитывали, что Абвер может использовать сложившуюся базу для создания перевалочного пункта для своей агентуры, а также для связи с националистическими бандами, действовавшими в Западной Украине, Белоруссии и Прибалтике. Начальник Абверкоманды-103 Рудольф Барфельд вылетел лично в наш тыл, видимо, для оценки «лагеря» с воздуха, но на обратном пути его самолет при посадке загорелся и разбился, а сам Барфельд погиб. Для того чтобы в дальнейшем защитить проводимую операцию от внезапных проверок противника, чекисты предприняли дополнительные защитные меры.

Почти ежедневно немецкие самолеты начали сбрасывать группе боеприпасы, оружие, продовольствие, обмундирование, деньги и даже, что особо отметили чекисты, туалетную бумагу. В качестве контейнеров для сброски с парашютом, применявшимся немцами для снабжения своих диверсантов, использовались корпуса авиабомб, которые чекисты метко окрестили «грузо-

бомбами». Так, например, только в сентябре-октябре 1944 года немцы совершили 17 самолето-вылетов и сбросили: 16 разведчиков-парашютистов (из них немцев — 7 человек); 55 мест различного груза, в том числе 186 комплектов зимнего десантного обмундирования, 220 пар перчаток и рукавиц, 30 пар трикотажного белья, 30 пар обуви, 60 кг сахара, 60 кг шоколада, 20 000 сигарет, полтонны разных медикаментов, ящик поперечных пил, осветительные лампы и другое оборудование для приема самолетов, 10 автоматов МР-44 с боеприпасами; 250 топографических карт районов Белоруссии и др. Кроме того, немецким командованием прислано Шерхорну 870 000 советских денег.

Сложная операция чекистов с немецкой разведкой продолжалась. Однако не все проходило гладко. По мере развития многоходовой комбинации с германским разведцентром возникали сложности различного характера, например охрана в «полевых» условиях захваченных в плен немецких военнослужащих, привлеченных к участию в радиоигре. Некоторые из них предпринимали отчаянные попытки к бегству.

Так, 13 ноября Эйтингон сообщил в Москву: «Доношу о большой неприятности, которая произошла 11-го в 4-00. Арестованный Грач — Ешке, пользуясь тем, что охранявшие его разведчик Ефимов и боец нашего отряда Тарасенко спали, он при помощи найденной в хате вязальной спицы снял наручники и, ударив спавшего Ефимова лопатой, бежал. Вскоре после побега были приняты все меры к розыску, к проческе местности и мобилизации населения сел в радиусе 50 км. 12-го в 9 часов утра Ешке — Грач был задержан в районе дер. Котово. Сейчас Ешке находится у меня и подвергается допросу. Ефимов ранен в голову...» В связи с возникшими трудностями чекисты обратились в Минск с просьбой прислать 100 автоматчиков на случай выброски немецких десантов или прибытия транспортных самолетов.

В недавно вышедшей в свет книге Э.П. Шарапова, претендующей «на документальность без грифа «секретно», этот эпизод описан весьма красочно: «...Ешке в очередной раз присел на нары в мучительном раздумье. И вдруг его рука, машинально опустившись к ножке топчана, почувствовала что-то деревянное рядом с ножкой. Нагнувшись, он увидел саперную лопатку, кем-то случайно забытую. Ешке вскочил и заметался по блиндажу. Бежать! Как только часовой заснет, сделать подкоп и бежать к своим. Но, трезво оценив свой план, он понял, что бежать бесполезно. Один, без продовольствия и оружия, в чужом лесу, он не доберется до своих. Ну что же... Видно, богу угодно призвать его к себе и дать возможность стойко умереть. Он покажет этим русским, что такое настоящий офицер немецкой армии. Сжав в руке лопатку, Ешке подошел к двери... Утро следующего дня было пасмурным. Возле блиндажа толпились бойцы. Срочно вызвали патрульный наряд. Дверь в землянку была открыта, на пороге лежал мертвый часовой. На его рассеченном виске запеклась кровь. Рядом лежала саперная лопатка. Труп Ешке находился чуть подальше от землянки. В руках Ешке сжимал автомат часового»[1]. Как было на самом деле, читатель уже знает.

Замечу, что книга Шарапова — не приключенческая повесть, а, по его же словам, «новый взгляд на операцию «Монастырь». Только не совсем понятно, какую автор преследовал цель — в очередной раз «навести тень на плетень»? Мало того, что господин Шарапов слабо ориентируется в истории отечественных органов государственной безопасности, весьма вольно давая названия существовавших в те годы подразделений НКВД. Большие проблемы у автора-документалиста и с хронологией Великой Отечественной войны. Так, например, наступательная операция Красной Армии января—февраля 1943 года почему-то идет перед Сталинградской битвой

---

[1] *Шарапов Э.П.* Указ. соч. С. 104—106.

(см. с. 76). И в целом книга, несмотря на то что названа «Судоплатов против Канариса», не отвечает своему названию. В этом «произведении» есть все: радиоигры, проводимые ГУКР «Смерш» НКО СССР и НКГБ СССР, работа по «атомному проекту» в США и т.п. До последней страницы читатель будет надеяться разыскать увлекательную невидимую «дуэль» Судоплатов—Канарис, но безуспешно. С сожалением отметим, что в последнее время подобных изданий «обо всем и ни о чем», посвященных истории спецслужб, становится все больше и больше.

Вернемся вновь к операции «Березино». 4 декабря 1944 года Верховному командованию группы армий Центр по рации «Муха» передана радиограмма: «Противник по-прежнему проявляет большую активность, не раз появлялся в непосредственной близости к площадке. Оставаться на месте всей группе невозможно. Намереваюсь отправить по северному маршруту (см. карту) группу в 400—500 чел. с частью легко раненных под командованием подполковника Эккардта. Возможно ли организовать для группы выброску с крупных машин питания и снабжения».

Благодаря разведданным, полученным от зафронтовых разведчиков, проникших в «Сатурн», НКГБ стало известно о наличии у Абверкоманды мощных пеленгаторов, позволяющих с большой точностью определить координаты места выхода радиостанций в эфир. Поэтому каждый сеанс радиосвязи в ходе «движения» групп «войсковой части Шерхорна» согласовывался с соответствующими службами НКГБ (Иванчихин, отдел «Б»).

«Война в эфире» не прекращалась ни днем, ни ночью. Это убедительно показывает динамика радиопереговоров. Для предотвращения расконспирации «игры» были легендированы боестолкновения с советскими войсками. «Чужих» также уведомили о решении разбиться на несколько отрядов для самостоятельного выхода за линию фронта. Вся «войсковая часть» была разбита

на четыре группы под командованием подполковника Шерхорна, подполковника Эккардта и Фольрата. Так, 16 декабря — радиограмма Шерхорна «чужим»: «Группа Эккардта готова к отправке. Численность: 7 офицеров, 428 унтер-офицеров и солдат, 42 ОД. Группа направляется по северному маршруту и идет двумя подгруппами, которые в зависимости от положения могут делиться на более мелкие группы. Группа выступает в ночь с 16/17 или самое позднее[1] с 17/18». 18 декабря — следующее сообщение «чужим»: «Верховному командованию. Группа Эккардта выступила по плану с 17-го на 18-е. Численность как было сообщено. Радист Киберт. Командир подгруппы майор Музель». На следующий день уже сам Эккардт (Олень) связался с Центром: «Верховному командованию (Оберкомандо). Маршевая группа достигла сегодня леса в 4 км сев[еро]-восточнее м. Сандобле. До сих пор продвигался планомерно без происшествий».

В действительности состав «группы Шернхорна» включал 35 бойцов (10 — из ОСНАЗа и 25 минских разведчиков), 3 агента-немца и радистов: Муху и Вернигорова (для охраны Мухи). В оперативном отношении группу возглавляли майор ГБ Успенский (псевдоним для связи с Москвой — «Егор») и заместитель начальника — Гарбуз. Местонахождение — местечко Градно, район Березино, БССР. Подразделения НКГБ, участвовавшие в задержании немецких парашютистов, на случай внезапной посадки немецких самолетов имели на вооружении 3 ручных пулемета и автоматы с бронебойно-зажигательными патронами. Отмечу, что на всех этапах проведения операции в районе Березино привлекалось 32 оперативных работника НКГБ СССР и 225 красноармейцев войск НКВД.

1 января 1945 года Центр запросил группу Эккардта о необходимости в радисте. В ответ запросили радиста и 2—3 проводников, знающих местность. В тот же день по-

[1] Так в тексте.

ступила приветственная радиограмма от командующего группой армий Центр генерал-полковника Рейнхарда: «В наступающем Новом году я передаю всем храбрым солдатам боевой группы Шерхорна мой личный привет и привет родины, желаю им благополучного возвращения домой и для нас всех желаю победоносного 1945 г. Да здравствует наш фюрер. Генерал-полковник Рейнхард». В ответ Эккардт радировал: «От имени моих офицеров и солдат покорнейше благодарю за Ваше поздравление и разрешаю от себя пожелать Вам в 1945 г. здоровья и полного успеха в Вашем руководстве. Боевая группа встретила 1945 г. с глубокой верой в счастливое возвращение на родину и в победу нашего народа. Хайль Гитлер. Эккардт».

Наконец, 5 января принята радиограмма Оберкомандо: «Сегодня заброска радиста и намечено снабжение. Костры как было обусловлено с 19.00 московского времени». Однако из-за плохой погоды выброска не состоялась ни 6-го, ни на следующий день. «Помощь» доставили в ночь с 19 на 20 января, груз оказался разбросан в радиусе 5 км от площадки. От Оберкомандо было получено: мешков с парашютами — 35, мешков без парашютов — 11, металлических ящиков с хлебом в сухарях — 48.

В ходе операции чекистам приходилось не только встречать «посылки» от германского командования, но и вести бои с реальным противником. Так, 15 января группа Успенского радировала в Москву: «13 января в 23 часа разведка нашего отряда в районе Липово неожиданно столкнулась с бандой украинских националистов. В результате перестрелки убито два бандита, один — ранен... Установлена банда в 100 человек, вооружена 6 РП[1], автоматами, винтовками. Банда имеет подводы, люди одеты в красноармейскую форму, носят значки УПА[2], называют себя «бульбовцами»...».

---

[1] РП — ручной пулемет.
[2] УПА — Украинская повстанческая армия.

Со временем от «чужих» стали приходить все более пессимистические по настроению радиограммы, так, например, 12 февраля 1945 года радист «Синица» получил сообщение: «Уже месяц ведем тяжелейшие оборонительные бои. Несмотря на критическое положение, из него выйдем. Помощь Вам будет оказываться и дальше. Да здравствует фюрер. Победа. Хайль. Главное командование». Через несколько дней, 16 февраля, аналогичная шифровка пришла в группу Эккардта: «В течение месяца находимся в тяжелой оборонительной борьбе. Несмотря на критическое положение, сделаем все. Помощь для Вас направляется. Да здравствует фюрер. Да здравствует победа. Оберкомандо».

В следующие месяцы немецкое командование, как могло, пыталось поднять боевой дух окруженцев. «Мужество и героизм» группы Шерхорна было высоко оценено фюрером. Примерно через месяц от «чужих» получено две телеграммы. Первая была подписана начальником Генерального штаба вермахта Гейнцом Гудерианом: «№. 5. Для полковника Шерхорна. Приказом от 16 марта фюрер произвел Вас в этот чин. Сердечные поздравления. Желаем успеха в дальнейшей работе. Гудериан»; вторая — от командования группы Центр: «Для полковника Шерхорна. Приказом от 23 марта в знак Ваших выдающихся достижений и выдержки фюрер наградил вас Рыцарским крестом ордена Железный крест. Это одновременно признание заслуг Ваших людей далеко в стране противника. Наши лучшие пожелания в вашем дальнейшем марше. Да здравствует фюрер. Оберкомандо».

В последующем «чужим» сообщалось о выходе из строя элементов питания, тяжелых условиях со снабжением продовольствием и т.п. 19 марта Центр сообщил о направлении очередной партии груза: «Сегодня снабжение с 21-00 по московскому времени. Три костра, один факел. Оберкомандо». В ту же ночь немецкие самолеты сбросили груз, состоящий из продуктов питания, радиобатарей и аппаратуры всем трем группам: Клина (район

оз. Нарочь Молодеченской области — нач. Цимакуридзе); группе Эккардта (район Вилейки Молодеченской области — нач. Успенский); группе Фольрата (район Налибокской пущи — нач. Мордвинов).

Чины и награды на «героев» белорусских лесов сыпались как из рога изобилия. 28 марта поступили радиограммы: «Полковнику Эккардту. Фюрер произвел Вас в этот чин с действием от 16 марта. Сердечные поздравления и пожелания дальнейшего успеха в Вашем трудном деле. Гудериан»; «Полковнику Эккардт Фюрер наградил 23 марта унтер-офицера Кибердт Железным крестом 1-го класса. Сердечно поздравляем. Оберкомандо». Верховное командование также предложило Шерхорну, чтобы он сообщил список лиц, достойных награждения. Так как передавать сразу большой текст в эфир рискованно, решено было отправлять по 5—7 фамилий отличившихся ежедневно. Чекисты ухватились за эту возможность, чтобы продлить радиоигру. Оберкомандо постоянно информировалось о трудностях с продовольствием.

Очередная «посылка» поступила 18 апреля: «Сброшено 14 бомб, 14 мешков и 2 парашютных мешка. Оберкомандо». Одновременно Центром предложен маршрут: «... Августовский лес, юго-восточнее Сувалки. Маршрут — обычное направление на запад до 20 км восточнее Вены (Вильно обойти с юго-востока). Пуща Рудница, пуща Руска южнее Друскенике — Августовский лес. Передовой отряд Шиффера немедленно отправьте по маршруту. Результаты разведки будут заранее сообщаться. Оберкомандо».

По пути движения немцы, хотя и неохотно, продолжали снабжение отрядов. Игра продолжалась до конца войны, и 2 мая 1945 г. немецкий разведцентр сообщил, что Гитлер покончил жизнь самоубийством, правительство возглавил адмирал Дейниц и что возможностей поддерживать радиосвязь не имеется.

Успеху операции способствовало участие в ней немецких офицеров, которые согласились на сотрудниче-

ство с советской контрразведкой. Война длилась уже пятый год, и всем было ясно, что поражение Германии предрешено. Лучше других это понимали германские военнослужащие, воевавшие на Восточном фронте. Подчеркнем, что участие в операции на нашей стороне приняли не какие-то необстрелянные молокососы, а бывалые офицеры, за плечами которых были успешные кампании в Польше и Франции. Их нельзя было упрекнуть в трусости, подтверждением их храбрости являлись высокие награды. Подполковник Генрих Шерхорн награжден Железным крестом II степени за участие в Первой мировой и орденом «За военные заслуги» II степени за бои на советско-германском фронте. Еще более весомые «иконостасы» имели подполковник Вилли Экардт (Железный крест I и II степеней и Рыцарский крест Железного креста) и Ганс Михоэлис (Железный крест I (1941) и II (1940) степеней, Немецкий крест в золоте (1942), Рыцарский крест Железного креста (1943).

В опубликованных воспоминаниях бывшего начальника советской внешней разведки (5-го отдела ГУГБ НКВД — Первого управления НКГБ) П.М. Фитина несколько слов сказано о послевоенной судьбе подполковника Г. Шернхорна и его сослуживцев, участвовавших в операции «Березино»: «В начале 50-х годов Генрих Шернхорн и его группа из числа немецких военнопленных были освобождены и выехали для работы и жительства в ГДР. О дальнейшей их судьбе сведений не сохранилось»[1].

О результатах операций «Монастырь» и «Березино» нарком госбезопасности служебной запиской № 2587 докладывал в ГКО СССР и НКВД СССР 30 апреля 1945 года: «Всего с начала игры по легендированию части Шерхорна (с сентября 1944 г.) немцами совершено на нашу территорию 67 самолето-вылетов и сброшено: 25 германских разведчиков (все арестованы), 13 ра-

[1] Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 4. — М., 1999. С. 128.

диостанций, из которых 7 включены в игру с немцами, 644 места различного груза, в том числе 615 комплектов зимнего обмундирования, 20 пулеметов МГ-42, 100 винтовок и автоматов, 35 пистолетов, 2000 гранат, 142 000 патронов, более 2,5 тонн мясопродуктов, 370 кг шоколада, 4 тонны хлеба, 400 кг сахара, 100 бутылок вина и т. д. Кроме того, было прислано 2 258 330 рублей советскими деньгами». Так завершился «легендарный» поход «группы Шерхорна» по советским тылам.

Взгляд «с другой стороны»

В 1944 году перемены коснулись и немецкой разведки. После снятия с должности адмирала Канариса и подчинении Абвера РСХА в мае — июне 1944 года своих постов лишился и ряд начальников разведывательных органов, действовавших на Восточном фронте. А разведка Восточного фронта, условно именовавшаяся Штаб «Валли», по указанию Гиммлера в начале июня 1944 года была переименована в «Разведывательный орган Восточного фронта».

Поэтому в нашей истории и появился новый фигурант, «диверсант № 1» гитлеровской Германии, оберштурмбаннфюрер СС Скорцени. Его воспоминания, как одного из участников этой легендарной операции, представляют особый интерес. В немецкой разведке, которая к этому времени была подчинена «ведомству» Гиммлера, операция по спасению группы Шерхорна получила кодовое наименование «Вольный стрелок».

В своей книге Скорцени, который на одном из этапов возглавлял операцию, с пафосом писал: «Чтобы хорошо осознать масштабы катастрофы, достаточно сказать, что из сорока семи генералов 4-й и 9-й армий, а также 3-й танковой армии семь погибли в боях (в том числе командир 6-го армейского корпуса генерал Пфайффер), двое покончили жизнь самоубийством, а двадцать один попал в плен. Но Шерхорн не сдался. Командиры такого

покроя, сумевшие в чрезмерном хаосе сплотить вокруг себя 2000 человек, полных решимости дорого продать свою жизнь, заслуживают большего, чем только словесное поощрение их мужества»[1].

Об участии Скорцени в «спасении группы Шерхорна» чекистам было хорошо известно. Так, в сводке IV Управления сообщалось: «...устанавливается наличие новой немецко-разведывательной организации, имеющей название «Егерский батальон СС № 502». «Егерский батальон № 502 СС» начал создаваться во второй половине 1943 года и до сих пор еще не укомплектован. В настоящее время (на декабрь 1944 г. — *Прим. авт.*) он насчитывает до 400 чел. Указанный батальон существует под видом отдельной войсковой части, подчиненной непосредственно Главному штабу войск СС. Место дислокации батальона — гор. Ораниенбург — 40—45 км севернее Берлина. Батальон занимается исключительно подготовкой разведчиков и заброской их на территорию Советского Союза, Бельгию, Голландию и другие европейские страны для проведения там подрывной и диверсионной работы. Батальон комплектуется из специально подбираемых здоровых людей разных национальностей. Так как в батальоне имеются немцы, бельгийцы, голландцы, а также представители народностей Советского Союза: русские, украинцы, кавказцы, — разведчики приводятся к присяге на верность Гитлеру. В составе батальона имеются 4 стрелковых роты, состоящие из 4 взводов — трех стрелковых и одного саперного. Кроме того, при батальоне имеется радиоузел, который обслуживается 10—15 людьми. Инспектирует батальон представитель Главного штаба войск СС, известный майор Скорцени, освободивший Муссолини, который зачастую лично инструктирует разведчиков, направляемых на задания в Советский Союз и другие страны. Из батальонных офицеров известны: 1. Командир батальона — капитан Дай-

---

[1] *Скорцени О.* Неизвестная война. С. 472.

цер, лет 30—35, имеет Железный крест 1-го класса и знак штурмовика. 2. Зам[еститель] командира батальона — ст[арший] лейтенант Фолькерзам Андриан, 29 лет, руководящий штабом и заброской разведчиков в тыл Советского Союза, награжденный Рыцарским крестом и медалью «РОА». 3. Зондерфюрер Фурман, лет 50, имеет Бронзовый крест за участие в Первой империалистической войне, награжден крестами I и II степеней, знаком штурмовика и медалью «РОА»...».

Однако в мемуарах бывшего диверсанта много ошибок, сделанных, очевидно, по принципу «красиво не соврать — хорошо не написать». В частности, Скорцени сообщает читателю, завороженному душещипательным рассказом бывалого вояки, впечатление от пережитого: «В апреле и мае 1945 года, а также во время пребывания в тюрьме я часто думал о Шерхорне, его храбрых солдатах и наших добровольцах, принесших себя в жертву, чтобы спасти 2000 товарищей. Что с ними случилось? Меня мучила неопределенность. Сообщениям Шерхорна и наших радиотелеграфистов всегда предшествовал условленный шифр, постоянно менявшийся согласно предварительной договоренности. Все полученные нами радиограммы соответствовали принятым принципам. Однако же, находясь в заключении, я многое узнал о методах радиоперехвата, применяемых победителями. Я задавал себе вопрос, не проводила ли советская разведслужба с нами все это время так называемую радиоигру? Позже, когда немецкая коммунистическая пресса опубликовала по делу Шерхорна большие репортажи, озаглавленные «Советы надули Скорцени», знание мной советских методов работы позволило сделать вывод, что мои опасения были напрасными»[1].

В подтверждение существования «легиона Шерхорна» Скорцени приводит рассказ, якобы услышанный им от некого доктора Золтана фон Тота, бывшего военно-

---

[1] *Скорцени О.* Неизвестная война. С. 477.

пленного. Доктору Тоту о «трагической» судьбе «легиона» поведал другой узник советских лагерей, офицер СС Вилли Линдер: «...Был уже февраль 1945 года, из колонны Шерхорна выжило только 800 человек. Сначала они напрасно ждали, что будут обнаружены нашими самолетами и эвакуированы, затем ожидали лишь снабжения, а в конце концов, что кто-нибудь с ними поговорит. В конце апреля 1945 года 800 офицеров и солдат были окружены частями НКВД. Бои продолжались несколько дней; обе стороны понесли большие потери. Полковник Шерхорн был ранен... Вначале с военнопленными обходились хорошо, но позже всех приговорили к обычным 25 годам принудительных работ, после чего разослали по разным лагерям»[1].

«Диверсант № 1», как называла Скорцени геббельсовская пропаганда, ушел из жизни в блаженном неведении, с верой в эту красивую, героическую легенду. Советы действительно «надули» Скорцени. Советская контрразведка обвела вокруг пальца матерого диверсанта. Виртуальный «ледовый поход Шерхорна» по заснеженным пущам белорусских лесов, на который «купилась» мощнейшая спецслужба мира, был всего лишь мифом, мастерски разработанной на Лубянке легендой...

К сожалению, несмотря на то что эта операция привлекла внимание некоторых современных писателей, хотелось бы, вслед за М. Жванецким, пожелать им работать «щательнее», так как допускаемые в их произведениях ошибки часто вводят читателя в заблуждение. Для примера процитирую отрывок из недавно изданной книги В. Чернявского «Сталин и Скорцени без «длинного прыжка»: «Службе «Д», так называлось подразделение, во главе которого поставили Скорцени, поручили развернуть разведывательно-диверсионную деятельность в тылу советских войск, используя крупное подразделение под командованием Хайнриха Шерхорна, оставшегося

---

[1] *Скорцени О.* Указ. соч. С. 478.

в «белорусском котле» летом 1944 года. В ведомстве имперской безопасности операция получила кодовое название «Волшебный стрелок».

Отто Скорцени рьяно взялся за дело. Но откуда ему было знать, что подполковник Шерхорн, командир 36-го охранного полка 286-й охранной дивизии, входившей в состав группы армий Центр, в июле 1944 года попал в советский плен, а IV управление НКГБ, которое возглавлял генерал-лейтенант Павел Судоплатов, задолго до этого через свои возможности легендировало перед германским Верховным командованием якобы скрывавшуюся в дремучих белорусских лесах немецкую воинскую часть численностью до двух тысяч солдат и офицеров. Подполковник Шерхорн будто бы возглавил это виртуальное воинство, а его роль мастерски сыграл один из ответственных сотрудников IV управления — полковник Михаил Маклярский. Самую крупную дезинформационную операцию времен Второй мировой войны на Лубянке окрестили кодовым названием «Бородино».

Оперативная группа, возглавляемая заместителем П. Судоплатова генерал-майором Наумом Эйтингоном, почти до падения Берлина вела успешную радиоигру с немецкой разведкой. Кстати, в ней участвовал и майор Вильям Фишер, который после своего провала в 1961 году стал широко известен как советский суперразведчик полковник Рудольф Абель, нелегальный резидент внешней разведки КГБ в Соединенных Штатах. За более чем полгода Скорцени забросил по воздуху в подразделение «волшебных стрелков», якобы бродившее в тылу советских войск и ведущее там партизанскую войну, сотни тонн оружия, боеприпасов, средств связи, медикаментов и провианта, а также множество агентов-диверсантов, радистов и медицинского персонала. И все это попало в руки команды Эйтингона»[1].

---

[1] *Чернявский В.* Сталин и Скорцени без «длинного прыжка» // Диверсанты Третьего рейха. — М., 2003. С. 26—27.

В приведенной цитате есть существенные неточности. Например, «кодовое название» операции советской контрразведки не «Бородино», а «Березино», а немецкой — не «Волшебный стрелок», а «Вольный стрелок», в честь немецких вольных стрелков XVI века. Кстати, элемент одежды средневековых вольных стрелков — кинжал в стилизованном виде присутствовал и в экипировке эсэсовцев. Хорошо известно пристрастие «вождей» Третьего рейха к мифологизации, к поискам «арийских корней». Потому-то, вероятно, операция «по спасению группы Шерхорна» получила «историческое» название...

Кто такой Макс? Вместо заключения

Спустя более 60 лет после окончания Второй мировой войны некоторые эпизоды секретных операций спецслужб стали достоянием историков и публицистов. С их легкой руки события тех грозных лет стали обрастать самыми невероятными подробностями.

В частности, в ходе подобных «исследований» Александр Демьянов («Гейне»), один из главных героев операций «Монастырь» и «Березино», получивший в Абвере псевдоним «Александр» (Alex), был отождествлен с источником германской разведки Максом (Max) и стал персонажем очередной «легенды». Стоит добавить, что в многотомном деле «Монастырь—Курьеры—Березино» нет ни одного упоминания о том, что «Гейне» имел в германской разведке псевдоним «Макс». Очевидно, и эта досадная оплошность явилась результатом чей-то ошибки.

Известный советский и российский публицист-международник Л. Безыменский, со ссылкой на немецкого историка Винфреда Майера, в начале 1990-х годов опубликовал статью, посвященную советскому разведчику А. Демьянову («Гейне»—Максу) и «источнику» германских спецслужб Максу, от которого якобы германская разведка получала информацию стратегического зна-

чения о планах советского Военного командования: «... Когда завершилась Вторая мировая война, и в Германии появились розыскные группы американской контрразведки, они стали «отлавливать» сотрудников германских спецслужб — военной разведки и контрразведки (Абвера) и СС. Это делалось отнюдь не из чисто исторических интересов, а из стремления перевербовать немецкую агентуру для работы против нового противника — Советского Союза. В частности, американские офицеры разыскивали одного легендарного немецкого осведомителя, носившего в Абвере кличку «Макс». В течение ряда лет он поставлял своим немецким руководителям необычайно ценную информацию, причем прямо из Москвы. Ищущим повезло: летом 1945 года они заполучили бывшего руководителя разведпункта в Софии и Будапеште Рихарда Клатта-Каудерса[1], который многое рассказал им о Максе. Донесения от него Клатт получал прямо из Москвы, в том числе сведения о важнейших решениях Ставки Верховного Главнокомандования советских вооруженных сил, сведения о суждениях маршала Бориса Шапошникова и других военачальников. Донесения высоко ценились в отделе «Иностранные армии Востока» Генштаба сухопутных сил Германии, возглавлявшемся Рейнхардом Геленом. Более того, многие высшие немецкие военачальники не принимали своих решений, пока не получали от службы Канариса донесений Макса. В своих послевоенных воспоминаниях генерал Гелен высоко отозвался о донесениях Макса, как о большом достижении немецкой военной разведки. Макс был для нее чуть ли не единственным источником сведений из Москвы»[2].

Правда, в воспоминаниях самого Гелена фрагмент о наличии у германской разведки «источника» в Москве

---

[1] Правильно — *Рихард Каудер*.

[2] *Безыменский Л.* «Гейне» по имени Макс, или История одной тайной операции // Новое время. 1993. № 43. С. 40.

выглядит очень скромно: «12 февраля 1943 года, сразу после завершения сталинградской трагедии, в отдел поступило важное сообщение, полученное по каналам Абвера от агента, имевшего связь с одной из военных миссий западных союзнических держав в Москве. В ответ на заявление руководства вермахта, в котором подчеркивалось, что Советам в наступательных операциях зимы 1942/43 года не удалось достичь существенной стратегической цели, соответствующие военные инстанции русских передали этой военной миссии свою оценку текущих и предстоящих событий на фронте»[1]. Вряд ли в этом фрагменте речь идет о Максе.

«Энциклопедия шпионажа» также повторяет ошибки предыдущих публицистов, перепутав даже имя руководителя «Динсштелле Клатт»: «...Каудер, Фриц (1903—?) — главный участник сверхуспешной советской операции дезинформации, проведенной против нацистской Германии в годы Второй мировой войны. На протяжении целых трех с половиной лет Каудер (в Абвере ему был присвоен псевдоним «Макс») поставлял германским вооруженным силам фальшивые, не соответствовавшие действительности сведения. ...Операция «Макс» началась вскоре после нападения Германии на Советский Союз, в июле 1941 года. Бывшие белогвардейцы предложили переслать немцам разведданные об СССР. Абвер передал им два радиопередатчика. Один был развернут в Москве (кодовое наименование группы — Макс), второй где-то в Центральной России (кодовое наименование группы — Мориц). Последний вскоре замолчал, Макс продолжал посылать информацию вплоть до начала 1945 года. ...Поначалу сообщения Макса принимались в Вене. Но к концу 1941 года «приемный пункт» был передвинут в Софию (Болгария) и его начальником стал Каудер. Он принимал сообщения из Москвы и транслировал их в Вену, а оттуда они, в свою очередь, пересылались

---

[1] *Гелен Р.* Война разведок. С. 81.

в штаб-квартиру Абвера в Берлин для дальнейшего распространения по военным службам. Проведенная русскими операция была беспрецедентной по продолжительности, и этим по праву можно было гордиться. По некоторым данным, проведением ее лично руководил из Москвы шеф НКВД Лаврентий Берия. Англичанам удалось перехватить немало сообщений Макса в ходе операции «Ультра», и советский агент в МИ 5 (британская Служба безопасности) Энтони Блант даже сообщил русским об «утечке». Сами же немцы, похоже, ни разу не усомнились в добросовестности Макса»[1].

Стоит отметить, что в своих мемуарах Шелленберг упомянул и о «Бюро Клатта», и о его руководителе. Правда, при этом до неузнаваемости исказил структуру «бюро», зато вскользь заметил, что «Клатт» работал на Люфтваффе, и напомнил о своей «борьбе» с ведомством Мюллера (IV Управление РСХА; гестапо) за своего «ценного сотрудника»: «Через один из таких центров, о существовании которого было известно только трем лицам в Главном управлении, мы смогли войти в непосредственный контакт с двумя офицерами из штаба маршала Рокоссовского. Интересно, что оба они выражали сомнение относительно преданности Рокоссовского Сталину. Рокоссовский, бывший офицер царской армии, провел несколько лет в Сибири.

Позднее, когда в мое подчинение перешло ведомство Канариса, у меня прибавился еще один важный разведцентр. Его начальником был немецкий еврей, использовавший совершенно необычные методы работы. Его штат насчитывал только два человека; вся работа была механизирована. Его сеть охватывала несколько стран и имела разветвленную агентуру во всех слоях общества. Он ухитрялся получать наиболее точную информацию от источников, работавших в высших эшелонах русской армии, и разведывательный отдел штаба германской

---

[1] Энциклопедия шпионажа. С. 289—290.

армии давал им высокую оценку. Этот человек работал действительно мастерски. Он мог сообщать и о крупных стратегических планах, и о передвижениях войск, иногда даже отдельных дивизий. Его донесения поступали обычно за две–три недели до предсказываемых событий, так что наши руководители имели время подготовить соответствующие контрмеры, точнее, могли бы это сделать, если бы Гитлер обращал более серьезное внимание на подобные донесения.

Мне приходилось отчаянно бороться за то, чтобы защитить такого ценного сотрудника от Мюллера, а также оградить его от зависти и интриг, бытовавших в моем управлении и в штабе ВВС. За спинами Кальтенбруннера и Мюллера скрывалась клика, решившая устранить «еврея». В вину ему ставилось не только еврейское происхождение. Его враги прибегали к коварным приемам, пытаясь доказать, что он тайно работает на русскую разведку, которая якобы через него поставляет нам пока достоверную информацию, чтобы в решающий момент ввести в заблуждение»[1].

Попробуем вместе с читателями разобраться, как же все было на самом деле. Действительно, после Победы союзники поделили «наследство», оставшееся после ликвидации разведорганов рейха, в том числе и этого «Бюро». Американцы захватили самого Клатта, а советской контрразведке достались многие из его сотрудников, в том числе шифровальщики и радисты, т. е. как раз те люди, которые занимаются приемом–передачей и обработкой всего потока развединформации.

Стоит несколько подробнее рассказать об «Абверштелле–Вена» («АСТ–Вена»), структурным подразделением которого было «Бюро Клатта». «АСТ–Вена» был создан в марте 1938 г. после «аншлюса» Австрии и официально назывался «Абверштелле Вин Веркрайс 17–й (Абверштелле Вена, 17 Военный округ). Непосредствен–

---

[1] *Шелленберг В.* Лабиринт. С. 257.

но подчинялся управленческой группе Абвер–заграница и согласовывал свою работу с отделами I Ц (разведотделами) штабов военных округов, передавая им в копиях разведывательные данные о сопредельных с округом странах.

«АСТ–Вена» проводил разведывательную и контрразведывательную работу на территории XVII военного округа. В системе периферийных органов Абвера занимал особое положение: его разведывательная, диверсионно-подрывная и контрразведывательная работа не была связана с определенной территорией, а проходила в направлении всего Юго–Востока и распространялась на Советский Союз, Чехослвакию, Балканы, Северное побережье Африки, Ближний и Средний Восток.

После организации «АСТ–Будапешт», «АСТ–Краков», «АСТ–София» и других «АСТ–Вена» был переименован в «Абверляйтштелле–Вена» и стал для них руководящим органом. Через него шли все указания по работе и отчетность в Берлин, в управленческую группу «Абвер–Заграница». Радиообмен «АСТ–Вена» (позывной — «Вера») проводился с радиостанциями в нескольких городах: Белграде (Бренгардт), Солоники (?); Братиславе (Альм), Бухаресте (Бенито), Анкаре (Ислам) и Стамбуле (Виго). После подчинения Абвера РСХА в июле 1944 года был преобразован во фронтовой руководящий разведывательный орган «Ляйтштелле фронтауфклерунг Зюдост», который подчинялся Военному управлению РСХА.

В составе «Абверляйтштелле–Вена» было два отдела (разведывательный, контрразведывательный), в которых работало свыше 60 офицеров разведки. С 1938 г. «АСТ–Вена» возглавляли: полковник Маронья–Редвиц, позже последовательно — полковники Армстер, Визер и подполковник Боксберг.

Для прикрытия разведывательной и контрразведывательной деятельности «АСТ–Вена» широко использо-

вал действительные или фиктивные фирмы и организации. «Люфтмельдскопф Зюдост» («Luftmeldekopf Südost»)[1], так называлось «Бюро Клатта» в конце войны, занималось сбором разведывательной информации об СССР, странах Восточной Европы, Турции и Ближнего Востока. В 1944 году Каудер и члены его «бюро» были арестованы гестаповцами по обвинению в сотрудничестве с английской разведкой. Однако в ходе следствия фактов, изобличающих как самого Каудера, так и его сотрудников в измене, обнаружено не было.

Первоначально разведорган, созданный Каудером, именовался «Бюро Клатта» и дислоцировался в Софии («АСТ-София»; Болгария). В 1943 году «Бюро» переехало в Будапешт («АСТ-Будапешт»; Венгрия) и было переименовано в «Люфтмельдскопф Зюдост». «Бюро» собирало развединформацию в интересах разведки военно-воздушных сил Германии (названия: «генералькоманда-17» (находилось в Вене под вывеской «Миттермайер и К°»), «Абверштелле-17» или «Люфтреферат 1-а», входивший в «Абверштелле-Вена»; радиопозывной «Вера») и Главного разведывательного управления вермахта (радиопозывной Бург). Информация, полученная «Люфтмельдскопф Зюдост», направлялась по рации в «Люфтреферат 1-а» и Берлин. «Бюро Клатта» работало под вывеской «Бюро консервной фабрики «Овощи-Фрукты».

К 1943 году штат «бюро» состоял из 25—30 человек, в числе которых было 6—7 шифровальщиков, 4—5 радистов. Связи с радистами, заброшенными на территорию СССР, сотрудники «Люфтмельдскопф Зюйд-Ост» не имели. Работали с Софией (радиостанция «Шверт» — «Меч»), которая после передислокации в Будапешт была

---

[1] *«Люфтмельдекопф Зюдост»* (*нем.* «Luftmeldekopf Südost») — германский разведывательный орган, созданный в конце 1941 г. по инициативе В. Канариса сотрудником Абвера Р. Каудером в Софии (Болгария).

переименована в «Булли». Своих агентов на территории СССР «Люфтмельдскопф Зюдост» не имело.

Вернемся вновь к нашему рассказу о «Гейне» и Максе. Для того чтобы установить или опровергнуть взаимосвязь между донесениями «Гейне» в операциях «Монастырь» и «Березино» и информацией «Бюро Клатта», обозначавшейся «Макс», обратим внимание читателей на следующие факты.

Александр Демьянов («Гейне») поддерживал связь с разведкой группы армий Центр («Mitte») и сообщал дезинформацию, касающуюся передислокации советских войск, железнодорожных перевозок военного назначения, а также сведения военно-политического характера.

«Бюро Клатта» специализировалось на добыче развединформации, в том числе и получавшую наименование «Макс», в интересах Люфтваффе, т. е. в основном об активности ВВС Красной Армии. Лишь в редких случаях в «АСТ-Вена» направлялись сведения военно-политического характера. Другими словами, «Гейне» и «Макс» — источник «Клатта» — собирали сведения в интересах разных подразделений Абвера.

Если американской разведке удалось «отловить» Каудера, то «Смершу» в качестве «трофеев» достались практически все сотрудники «Бюро Клатта». В ходе следствия они подробно рассказали о самом Каудере, а также о целях, задачах, формах и методах работы «бюро».

Правдивость их показаний не вызывает сомнения, так как читатель, надеюсь, согласится, что шифровальщики — это те лица, которые, кроме самого руководителя разведоргана, имеют доступ к самой секретной информации о деятельности своего подразделения. Приведем некоторые фрагменты из материалов следственных дел. К тому же сами допрашиваемые не знали, почему советская контрразведка проявляла такой интерес к «Максу».

Из протокола допроса шифровальщика Шнайдер-Штурма-старшего: «Вопрос: С какой целью на радиостанциях в Вене указывались «Макс» и «Мориц». Ответ:

Насколько я знаю, имена «Макс» и «Мориц» являлись условными обозначениями и не были ни фамилиями, ни псевдонимами агентов, доставлявших Клатту разведывательные данные. Им условно обозначались только районы, по которым Клатт давал «Абверштелле-Вена» свою разведывательную информацию. Так, например, все разведывательные данные о Советском Союзе, как по фронту, так и по не оккупированной немцами территории, обозначались именем «Макс», а все данные о Турции, Ближнем и Среднем Востоке обозначались именем «Мориц». Впоследствии или раньше разведывательные данные о Советском Союзе частично обозначались «Анкер». Помню также обозначения «Ибис» и «Анатоль».

На вопрос Шнайдер-Штурму, откуда это известно, он ответил: «Я лично видел, как Клатт группировал разведывательные материалы по районам. В отношении разведывательных сведений о Советском Союзе я могу точно сказать, что, получая их от Ланга, Клатт помечал их обозначением «Макс» в отличие от других разведывательных материалов, которые он помечал названными выше мною обозначениями».

Исчерпывающие показания о деятельности «бюро» дала и другая шифровальщица — Валентина Дейч. Женщины, как известно, любопытнее мужчин, поэтому она сообщила более разностороннюю информацию. В частности, она рассказала о разведывательной работе «бюро» против Советского Союза: «Разведывательную деятельность против Советского Союза возглавлял источник «Макс». Первое время его резидентура находилась в Софии, его станционарная установка держала связь с Будапештом, иногда радиотелеграммы со шпионскими сведениями подписывались «Морицем», мне кажется, это был помощник Макса. При занятии частями Красной Армии Софии Макс переехал в Братиславу, где также занимался разведывательной деятельностью против СССР и англичан на итальянском фронте».

Германская разведка активно использовала для под-

рывной работы против Советского Союза русских эмигрантов. В их числе был известный белогвардейский генерал А.В. Туркул. На вопрос о связи Каудера с генералом Туркулом Дейч сообщила: «В январе 1944 года Туркул посетил Клатта один, и для перевода их разговора между собой Клатт пригласил меня. В те дни была сильная бомбардировка Софии, и в течение нескольких дней от Ира[1] не было никаких сообщений. Клатт через меня поставил перед Туркулом такой вопрос: если что-либо случилось с Лонгиным Федоровичем, будут ли продолжать поступать регулярно материалы? Туркул ответил, что нечего беспокоиться, все будет в порядке. Тогда Туркул вторично задал вопрос, знает ли Туркул лично и говорил ли ему Ира о лицах, предоставляющих материал Ира. Туркул уклонился от прямого ответа и снова заявил, что все будет по-прежнему в полном порядке».

В ходе допроса 30 апреля 1945 года Валентина Дойч дала подробные показания о «технологии» работы «Бюро»: «...*Вопрос*: Кто принимал телеграммы из Советского Союза, из каких городов, по каким позывным, часы приема?

Ответ: Непосредственно из Советского Союза радиотелеграммы к Клатту никогда не поступали, и поэтому указать города, из каких они исходили, не могу. Как я указала выше, телеграммы из Советского Союза поступали только от Ира из Софии, Будапешта или Братиславы, в зависимости от того, где Ира находился (оговариваюсь, что все мои показания по данному вопросу относятся к 1944 году, за период моей работы у Клатта) [...].

Вопрос: Каким путем и какого характера материалы поступали в разведывательный орган Клатта из Советского Союза?

Ответ: Материалы из Советского Союза в разведорган Клатта поступали преимущественно по радиосвязи из

---

[1] Вероятно, речь идет об «источнике» Рихарда Каудера — *«Илье Ланге»*.

Софии от Ира Лонгина Федоровича. Мне помнятся два-три случая весной и летом 1944 года, когда Клатт приносил донесения, неизвестно откуда взятые, и передавал их в Вену. Телеграммы по Советскому Союзу по своему содержанию носили военный характер — отражали передвижения частей Красной Армии, намечаемые операции советского командования, предстоящие бомбардировки советской авиацией и т. п. Были единичные случаи, когда поступали телеграммы политического характера.

Вопрос: Куда передавались получаемые Клаттом материалы по Советскому Союзу?

Ответ: До августа 1944 года все получаемые телеграммы передавались Клаттом в Вену на радиостанцию «Вера», а с августа передавались одновременно в два адреса: Вена — «Вера» и в Берлин — «Бург». Причем все абсолютно телеграммы о Красной Армии и по Советскому Союзу, получаемые от Ира Лонгина Федоровича, обозначались «источник Макс». Отсюда могу заключить, что Ира — это и есть Макс».

25 июня 1947 года В. Дойч дала дополнительные показания по этому вопросу: «...*Вопрос*: Клатт имел в Советском Союзе агента «Макс»?

Ответ: Раньше я уже показала, что «Клатт» вообще не имел агентуры в Советском Союзе, отсюда и агента «Макс» у него не было. Однако имя Макс указывалось в радиограммах Клатта о Советском Союзе и Красной Армии, которые он направлял в «Абверштелле-Вена».

Вопрос: Покажите об этом подробно.

Ответ: Получая от Ланга разведывательные данные о Советском Союзе, Клатт лично их просматривал и вносил в них некоторые изменения, главным образом стилистические. Как правило, Клатт вычеркивал из них все, что могло быть невыгодно для немецкого командования. Затем Клатт давал текст радиограмм шифровальщикам, в том числе мне, для зашифровки. Таким образом, я имела возможность сравнивать радиограммы, полученные от Ланга, с радиограммами, которые Клатт направлял в

Вену. При этом я заметила, что, кроме вышеуказанных изменений, Клатт всегда указывал на радиограммах Ланга с разведывательными сведениями о Советском Союзе «Макс», в то время как в радиограммах Ланга «Макс» не упоминался вовсе. Как мне известно от ряда сотрудников Клатт, такой порядок, когда на радиограммах указывались подобного рода обозначения, существовал давно. В частности, все материалы о России Клатт помечал именем «Макс», данные об английских войсках на Ближнем Востоке — именем «Мориц», данные о Турции обозначались «Анкер» и «Анатоль», а об Египте — «Ибис».

В советском плену очутилась и жена-любовница «Клатта» — Герда Филитц. Она также была допрошена ходе следствия по делу сотрудников «Люфтмельдекоппф-Зюдост». Из протокола допроса Г. Филитц от 19 апреля 1945 года:

«*Вопрос*: Расскажите все, что Вам известно о разведбюро «Люфтваффе-1 Абвер» («Люфтваффе-1 Абвер-штелле»), которое возглавлял Ваш муж Каудер Рихард?

Ответ: По этому вопросу могу рассказать следствию нижеследующее: мой муж Каудер Рихард действительно являлся руководителем немецкого разведоргана «Люфтваффе-1 Абвер» — подотдел основного разведоргана «Люфтваффе-1 Абвер» Венского центра. Руководителем бюро он был с весны 1942 г. до настоящего времени и работал все время под псевдонимом «Клатт». С весны 1942 г. до сентября 1943 г. «Бюро Клатта» находилось в гор. София по бульвару Скобелев д. № 55, после переехало в гор. Будапешт по ул. Байза, д. № 44, где находилось до ноября 1944 г. С приближением частей Кр. Армии «Бюро Клатт» переехало в гор. Чорно и находилось там до 12 февраля 1945 г., а позднее переехало в гор. Вена. «Бюро Клатта» подчинялось центральному разведоргану «Люфтваффе-1 Абвер» в гор. Вена. Клатт первое время имел связь с подполковником фон Валь Роланд, а в дальнейшем — с полковником Визель или

Визе (не точно)[1]. Валь проживал: гор. Вена, 3-й район, ул. Рехте-Бангассе, д. 30, второй шеф Визель-Визе проживал также в гор. Вена, адреса не знаю. Кроме шефа, Валь Роланд и Визель-Визе «Клатт» имел непосредственную связь с Берлином через бригаденфюрера СС Шелленберга».

Филитц также дала показания об источнике информации Клатта об СССР — неком Лангине или Лонго: «...3. Белоэмигрант Лангин Иван, псевдоним «Лонго», русский, офицер старой и белой армии, эмигрировал в 1919 г., проживал в гор. Будапешт, адреса не знаю. В момент нахождения бюро в Будапеште был привлечен работать лично Клаттом.

Лангин поддерживал связь с контрреволюционной организацией, находящейся в Сов[етском] Союзе, что это за организация, я не знаю, но помню, говорили, что там имеются старые русские офицеры. Первое время Лангин имел связь через ходоков, но в 1942 году связь осуществлялась через радистов.

Один агент-радист работал в одной военной части Красной Армии в городе Тифлисе и передавал материалы на радиостанцию «Бюро Клатт», материалы ему передавала контрреволюционная русская военная организация. Я знаю, что с этим агентом Лангин работал до 12/II—1945 года, т.е. до моего ареста гестапо.

В гор. Мункач (Мукачев) — северо-восточнее Будапешта — находился какой-то центр этой контрреволюционной организации русских. Я это полагаю из нижеследующего: в 1942 году на время была порвана связь с Тифлисом. Клатт вызвал Лангина и потребовал установления связи. Лангин сказал, что я поеду в свою организацию в Мункач и налажу ее. В действительности после возвращения Лангина из Мункача связь с Тифлисом была восстановлена».

---

[1] Речь идет о подполковнике германской военной разведки *Отто Визере*.

Ей так же, как и сотрудникам «Бюро», был задан вопрос и о «Максе». Из протокола допроса Г. Филитц от 30 апреля 1947 года:

«*Вопрос*: Вам известен кто-либо из людей Клатта или Ланга по имени Макс?

Ответ: Нет, Макса я не знаю.

Вопрос: Не говорил ли Вам Клатт или кто-либо другой что-нибудь о Максе?

Ответ: Никто о Максе ничего не говорил.

Вопрос: Может быть, Клатт или Ланг называли себя когда-нибудь по имени Макс?

Ответ: Нет, я не слыхала, чтобы кто-либо из них называл себя Максом.

Вопрос: При разговорах Клатт с Лангом не упоминали когда-нибудь в вашем присутствии имя Макс?

Ответ: Нет, я ни разу не слыхала, чтобы Клатт и Ланг упоминали в какой-либо связи имя Макс.

Вопрос: Может быть, вы слыхали когда-либо это имя от сотрудников «Бюро Клатта»?

Ответ: От сотрудников «Бюро Клатта» я имя Макс никогда не слыхала.

Вопрос: Не было ли у Клатта сотрудника по имени Макс?

Ответ: Сотрудник Клатта по имени Макс мне неизвестен. Я повторяю и утверждаю, что имя Макс в какой-либо связи с работой Клатта при мне никогда не упоминалось, и Клатт мне лично это имя также не называл.

Вопрос: Известны ли Вам какие-либо другие люди Ланга, которые снабжали его сведениями о советской армии?

Ответ: О каких-либо других людях Ланга, которые снабжали его сведениями о Советской армии, я ни от кого не слыхала. Мне известно, что сам Клатт не знал людей Ланга, передававших ему эти сведения.

Вопрос: На основании чего вы заявляете, что Клатт не знал людей Ланга?

Ответ: О том, что Клатт не знал людей Ланга, в том числе и его человека в Тифлисе, видно из следующего. В свои приезды в Вену к фон Валь-Вельскирх, после встречи с ним, Клатт мне говорил, что его каждый раз настойчиво спрашивают о человеке Ланга в Тифлисе, на что он, Клатт, вынужден отвечать, что он этого человека не знает, так как Ланг скрывает его от него. Клатт с возмущением говорил мне, что Ланг требует для этого человека все больше и больше денег, а кто он, не говорит ему. От Валь-Вельскирх Клатт обычно приходил взволнованный и несколько раз рассказывал мне, что ему угрожали, что, если он не установит людей Ланга и в частности его человека в Тифлисе, он потеряет свою голову.

Вопрос: Не говорил ли Вам Клатт, по какой причине Ланг скрывает от него своего человека в Тифлисе и других лиц, от которых он получает сведения о Советском Союзе?

Ответ: Этого мне Клатт не говорил, но с его слов мне известно, что у Клатта с Лангом были недоразумения на денежной почве, так как руководители Клатта отказывались выдавать ему деньги для людей Ланг, которых не знают. Я поняла Клатта так, что Ланг скрывает от него свои источники потому, что это дает ему возможность получать крупные суммы денег».

В советский плен был даже захвачен гестаповец, гауптштурмфюрер СС Альфред Клаузницер, который вел в начале 1945 года следствие по делу Ф. Каудерса и его подчиненных (вспомним фрагмент из мемуаров Шелленберга об «интригах Мюллера»!). В этой связи вполне уместно привести достаточно большой фрагмент из протокола допроса Клузницера, так как его показания вносят существенные штрихи в нашу историю с Максами. Кроме того, из показаний Клаузницера видно, какими сведениями обладало гестапо о деятельности «Клатта» и «Люфтмельдекопф-Зюдост».

Итак, подробные показания о Клатте дал на допросе

5 июля 1947 года гауптштурмфюрер СС Клаузницер: «*Вопрос*: Кто такой Клатт?

Ответ: Клатт являлся руководителем германского разведывательного органа «Люфтмельдекопф Зюдост» и проводил разведывательную работу против Советского Союза и других стран...

Вопрос: Кем был арестован Клатт в феврале 1945 года?

Ответ: Кем был арестован Клатт, точно не знаю. Мне лишь известно, что его арестовали по приказанию полковника Визера. Проявлял ли Визер личную инициативу в деле ареста Клатта или он имел об этом указание из Берлина, я не знаю.

Вопрос: В чем конкретно обвинялся Клатт и его сотрудники?

Ответ: Как меня информировал полковник Визер, Клатт был арестован по подозрению в двойничестве. Его обвиняли в том, что он якобы был связан с англичанами и снабжал германскую разведку дезинформацией англичан. Кроме того, Клатта обвиняли еще в том, что деньги, которые ему отпускала германская разведка на разведывательную работу, он расходовал не по назначению и присваивал себе. Арестованных же сотрудников Клатта ни в чем конкретно не обвиняли, а задержали как возможных свидетелей по делу.

Вопрос: Германская разведка располагала какими-либо конкретными фактами или документальными материалами, уличающими Клатта в сотрудничестве с англичанами?

Ответ: Об этом я ничего не могу сказать, так как полковник Визер никаких документов мне не показывал и конкретных фактов не сообщил. Были ли вообще какие-нибудь документальные материалы по делу, не знаю...

Вопрос: Покажите, что вами было установлено в результате следствия?

Ответ: В ходе следствия обвинения, предъявлявшиеся Клатту, не подтвердились. Мною было установлено, что

Клатт ни с англичанами, ни с какой-либо другой разведкой, работавшей против немцев, связан не был, разведывательных материалов от них не получал и им, в свою очередь, не передавал. Что же касается присваивания Клаттом денег, то следствием также конкретных фактов установлено не было. Мною было установлено лишь, что Клатт занимался скупкой и продажей золота и драгоценностей, а также снабжением разных лиц за деньги видами на жительство и выездными визами, что ему было разрешено шефом реферата «1 люфт» «Абверштелле-Вена» подполковником фон Валь-Вельскирх.

Вопрос: Сколько раз вы допрашивали Клатта?

Ответ: Клатта я допрашивал 5—6 раз.

Вопрос: Какие показания давал вам Клатт?

Ответ: Клатт рассказывал мне о себе и своей деятельности. Он показал, что по национальности он еврей, являлся руководителем германского разведывательного органа, имеет много ценных вещей, в частности ценную коллекцию почтовых марок, что он преподносил ценные подарки сотрудникам «Абверштелле-Вена»...

Вопрос: Какую разведывательную работу проводил Клатт?

Ответ: Клатт получал радиограммы с разведывательными сведениями о Советском Союзе и странах Ближнего и Среднего Востока и затем передавал их в «Абверштелле-Вена» подполковнику фон Валь-Вельскирх (псевдоним «Вагнер»), которому он был подчинен.

Вопрос: Откуда и от кого Клатт получал эти разведывательные сведения?

Ответ: По показаниям Клатта, разведывательные сведения он получал в основном из трех источников: от Виго, он же доктор Герц Вилли из Стамбула (Турция); от его радиста Далисме Арнольдо из Анкары и от Ира, он же Ланг.

Вопрос: Кто такой Ира—Ланг?

Ответ: Об Ира—Ланге я никаких подробностей не знаю. Мне известно лишь, что он русский, был ближай-

шим сотрудником Клатта и снабжал его разведывательными сведениями. Клатт мне говорил, что он вместе с Ира—Лангом содержался в Будапеште в тюрьме, в каком году, не помню.

Вопрос: Какими конкретно разведывательными сведениями снабжал Клатта Ира—Ланг?

Ответ: Клатт получал от Ира—Ланг разведывательные сведения о Советском Союзе. На следствии Клатт показал, что Ира—Ланг являлся его главным источником и систематически снабжал его разведывательными сведениями.

Вопрос: От кого еще Клатт получал разведывательные сведения о Советском Союзе?

Ответ: Арестованные сотрудники Клатта на допросах показали, что он получал еще разведывательные сведения о Советском Союзе от Макса и Морица.

Вопрос: Кто такие Макс и Мориц?

Ответ: Этого я не знаю, и следствием установлено не было, так как ни один из арестованных ничего конкретного показать не смог.

Вопрос: Не находился ли Макс в Советском Союзе?

Ответ: Нет, Макс в Советском Союзе не находился...

Вопрос: Что показал Клатт о Максе и Морице?

Ответ: Клатт заявил мне, что с Максом и Морицем он связан не был, что разведывательные сведениями они его не снабжали и агентами не являлись, а что это были псевдонимы.

Вопрос: Чьи псевдонимы?

Ответ: Клатт показал, что псевдонимами «Макс» и «Мориц» зашифровывались разведывательные сведения, полученные им от Ланга.

Вопрос: Непонятно, зачем понадобилось Клатту скрывать получение разведывательных сведений от Ланга?

Ответ: Клатт заявил мне, что он не хотел, чтобы его самый ценный источник Ланг фигурировал в донесениях в «Абверштелле-Вена». Поэтому в целях конспирации он на донесениях указывал условные обозначения «Макс»

и «Мориц» и этим подтверждал, что разведывательные данные были получены от Ланга.

Вопрос: А каким путем Ланг добывал разведывательные сведения о Советском Союзе?

Ответ: Клатт рассказывал мне, что Ланг был связан с белоэмигрантом генералом Туркул, который якобы обеспечивал его агентурой, а Ланг перебрасывал ее через линию фронта в Советский Союз. Эта агентура якобы была снабжена радиостанцией и с территории Советского Союза передавала Лангу разведывательные сведения по радио.

Вопрос: В каких пунктах Советского Союза находилась агентура Ланга?

Ответ: Этого я не знаю.

Вопрос: Назовите агентов Ланга в Советском Союзе?

Ответ: Никого из агентов Ланга в Советском Союзе я не знаю.

Вопрос: Клатт называл вам кого-либо из агентов Ланга в Советском Союзе?

Ответ: Нет, не называл.

Вопрос: Вы спрашивали Клатта, где именно находилась агентура Ланга в Советском Союзе?

Ответ: Да, спрашивал. На это Клатт мне ответил, что он агентов Ланга в Советском Союзе не знает, ибо Ланг скрывал их от него. Клатт также говорил, что он не знает точно, каким путем в действительности Ланг добывал разведывательные сведения и имел ли он на самом деле агентуру в Советском Союзе.

Вопрос: Почему Ланг скрывал от Клатта источники получения им разведывательных сведений о Советском Союзе?

Ответ: Этого я не знаю. В процессе следствия мне не удалось установить, известно ли было Клатту, откуда Ланг получал разведывательные сведения о Советском Союзе, или он в действительности не знал его источников и об агентуре в СССР рассказывал мне только со слов Ланга.

Вопрос: А Клатт имел агентуру в Советском Союзе?

Ответ: Клатт мне говорил, что агентуры в Советском Союзе он не имел и что разведывательные сведения он получал только от Ланга.

Вопрос: Не говорили ли сотрудники Клатта об его или Ланга агентуре в Советском Союзе?

Ответ: Ни один из допрошенных мною сотрудников Клатта не показал о том, что он или Ланг имели агентуру в Советском Союзе. Об этом они сами ничего не знали. Однако сотрудники Клатта ссылались на Ланга как на основной источник, снабжавший Клатта разведывательными сведениями о Советском Союзе. ...Данных о том, что Клатт обманывал немцев, следствием добыто не было, и ничего серьезного в отношении его я не установил. Однако в результате допросов самого Клатта и его сотрудников у меня сложилось мнение, что Клатт разведки не вел, а сведения, которые он передавал, являлись вымыслом.

Вопрос: На основании чего вы пришли к такому заключению?

Ответ: Сотрудничество с германской разведкой являлось для Клатта источником обогащения. На следствии Клатт был откровенен и прямо мне заявил, что не работал бы на германскую разведку, если бы не зарабатывал большие деньги. Отсюда я сделал вывод, что такой авантюрист как Клатт, в погоне за заработком определенно занимался обманом и вел большую игру».

В собственноручных показаниях от 2 августа 1945 года А. Клаузницер дал словесные портреты Р. Каудера и И. Ланга: «Каудер Рихард, псевдоним «Рихард Клатт», родился в 1900 г. в Берлине, сын врача австрийского Генерального штаба, гражданин Австрии. Около 45 лет, рост 168 см, толстый, широкоплечий, большая круглая голова, темные глаза, волосы седые, высокий открытый лоб, курносый. Проживал в Будапеште — Байца Утеца, 44, до октября 1944 г. и на Оезе, около 40 км юго-восточнее Вены, в октябре 1944 г. до фев-

раля 1945 г. — в Суорна, около Раоб–Венгрия, в апреле 1945 г. — пленником в Вене, в здании суда на Шиффамтгассе. ...Ира Ланг (псевдоним), настоящее имя неизвестно, русский. По фотографии, которую я видел, он имеет высокий лоб, скуластый, курносый, глубоко лежащие глаза, широкий рот, около 48—50 лет. Должен быть офицером. Был завербован Клаттом в Будапеште и привез[ен] в Софию. Там он, должно быть, перебрасывал людей через Румынию в Россию, которые были снабжены рациями для передачи сведений и получения заданий. Ланг являлся главным лицом в «Люфт–Мельдекопф», на котором построена эта организация, и Клатт оказался только импрессарио. Ланг привез в Рим генерала Туркула и поддерживал его белорусскую организацию. Он получал ежемесячно 220 кусков золота. С помощью организации Туркула он получал очень ценные сведения, которые сразу же передавал в Берлин. Было замечено, что он принес ценнейшие сведения и что его сведения имели влияние на немецкую тактику. Это выходит из того, что разные сомнения о том, что речь идет об английской игре, были опровергнуты от ОКВ и что было строго запрещено другим «Абверштелле» что–либо предпринимать и мешать. Возможно, что из ОКВ прибыли штабные офицеры в Софию и Будапешт для переговоров с Клаттом».

Как видно из архивных следственных дел в отношении германских разведчиков, советские спецслужбы не оставлял в покое вопрос о деятельности «Бюро Клатта» и его агенте «Максе». В частности, 24 апреля 1947 года бывшему начальнику немецкой военной контрразведки генерал–лейтенанту Ф. фон Бентивеньи были заданы вопросы о деятельности «Люфтмельдекопф–Зюдост»:

«*Вопрос*: Известен ли вам Клатт Рихард?

Ответ: Фамилию Клатт я услышал впервые примерно в 1940 году, определенно незадолго до нападения Германии на Советский Союз.

Вопрос: При каких обстоятельствах?

Ответ: Фамилия Клатт упоминалась неоднократно во время докладов, которые мне делал в 1940—1941 гг. референт отдела «Абвер III» — полковник Фрейнд в присутствии начальника отделения полковника Роледера.

Вопрос: Что вам докладывали о Клатте?

Ответ: Мне докладывали о том, что Клатт является агентом германской разведки, который использовался референтом службы «III-Ф» (контрразведка) «Абверштелле-Вена», тогда капитаном или майором германской армии Шмальшлегером, главным образом для выявления курьерских связей польской разведки, которые вели с Балкан, вероятно, из Турции, через Венгрию в Польшу. Об этих связях Клатт давал ценные сведения, но конкретно о них я ничего не помню. Для выполнения заданий Клатт выезжал в соседние с Венгрией страны — Румынию, Болгарию, а, возможно, и в Турцию. Проводил ли при этом Клатт работу для «Абвер-I» по собственной инициативе или по заданию «Абверштелле-Вена», мне неизвестно, но эту возможность я допускаю. Примерно в 1941 году Клатт переехал из Будапешта в Софию и был передан на связь в «КО-София», руководителем которой являлся майор Вагнер (кличка «доктор Делиус»). Использовался ли Клатт после его передачи по линии «III-Ф» или «Абвер-I», я определенно сказать не могу. Во всяком случае, мне неизвестно, что после передачи Клатт в «КО-София» от него поступали какие-либо донесения по линии службы «III-Ф». Далее, мне известно, что Клатт — это настоящая фамилия, по национальности еврей, проживал в Будапеште, и, насколько я помню, мне докладывали, что он эмигрировал из Германии или Австрии (Вены).

Вопрос: Известно ли вам, когда и при каких обстоятельствах Клатт был завербован?

Ответ: Из этих же докладов мне известно, что Клатт был завербован, примерно в 1939 году, кажется после

Будапешта, референтом службы «III-Ф» «Абверштелле-Вена» — Шмальшлегер.

Вопрос: Назовите связи Клатта?

Ответ: О них мне ничего неизвестно.

Вопрос: Приходилось ли вам слышать имя Макс?

Ответ: Имя «Макс» я услышал в первый и последний раз на совещании, происходившем в Софии, во второй половине 1942 или первой половине 1943 года, в рабочем кабинете начальника «Абверштелле-София» (организовано на базе «КО-София») майора Вагнера, когда он делал доклад о результатах своей работы в области «Абвер-I».

Вопрос: Воспроизведите, что происходило на этом совещании?

Ответ: Это совещание проводил начальник Абвера — адмирал Канарис. На этом совещании Вагнер докладывал в общих чертах о результатах своей работы в области «Абвер-I». При этом он упомянул о связи под кличкой «Макс», который сообщал ему из южно-русского района данные о советском воздушном флоте. Услышав это имя, Канарис прервал Вагнера и, обратившись к сопровождавшему его представителю отдела «Абвер-I», вероятно полковнику Пиккенброку, но, возможно также к тогдашнему референту отделения «Люфт-I» отдела «Абвер-I», капитану или майору Генерального штаба, фамилию которого я не помню, сказал примерно следующее: «Не правда ли, донесения «Макса» являются ведь для Оперативного штаба воздушных сил особенно важными и ценными?» На это сопровождавший офицер — представитель отдела «Абвер-I», ответил: «Совершенно верно, господин адмирал, Оперативный штаб воздушных сил придает этим донесениям особое значение». На основании этого доклада я предположил тогда, что «Макс» является агентом-радистом «Абверштелле-София», так как другой способ передачи донесений, кроме как по радио, ввиду большого расстояния, казался мне невозможным. Но я не припоминаю, чтобы Вагнер в своем докладе особенно подчеркнул

это. Мне также неизвестно, находился ли «Макс» на связи лично у Вагнера или у кого-либо из подчиненных ему офицеров».

Через несколько лет следователи вернулись к предыдущему допросу. 22 сентября 1951 года Бентивеньи вновь были заданы вопросы о Клатте и его агентуре:

«*Вопрос*: На допросе 24 апреля 1947 года вы назвали агента германской военной разведки «Макс». Из каких источников вам стало известно о наличии этого агента?

Ответ: О том, что на германскую военную разведку работает агент по кличке «Макс», мне стало известно при следующих обстоятельствах: приблизительно в 1942—1943 годах я совместно с Канарисом выезжал в Болгарию для ознакомления с работой разведоргана «Абверштелле-София». Насколько я помню, помимо меня, Канариса сопровождал начальник «Абвер-I» Пиккенброк и руководитель «Абвер-I Люфт», фамилию которого я не помню, а также еще один сотрудник из «Абвер-I Люфт». Во время доклада о работе руководителя «Абверштелле-София» Вагнера Канарису он заявил, что имеется агент «Макс», который регулярно сообщает из советского тыла важные сведения об объектах юго-востока России. Канарис, обращаясь к руководителю «Абвер-I Люфт», сказал: «Не правда ли, что Генеральный штаб военно-воздушных сил Германии считает сведения «Макса» очень ценными?» Руководитель «Абвер-I Люфт» ответил: «Да, Генеральный штаб воздушного флота высоко ценит эти сведения».

Вопрос: Этот разговор происходил в присутствии всех вас, приехавших из Берлина?

Ответ: Да, на этом докладе присутствовали все, приехавшие из Берлина «абверовцы».

Вопрос: Вагнер указывал, из какого района сообщает сведения «Макс»?

Ответ: Я помню, что Вагнер говорил о юге России.

Вопрос: Каким путем «Макс» пересылал шпионские сведения?

Ответ: Вагнер говорил, что «Макс» поддерживает связь по рации.

Вопрос: Упоминалась ли Вагнером другая агентура?

Ответ: Еще упоминался агент Клатт. Точно не могу сказать, была ли это кличка или настоящая фамилия. Говоря об этом агенте, Вагнер заявил, что связь по рации «Макс» поддерживает с агентом Клатт.

Вопрос: Это обстоятельство вы хорошо помните?

Ответ: Да, об этом я хорошо помню. Речь шла о том, что «Макс» поддерживает связь именно с Клаттом.

Вопрос: Что вам известно об этих агентах?

Ответ: Об агенте «Макс» я больше ничего сообщить не могу. Агент «Клатт» с 1939 года был связан с «Абверштелле-Вена» и работал по линии Абвер III, т. е. контрразведки, руководителем которой являлся я. Находился он в Будапеште. В связи с тем что Клатт давал сведения, больше относящиеся к работе «Абвер-I», т. е. разведки, в конце 1941-го или начале 1942 года с санкции отдела Абвер III он был передан «Абверу-I» и переехал в Болгарию. С этого времени Клатт находился на связи с «Абверштелле-София». Все это мне известно от моего подчиненного полковника Фройнда — руководителя реферата «Юго-Восток ЗФ», имевшего отношение к работе агента Клатт.

Вопрос: Если агент Клатт — настоящая фамилия, то имел ли он псевдоним?

Ответ: Я считаю, что Клатт — настоящая фамилия. Имел ли он псевдоним, сказать затрудняюсь».

Как видно из протокола допроса бывшего начальника «Абверштелле-Вена» полковника Отто Армстера от 10 февраля 1949 года его специально спросили о деятельности «Бюро Клатта». Армстер подтвердил, что развединформация, поступавшая от «Клатта», высоко ценилась в Берлине. Как нам уже известно, Каудер сведения о Советском Союзе помечал кодовым словом «Макс».

Таким образом, показания Армстера являются еще одним свидетельством того, что именно этого «Макса» (не агента, а «источника» информации об СССР) имели в виду в Абвере.

Предоставим слово полковнику Армстеру: «*Вопрос*: На предыдущих допросах вы показали, что с мая по 23 июля 1944 года являлись начальником германского разведоргана «Абверштелле-Вена». Какие задачи выполнял этот разведорган?

Ответ: «Абверштелле-Вена» проводила контрразведывательную работу на территории XVII военного округа и через Румынию, Венгрию, Турцию и Балканские страны вела разведывательную деятельность против Англии и США.

Вопрос: И в особенности против Советского Союза?

Ответ: Не скрою, что «Абверштелле-Вена» главное внимание в своей разведывательной работе уделял деятельности Советского Союза как основного противника на Востоке.

Вопрос: Какова была структура «Абверштелле-Вена»?

Ответ: В состав «Абверштелле-Вена» входили две группы: «Группа-I» — разведка и «Группа-II» — контрразведка.

Вопрос: Еще какие органы входили в состав «Абверштелле-Вена»?

Ответ: Кроме указанных групп и рефератов, «Абверштелле-Вена» имела еще ряд филиалов, именовавшихся «Абвернебенштелле».

Вопрос: Перечислите их.

Ответ: «Абвернебенштелле-Братислава» (Словакия) через свой «головной пункт» проводила разведывательную работу против советских войск, действовавших в Карпатах, а также и против словацких партизан...

Вопрос: Каким путем «Абверштелле-Вена» проводила разведывательную работу против СССР?

Ответ: «Абверштелле-Вена» разведывательную работу против Советского Союза вела через Румынию, Чехословакию, Венгрию, Турцию и Балканские страны. Заброску агентуры и связи с ней осуществляли разведорганы, подчиненные «Абверштелле-Вена», условно именовавшиеся «Головные пункты связи» (Мельдекопфе).

Вопрос: Где находились эти «Головные пункты связи»?

Ответ: Первый «Головной пункт связи» находился на территории Словакии в гор. Прешов, руководителем его был майор резерва Бенеш. Больше о Бенеше мне ничего не известно, так как я его никогда не видел. Второй «Головной пункт связи» был в гор. София, а позднее передислоцировался в гор. Будапешт, и возглавлял его резидент «Абверштелле-Вена» Клатт. Третий «Головной пункт связи» дислоцировался в Румынии и в июле 1944 года находился в районе Синайя. Руководителем его являлся лейтенант германской армии, фамилию его забыл. «Головной пункт связи», дислоцировавшийся в Софии, а позднее в Будапеште, возглавлялся, как я уже показал выше, резидентом «Абверштелле-Вена» Клаттом. Принимая дела «Абверштелле-Вена», мой предшественник, полковник граф Маронья, информируя меня о разведывательной работе «Абверштелле-Вена», особенно заострил внимание на деятельности этого «Головного пункта связи» как одного из основных источников получения информации о Советском Союзе. Эта информация высоко ценилась в Берлине. В то же время Маронья предупредил меня, чтобы я был осторожен в работе с Клаттом, так как гестапо подозревает его в двурушничестве. Насколько мне известно, Клатт свою работу проводил против СССР через Турцию, где у него имелась хорошая агентура.

Вопрос: Кто такой Клатт?

Ответ: Из бесед с Клаттом мне известно, что он примерно 1900 года рождения, еврей, уроженец Австрии. Его отец был военным врачом, кажется, в чине генерала.

Сам Клатт до работы в органах Абвера был студентом и учился в гор. Вена. Клатт мне рассказывал, что отец ему рекомендовал заняться торговлей, так как к евреям, служившим в государственных учреждениях Австрии, относятся с недоверием. Он являлся старым резидентом «Абверштелле–Вена», кем был привлечен для этой работе, я не знаю. Приметы Клатта: среднего роста, крепкого телосложения, волосы темные с проседью, лицо продолговатое».

Таким образом, делать какое-либо сопоставление между тождеством имени Демьянова–«Гейне» и кодового слова «Макс», которое использовалось Клаттом для обозначения лишь региона (территория СССР), откуда поступала добываемая Лангом информация, не корректно. Об этом свидетельствуют как показания сотрудников «Люфтмельдекопф Зюдост», так и гестаповца, который вел следствие по делу сотрудников «Бюро Клатта».

Секрет «Бюро Клатта» полностью раскрыт в вышедшей недавно книге Олега Царева и Найджела Уэста «Секреты британской короны», написанной на основе рассекреченных документов из архива Службы внешней разведки России. Русский вариант под названием «Срочно. Сов. секретно», готовило издательство «Гея». Одна из глав посвящена Клатту[1].

На сопоставлении информации английской и советской разведок авторы подробно проанализировали деятельность германского разведоргана под названием «Бюро Клатта»: «С помощью членов кембриджской агентурной сети Кима Филби, Энтони Бланта и Джона Керн-кросса советским спецслужбам было известно все то, что знали и думали об организации Клатта СИС, МИ-5 и подразделения английской радиоразведки, то есть все то, что изложено выше и что осталось за пределами из-

[1] http://whoiswho.ru/russian/Password/journals/21998/klattar.htm.

ложенного. Безусловно, важность этих сведений в военное время трудно переоценить.

Однако было бы неправильно считать, что они были решающими. 2-й спецотдел НКВД с осени 1941 года начал фиксировать работу радиостанции Клатта на линии связи София — Вена. В июле 1942 года советской дешифровальной службой был вскрыт шифр, которым работал Клатт. Это был «буквенный шифр сравнительно несложной системы». Было бы разумно предположить, что регулярное поступление уже дешифрованных англичанами сообщений Клатта способствовало раскрытию его шифра советскими дешифровальщиками. То же, вероятно, произошло, когда Клатт перешел на машинную систему шифрования. Но в любом случае советские спецслужбы были способны, независимо от английской информации, контролировать каналы связи София — Вена и София — Будапешт.

Хотя советские разведка и контрразведка собирали информацию об организации Клатта через свои возможности в СССР, на Балканах и в Турции, тем не менее английские документальные сведения о персонале софийской «Абверштелле» не были лишними при установлении лиц, связанных с Клаттом. И все же наиболее достоверные и подробные оперативные данные о деятельности Клатта были получены военной контрразведкой «Смерш» после вступления советских войск в Болгарию, Венгрию, Чехословакию, Австрию и Германию и ареста большого числа сотрудников Абвера. Объем полученной от них информации был столь велик, что ее обработка, проверка и анализ заняли более двух лет, прежде чем МГБ СССР смогло доложить Сталину разгадку «мистической» организации «Клатта — Макса».

Первым и совершенно логичным шагом, который был предпринят НКВД после получения дешифрованных английских и собственных перехватов сообщений Макса, была их немедленная перепроверка. Ее результаты

были неожиданными: лишь незначительное количество сведений соответствовало действительности. В разные периоды количество достоверной информации изменялось, но даже первая проверка серии сообщений должна была снять напряжение, возникшее у советского командования в связи с угрозой нанесения ущерба военным операциям. Окончательный же анализ результатов радиоконтроля линий связи Клатта, который продолжался с середины 1942-го до января 1945 года, показал, что только 8% переданных по ним сообщений о СССР были полностью или частично подтверждены проверкой. Вторым шагом был контроль эфира.

За весь период войны радиоконтрразведка не зафиксировала работы неизвестных ей станций или вообще каких-либо попыток выхода по радио как на Софию, так и на Болгарию в целом с территории Советского Союза. Ошибки здесь быть не могло, так как эффективность советской радиоконтрразведки в годы войны была подтверждена путем сверки ее данных о немецких агентурных радиостанциях и линиях связи с данными, полученными оперативным путем. Эти два установленных факта позволяли сделать вывод о том, что «Клатт не мог получать свою информацию непосредственно из Советского Союза».

Оставалось, однако, еще несколько вопросов, в частности откуда все же поступала информация к Клатту, особенно те 8%, которые оказались достоверными сообщениями, и кто был Макс, если он вообще был? Ответу на эти вопросы посвящен 61-страничный «меморандум по делу «Клатт-Макс», который фактически представляет собой подробный анализ показаний арестованных сотрудников Абвера и «Бюро Клатта». На основе этого документа в июле 1947 года было подготовлено спецсообщение И.В. Сталину...

Получив разведывательные данные, Клатт лично их обрабатывал, затем передавал шифровальщикам для

зашифровки, откуда они поступали к радистам для передачи на радиостанцию Абвера «Вера» в Вене. В этом и заключалась вся работа разведоргана Каудера-Клатта. Сам же он с целью создания видимости бурной работы своего бюро раздул большой штат, имел много автомашин, устанавливал радиостанции, которые не функционировали, и делал много других, по существу, ненужных вещей. Все это было ему необходимо для сокрытия фактического обмана Абвера...»[1].

На основе анализа полученных данных советская контрразведка выяснила источники, из которых Каудер получал разведданные об СССР. Их оказалось три: от белоэмигрантов, выезжавших по заданию немцев в лагеря для допроса военнопленных; контакты с иностранными посольствами, в частности, как удалось установить англичанам, со шведским посольством в Софии, имевшим, в свою очередь, информацию из Москвы по дипломатическим каналам, и, наконец, от самих немецких разведчиков.

18 апреля 1944 года спецсообщением № 327/б руководство НКВД и НКГБ о перехвате и дешифровке переписки на немецких линиях связи София—Будапешт, София—Вена доложило лично Сталину:

«Дешифровально-разведывательной службой НКВД—НКГБ СССР с осени 1941 года нерегулярно, а с весны 1942 года систематически фиксировался шифрованный радиообмен на немецких линиях связи София—Будапешт, София—Вена и др. Пеленгацией местонахождения радиопередатчика было установлено, что он находился в предместье гор. София в Болгарии. По смыслу установленной и дешифрованной переписки организационного характера было установлено, что она исходит от германского военно-воздушного атташе в Болгарии, сотрудники которого подписывали телеграммы кличкой

[1] http://whoiswho.ru/russian/Password/journals/21998/klattar.htm.

«Клатт», позднее — «Виго». Много телеграмм прошло также без подписи. Содержание телеграмм касалось главным образом передвижения войск Красной Армии. Было предпринято специальное изучение этих материалов с целью установления, во-первых, их соответствия действительности и, во-вторых, каналов, по которым эти сведения могли проникнуть в Софию. Проверкой значительной части телеграмм этой категории через Генштаб Красной Армии установлено, что подавляющее большинство приведенных в телеграммах данных о частях Красной Армии и их передвижениях вовсе не соответствуют действительности и являются вымыслом. Некоторые телеграммы являются повторением дезинформации, передаваемой с утверждения Разведывательного Управления Генштаба Красной Армии нашими радиостанциями, участвующими в радиоигре с немцами. [...] Перехват указанных телеграмм НКГБ СССР и их проверка через Главное Управление контрразведки НКО «Смерш» продолжается»[1].

Царев и Уэст приводят в подтверждение и такой эпизод: «...Белоэмигрант Васильев продемонстрировал на допросе технику таких операций. В 1943 году он за 7000 левов купил у немецкого разведчика Браунера сведения о дислокации советской авиации, а затем корректировал их по газетным сообщениям. Кроме того, Васильев на основе своих знаний о десантных операциях Первой мировой войны и текущего времени с добавлением собственной фантазии составил доклад о подготовке командованием Красной Армии крупных десантных операций в Крыму. По его утверждению, немцы были завалены информационными материалами, как правдивыми, так и вымышленными, и обман их был более или менее безопасным. Васильев работал не на Ланга или Клатта, а на

---

[1] Подробнее см.: Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». 1939—март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. — М., 2006. С. 420—422.

другое разведывательное подразделение немцев. Однако сопоставление изготовленных им сведений с тем, что передавал Клатт, показало поразительную схожесть некоторых сообщений. Очевидно, накопленный белоэмигрантами, имевшими хорошую военную подготовку, опыт фальсификации разведывательной военной и политической информации еще в 20—30-е годы продолжал кормить их в годы войны...»[1].

Итак, к великому сожалению некоторых историков и публицистов, следует признать, что «Гейне»—Алекс и кодовое слово «Макс», использовавшееся «Бюро Клатта», не имеют между собой ничего общего.

Окончательные итоги спецоперации «Монастырь»—«Березино» приведены в справке начальника IV Управления МГБ СССР генерал-лейтенанта П.А. Судоплатова от 7 мая 1946 года: «По делу «Монастырь» и «Березино» немцы совершили на нашу территорию 87 самолетовылетов тяжелой транспортной и бомбардировочной авиации. Эти самолеты сбросили 40 агентов (все арестованы) и 650 мест груза. В том числе: радиостанций — 16, пулеметов — 20, винтовок, автоматов, пистолетов — 135, зимнего обмундирования — 615 комплектов, продовольствия, медикаментов — около 8 т, советских денег — 4 258 330 руб.».

---

[1] http://whoiswho.ru/russian/Password/journals/21998/klattar.htm.

Содержание

«Радиоигры» как вид контрразведывательных операций Второй мировой войны 5

Радиоигры Абвера и СД 9

Глава 1. ПРОТИВНИК: АБВЕР И СД 37

Абвер – «мозг» подрывных операций вермахта 37

«Морской» Абвер 77

Экономическая разведка Абвера 84

Восточный фронт Абвера: штаб «Валли» 85

«Зондерштаб Р» 92

Секретный авиаотряд германских спецслужб 97

«Бранденбуржцы» — диверсанты Абвера 99

VI управление — щит и меч РСХА 122

«Предприятие «Цеппелин» (март 1942 года — май 1945 года) 129

От «Фриденталя» к «СС Ягдфербанд» 133

Глава 2. «ФАБРИКИ» ДИВЕРСАНТОВ 147

Разведывательно-диверсионные школы и курсы Абвера 147

Подготовка германскими специальными службами диверсантов из числа советских военнопленных 152

Использование германской разведкой коллаборационистских формирований для подрывной работы на Восточном фронте 156

Глава 3. ОТВЕТНЫЙ ХОД СОВЕТСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ 163

Радиоигры Лубянки 170

Стратегическая операция «Монастырь–Курьеры–Березино» 182

Владимир Макаров, Андрей Тюрин

СМЕРШ. ГВАРДИЯ СТАЛИНА

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Ражикова*
Корректор *Н. Гиммельман*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями
обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5.
Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

Подписано в печать 20.10.2009.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Европа». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 4000 экз. Заказ 19546.

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А.М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15

«СМЕРТЬ ШПИОНАМ!»

В отличие от подавляющего большинства современных книг о СМЕРШе, представляющих собой компиляцию одних и тех же источников и без конца пересказывающих давно известные факты, данное исследование основано на лишь недавно рассекреченных документах Центрального архива ФСБ, многие из которых публикуются впервые.

Это подлинная история противоборства советской военной контрразведки с могущественными спецслужбами Гитлера. Это – правда о тайной войне СМЕРШа против Третьего Рейха, в которой сталинские «волкодавы» одолели самых матерых диверсантов Абвера и РСХА. Это – неизвестные подробности лучших спецопераций Главного управления контрразведки НКО СССР «Смерть шпионам!».

СМЕРШ против Третьего Рейха

ЯУЗА
ЭКСМО

ISBN 978-5-699-38742-7